

В ПАРМЕ

AD

А. Н. Радищев

—◆—
А. И. Герцен

—◆—
Е. А. Вердеревский

—◆—
Ф. М. Решетников

—◆—
Д. Н. Мамин-Сибиряк

—◆—
Н. Д. Телешов

—◆—
Н. П. Белдыцкий

*Литературные
памятники
Трикамья*

В ПАРМЕ

•

*Составитель
Н. Ф. Аверина*

*Перское
книжное издательство
1988*

ББК 84Р1-4
В11

Оформление
Е. И. НЕСТЕРОВА

В11 В Парме / Сост., предисл. и комм.
Н. Ф. Авериной; Худож. Е. И. Нестеров. — Пермь: Кн. изд-во, 1988. — 400 с. —
(Литературные памятники Прикамья).
ISBN 5—7625—0058—6

Сборник путевых очерков русских писателей от А. Н. Радищева до Н. Д. Телешова, побывавших в Прикамье и оставивших заметки о своих уральских впечатлениях, не утратившие художественной и познавательной ценности и ныне. Книга выходит в цикле «Литературные памятники Прикамья», начатом в 1987 году сборником повестей и рассказов А. А. Кирпищиковой «Как жили в Куморе».

В 4702010000—45
М152(03)—88 31—88

ББК 84Р1-4

© Составление, предисловие,
комментарии, оформление,
Пермское книжное
издательство, 1988

ISBN 5—7625—0058—6

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ПЕРМИ И ПРИКАМЬЕ

Одними из самых первых книг, дошедших до наших дней, были живые записи путешественников, посетивших дальние и неведомые страны. Зародившись еще в мифологии и фольклоре, «путешествия», начиная с «Одиссеи» Гомера, становятся неотъемлемой и существенной частью мировой литературы. И хотя на первых порах действительность перемежалась в них с причудливым вымыслом, не только эстетическая, но и познавательная роль «путешествий» в жизни читателей той поры была необычайно высока. Столетие сменялось столетием, исчезали и рождались жанры и формы произведений, типы и виды изданий, а «путешествия», пережив испытание временем, оставались любимейшим видом чтения.

От игумена Даниила и тверского купца Афанасия Никитина¹ передала русская литература эстафету «путешествий» авторам последующих столетий. Особенно заинтересованно приняли ее классики XIX века. Н. М. Карамзин, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов и многие-многие другие оставили нам острые, глубокие, любознательные, искренние, точные впечатления от посещенных ими стран, городов, заводов, селений, от картин природы и встреч с людьми.

Не забыты «путешествия» и сегодня, заняв достойное место в творчестве многих современных писателей. Достаточно вспомнить цикл очерков А. М. Горького об Америке, поэмы А. Т. Твардовского, «Одноэтажную Америку» И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, «Ледовую книгу» Ю. Смуула и многие другие произведения, ставшие классикой

советской литературы. К. Г. Паустовский в автобиографической заметке «Коротко о себе» писал: «Почти каждая моя книга — это поездка. Или, вернее, каждая поездка — это книга»².

Что же, однако, роднит, что объединяет все то многоликое разнообразие, которое мы именуем «путешествиями»? Ответить на этот вопрос пытались многие литературоведы и критики.

Н. Г. Чернышевский в рецензии на «Письма об Испании» В. П. Боткина писал в 1857 году: «После произведений поэзии путешествия везде составляют самую популярную часть литературы. По числу изданий и по отчетам публичных библиотек видно, что и в Англии, и в Германии, и во Франции рассказы о путевых впечатлениях и приключениях, о природе чужих земель и нравах народов, населяющих эти земли, читаются с большею жадностью, нежели какие бы то ни было другие книги серьезного содержания. Даже исследования о политических вопросах, даже исторические сочинения не могут отнять у путешествий первенства в этом отношении. В самом деле, путешествия, соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествоведения и приближаясь к так называемой легкой литературе своєю формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека, в столкновениях его с другими людьми, людьми, жизнь которых тем любопытнее для нас, что они живут в условиях иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга, — путешествие совмещает в самой легкой форме самое богатое и заманчивое содержание. Путешествие — это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествоведение. Каждому читателю дает оно все, что только хочет найти он»³.

Столь развернутая и глубокая характеристика, данная «путешествиям» Н. Г. Чернышевским, почти полностью сохраняет свое значение и сегодня. К сожалению, современное литературоведение не определило точно жанровую природу «пу-

тешествий», не дало всесторонних характеристик этого типа произведений. Определенный вклад в разработку проблемы внесла литературовед Н. М. Маслова⁴. Считая «путешествия» особым жанром публицистики, она, как и Чернышевский, подчеркивает огромное разнообразие их форм — от научного исследования до путевого дневника и рассказа. В центре «путешествия» стоит автор — с определенными взглядами, мыслями, оценками, — и вокруг него развивается действие. От позиции автора зависит классовая направленность произведения; что же касается его структуры — она диктуется замыслом, изображаемым материалом, поставленными целями. К сожалению, далеко не все «путешествия» отвечают таким важным требованиям, как многоплановость материала, широта и богатство его, достаточные для сравнений, обобщений и выводов. Научность, с одной стороны, и популярность, своеобразие, живость подачи материала — с другой, должны отличать лучшие произведения этого вида литературы.

Каким-то уголкам земного шара повезло чрезвычайно: из века в век описывали их побывавшие здесь в разные времена знаменитые путешественники, исследователи, писатели — представители разных национальностей, образа мыслей, мировоззрения, интеллекта, таланта... Как интересно сравнивать нарисованные ими картины, невольно становясь современником того или другого, как бы путешествуя с ними рядом — то пешком, с охотничьим ружьем за плечами, то в кибитке, то на пароходе, а то и по железной дороге...

Таким «везучим» уголком можно назвать и Урал, в частности Прикамье. Многие русские и зарубежные авторы оставили любопытные описания его: И. И. Лепехин, П. И. Рычков, И. П. Фальк, Н. П. Вагнер, А. И. Герцен, П. И. Мельников-Печерский, А. Э. Брем, И. С. Левитов, Ф. М. Решетников, Г. И. Успенский, П. И. Небольсин, В. И. Немирович-Данченко, В. Г. Короленко, Д. И. Менделеев...⁵

Произведения, представленные в данном сбор-

нике, объединяет не только то, что все они — «путешествия» (будь это беглые дневниковые записи А. Н. Радищева или пространные путевые очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка); не только то, что описывают они знакомые и родные нам места, но и то, что все они — художественные произведения. Поэтому не вошли в сборник ни любопытнейшие записки И. И. Лепехина, ни очень точные замечания Альфреда Брема, ни пророческие высказывания Д. И. Менделеева, хотя, безусловно, это очень непростая задача — одни произведения отнести к художественной литературе, другим отказать в этом, — какие-то ошибки и утраты здесь, видимо, неизбежны, но объяснимы. Данный сборник — исчерпывающее собрание всего, что было написано о Перми и Прикамье, и даже не антология. Это лишь один из многих томов цикла «Литературные памятники Прикамья».

Конечно, значительно отличаются масштабы личности представленных в сборнике авторов: по их общественной активности, уровню таланта, чисто человеческим качествам. Далеко не равноценны и их произведения — по значимости социальных оценок, искренности, объективности, по художественным достоинствам...

Не может не привлечь внимание читателей такая особенность приводимых в сборнике произведений, как обращение авторов к одним и тем же фактам и сюжетам. В XIX и даже в начале XX века Урал оставался для многих страной экзотической, малоизвестной широкому читателю. Непременно хотелось написать обо всем, что казалось столь любопытным, будило воображение, — о династии Демидовых и тайнах Невьянской башни, о промывке золотоносных песков старателями и поделках из драгоценных и полудрагоценных камней, о старообрядцах и незримой границе между Азией и Европой. И, конечно же, о суровой, неяркой, но такой неповторимой, глубокой красоте природы Урала, о самобытном характере его населения... Отсюда впечатление, появляюще-

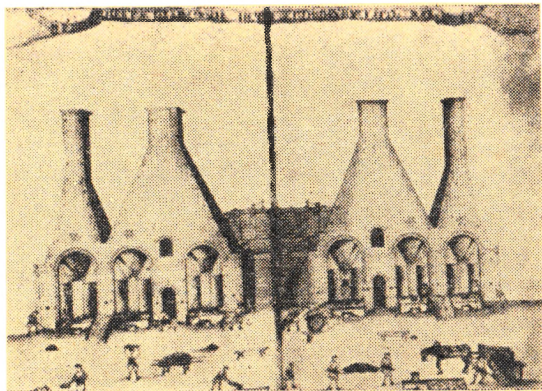
В пути.
С акварели неизвестного
художника начала XIX века.

еся при чтении некоторых очерков, что ты об этом уже где-то читал.

Порою перед нами беглые заметки, порою пространные очерки, иногда это плод случайных и легких впечатлений, иногда — результат длительного и дотошного исследования, сложнейший анализ и богатые выводы.

Сборник открывают дневниковые записи А. Н. Радищева (1749—1802), замечательного русского писателя, революционера, философа, мыслителя. Это «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири».

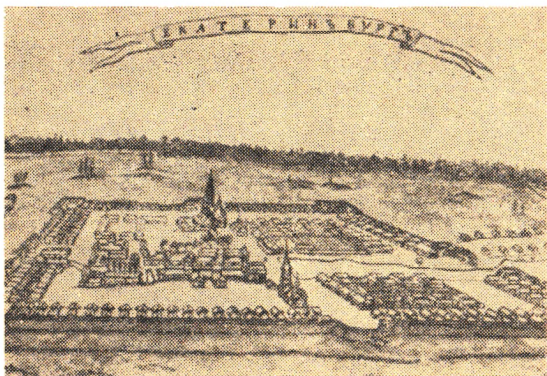
Читатели хорошо знают трагическую судьбу Радищева, судьбу его книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Приговоренный к смертной казни, надломленный нравственно и физически допросами, одиночным заключением в Петропавловской крепости и долгим ожиданием исполнения приговора, он, вдруг неожиданно «помилованный», в кандалах, без денег, теплой одежды и других необходимых вещей, без права проститься с семьей, отправлен на десять лет в далекий Илимский острог. В дороге много болеет. Неиз-

«Прошпект» плавильных печей
Егошихинского завода. 1735 г.

вестно, с самого ли начала пути стал он вести дневниковые записи и они дошли до нас не полностью, или уже далеко от дома, когда положение его несколько улучшилось (сняли кандалы, начал получать от родных и друзей самое необходимое), вернулись к нему обычная любознательность и желание работать. (Выехал он из Петербурга 8 сентября 1790 г., а первая запись датирована 11 ноября 1790 г.) Не доведены записи и до конца пути. В книге приводится лишь часть путевых заметок Радищева, которая относится к Прикамью.

Двести лет отделяет нас от тех дней, когда по глухим пермским дорогам проезжал великий писатель, когда он был в Перми. Заметки Радищева чужды внешней занимательности, предельно лаконичны, казалось бы, сугубо информационны, лишены привычного радищевского философского взгляда на окружающее. Почему же они столько лет привлекают все новых и новых читателей, чем интересны для нас сегодня?

Екатеринбург.

Не только, конечно, тем, что позволяют заглянуть в родные места почти двухсотлетней давности. Они открывают нового, несколько непривычного Радищева, не того, знакомого со школьной скамьи. Исследователь сибирской ссылки А. Н. Радищева А. Г. Татаринцев справедливо заметил: «...каждый новый факт и штрих из его жизни приобретает сегодня тем большее значение, что открытие их дается с огромным трудом, неожиданно высвечивая в облике как будто бы уже известного прорицателя вольности черты нашего современника»⁶.

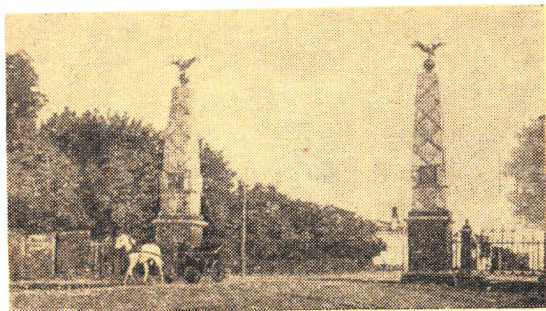
Как «Записки путешествия в Сибирь», так и «Дневник путешествия из Сибири» при всей своей лаконичности очень емки по содержанию. Здесь о многом говорит буквально каждое слово. «Дневник» откровеннее, открытее «Записок», в нем больше упоминаний о людях, хотя и несколько зашифрованных. И это понятно: ведь писал его не осужденный «преступник», а возвращающийся из ссылки человек, полный надежд и планов,

которым, как мы знаем, не суждено будет осуществиться.

Радищев первым из больших русских писателей описал Прикамье, да еще так точно, емко, образно. Оказывается, в нашем крае у Радищева было много приятелей, знакомых, возможно даже в какой-то мере единомышленников. Об этом довольно подробно рассказывает в своих исследованиях А. Г. Татаринцев⁷. Прошло всего десять лет с тех пор, как небольшое селение Егошихинского завода было преобразовано в город Пермь — центр огромного Пермско-Тобольского наместничества, но отстроить и заселить его еще не успели: во времена Радищева в городе было пять улиц, один переулок и проживало менее трех тысяч жителей, причем третья часть жителей приехала сюда совсем недавно, и очень многие — из Петербурга. Часто ехали сюда люди образованные и бескорыстные, жаждущие нести на далекую окраину знания и справедливость. Немудрено, что среди них оказались знакомые Радищева.

Радищев на целых 10 дней задержался в Перми: прибыл 18 ноября вечером, а уехал 28 ноября. На следующий день после приезда посетил генерал-губернатора А. А. Волкова, который передал ему письма графа А. Р. Воронцова, начальника Радищева по петербургской службе и его покровителя. Встречался Радищев с И. И. Панаевым, губернским прокурором, местным меценатом, просветителем, другом многих выдающихся людей, в том числе и Н. И. Новикова, книги которого активно помогал распространять в Прикамье. Панаев передал Радищеву приготовленные по просьбе Воронцова деньги и вещи. Еще по Петербургу были знакомы Радищеву председатель Пермской гражданской палаты И. Д. Прянишников, советник палаты гражданского суда И. У. Ванслов и другие. Видимо, они много рассказывали Радищеву о Перми и Прикамье, обратили внимание писателя на многочисленные проблемы молодого города, на то, что могло ускольз-

Сибирская застава.

нуть от непосвященного взгляда. Были у Радищева интересные встречи и в других городах Прикамья, что и помогло сделать ему беглые заметки столь содержательными. Кто знает, останься Радищев в живых, его дорожные впечатления, в том числе и уральские, могли бы, наверное, стать основой его новых книг...

10 апреля 1835 г. после девятимесячного заключения был отправлен в ссылку в Пермь недавний выпускник Московского университета А. И. Герцен. В материалах следствия по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни», отмечалось, что Герцен «молодой человек пылкого ума и хотя в пении песен не обнаруживается, но из переписки его с Огаревым видно, что он смелый вольнодумец, весьма опасный для общества»⁸.

Арест, по существу без причины, обыски, допросы, тюремное заключение и, наконец, ссылка заставили юношу, уже критически присматривающегося к миру и начавшего замечать его противоречия, но еще восторженного, свято верящего в торжество справедливости, совершенно по-иному взглянуть на окружающую его действительность,

отбросили его на крайне левые позиции, постепенно выковали из него борца.

Всего лишь немногим более двух недель пробыл Герцен в Перми — с 28 апреля по 14 мая 1835 года, затем местом ссылки была определена для него Вятка. Но эти две недели не прошли для него бесследно. «Практическое соприкосновение с жизнью начиналось тут — возле Уральского хребта», — напишет он позднее в «Былом и думах»⁹. Это действительно была первая встреча молодого человека, который ранее черпал сведения о жизни в основном из книг и не выезжал никуда далее подмосковных усадеб своего отца, с подлинной российской действительностью. Он встретился с новым городом, где царили совсем иные взгляды и понятия, где было так много ссыльных и почти совсем не было дворян. Отсюда, издавлек, точнее и определеннее представлялось ему прошлое. Герцен здесь начнет знакомиться с жизнью народа, с чиновничье-бюрократическим аппаратом, все это обогатит его жизненный опыт, углубит оппозицию к существующему строю. Он встретит здесь людей, которые заинтересуют и даже поразят его — они станут героями и прототипами героев многих его произведений. К воспоминаниям о Перми Герцен будет возвращаться в течение всей своей жизни — в автобиографической повести «О себе», в очерке «Вторая встреча», в «Записках одного молодого человека», в «Письмах о Казани, Перми и Вятке», в «Былом и думах», в некоторых других произведениях и письмах.

Предлагаемое в сборнике произведение молодого Герцена, условно называемое «Часов в восемь навестил меня...», очень интересно именно в этом плане. У литературоведов до сих пор нет единого мнения о том, что представляет собою этот фрагмент. Автобиографические ли это заготовки конца 30-х годов, использованные позднее в других произведениях, таких, например, как «Записки одного молодого человека»? А может быть, отрывки нескольких незаконченных произ-

ведений? Не фрагменты ли это частично дошедшей до нас повести «О себе»? Произведение действительно распадается на три самостоятельные части: Крутицкие казармы, дорога от Москвы до Казани, Пермская губерния. Хотя для данного сборника более всего подходит третья часть, сохранившиеся отрывки публикуются полностью — лишь все вместе они помогают воссоздать тяжелую весну в жизни Герцена, эволюцию его на-

А. И. Герцен.
Портрет работы
А. Збруева. 1832 г.

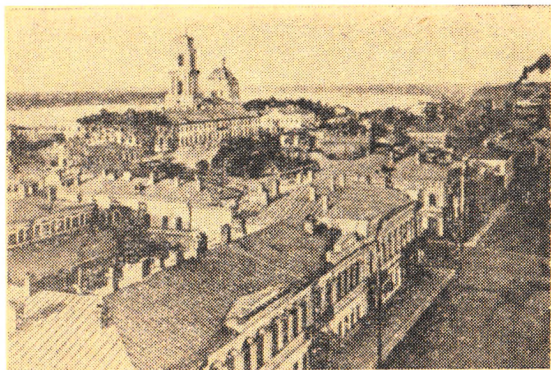
строения — от полной подавленности до пробуждения острого интереса к миру, до сих пор автору совершенно незнакомому. Герцен еще очень молод, мировоззрение его только-только складывается, но не пасторальные пейзажи, не диковинки незнакомых земель в центре его внимания, а сцены, подобные этой: партия арестантов — дети, женщины, седые старики, звуки цепей, нагайки надсмотрщиков... Встреча уже почти в конце пути — на границе Пермской губернии — с партией арестантов так потрясла Герцена, что, описывая ее в письме к Н. А. Захарьиной уже из Вятки (письмо от 6 июня 1835 года), он добавит: «...вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь»¹⁰.

Об Е. А. Вердеревском, весьма плодовитом журналисте, писателе, поэте середины XIX века, сегодня знают лишь немногие специалисты да любители редких изданий. Произведения его в советское время не переиздавались, лаконичные сведения о нем можно найти лишь в некоторых

дореволюционных словарях и многих узкоспециальных изданиях. Видимо, по образованию был юристом. В 1847 году его из Петербурга выслали в Пермь (причины ссылки нам установить не удалось), где он прожил пять лет. В 1853 году уехал на Кавказ, служил, занимался журналистикой и литературным трудом. Часто печатался. Отдельными изданиями выходили произведения Вердеревского: «Октавы. Рассказы в стихах» — две книги (Спб., 1847), «Дума Урала. Стихотворение» (Тифлис, 1854), «Стихотворения первой молодости. Песни, думы, послания» (Спб., 1857. Первое издание этой книги было отпечатано в Москве в 1838 году), «От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» (М., 1857), «Кавказские пленницы или плен у Шамиля семейств кн. Орбельяни и кн. Чавчавадзе» (Спб., 1856 и М., 1857. Переводы на французский и английский языки) и некоторые другие. Рецензии на его произведения появлялись в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и других. Сотрудничал в газете «Кавказ», выпускал альманах «Зурна». Рецензируя альманах, Н. Г. Чернышевский отметил его не слишком оригинальный и отнюдь не местный характер. В основном альманах заполняли произведения самого Вердеревского и некоторых столичных авторов¹¹.

Как считали рецензенты, в поэзии Вердеревский явно подражал А. Полежаеву и М. Лермонтову, в прозе не поднимал серьезных проблем, не делал открытий. Но слог его легкий, приятен, наблюдения порою свежи и любознательны.

«От Зауралья до Закавказья...» — большое по объему произведение, поражающее смешением жанров: это и письма, и путевые очерки, и дневниковые записи, и бытовые зарисовки, и поэзия, и анекдоты... Все рядом: серьезное и смешное, глубокое и поверхностное, легкий разговорный тон и сухой язык статистических выкладок. Произведение публикуется не полностью. Из восем-

Вид Перми с юго-запада.

надцати писем в книгу вошли только первые пять, те, что рассказывают о нашем крас. Сам автор понимал некоторую легковесность своего творчества, отмечая, что записки его «от первой до последней строки писались и пишутся по первым живейшим впечатлениям, по горячему следу возбуждения», что это лишь «письменный отчет путевых впечатлений 3000 верст», от «Зауральского Ирбита до Закавказского Боржома». С удивлением вглядываясь в черты «малоизвестного рубежа России», Вердеревский полагает, что турист, задумавший описать этот путь, «может быть уверен, в рассказ его, как бы он ни был безыскусствен, поместится много новизны и разнообразия».

Вердеревский редко описывает картины природы (можно вспомнить лишь «пырки» на снежной ирбитской дороге, минеральные источники селения Ключи да живописные камские берега). Гораздо чаще в поле его зрения людские дела — кипучая жизнь Ирбитской ярмарки (ее товаро-

оборот, загулы купцов, чванство золотопромышленников), смешное и великое горного города Екатеринбурга (искусство камнерезов, работа механической фабрики, дома «напоказ»), самые разнообразные стороны жизни губернской Перми, путешествие на пароходе. Автор с любовью и уважением относится к Уралу, Перми, к ее людям, особенно интеллигенции, культурный уровень которой, по его мнению, порою ничем не отличается от культурного уровня столичных жителей.

У Вердеревского нет сцен насилия, произвола, лихоимства, жестокости. Провинциальные актеры — единственная группа населения, которая вызывает его соучастие, сочувствие. Все остальное — вполне благополучно и даже приятно.

В отличие от предыдущих авторов, не по своей воле заброшенных в наш край и чаще всего проживших здесь недолго, Ф. М. Решетников и рождением, и большею частью жизни, и почти всеми своими произведениями неразрывно связан с Пермской губернией.

Ф. М. Решетников прожил очень короткую жизнь (1841—1871), бедную внешними событиями, богатую невзгодами и утратами; жизнь, весь смысл, вся радость и истинное содержание которой было литературное творчество.

Он родился в Екатеринбурге, но ему не было еще и года, когда мать его, бежав от пьяницы-мужа в Осу к родителям, заболела в дороге и скончалась в Перми, оставив маленького сына на попечение бездетных родственников В. В. и М. А. Решетниковых. В Перми Федор Михайлович закончил уездное училище и после недолгой службы в Екатеринбурге снова вернулся сюда. С мая 1861 по июль 1863 г. служил в Пермской казенной палате. В Екатеринбурге и Перми им были написаны поэма «Приговор» драмы «Паннич» и «Раскольник», комедии «Черное золото» и «Деловые люди», повесть «Скрипач», первый набросок знаменитых «Подлиповцев» и другие произведения. Напечатать же удалось лишь две статьи в газете «Пермские губернские ведомо-

Вид на Покровскую улицу.
Справа здание Казенной палаты.

сти» — «Библиотека для чтения чиновников пермской казенной палаты» и «Святки в Перми».

В июле 1863 года Решетников уезжает в Петербург, поступает там на службу, но, главное, начинает печататься в лучших русских периодических изданиях, прежде всего, в некрасовских «Современнике» и «Отечественных записках». Затем появляются отдельные издания его произведений. Так, в 1867 г. отдельным изданием были напечатаны «Подлиповцы», в 1869 г. выходит первое собрание сочинений в двух томах. На сочинения Решетникова появляется большое число рецензий и откликов. Очень тепло отзывались о его произведениях М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, П. Н. Ткачев, Г. И. Успенский и другие передовые писатели и критики, в первую очередь представители революционно-демократической литературы. С особенной сердечностью отнесся к Решетникову Н. А. Некрасов.

Среди относительно малозвестных произведений Решетникова — его путевые очерки, один из которых печатается в данном сборнике. Скучная,

Троицкий собор в Соликамске.
1685—1697 гг.

однообразная жизнь уездных городов, жители которых большую часть времени проводят во сне; забитость несчастных «подлиповцев», в каждом проезде видящих «левизора» и готовых отдать последнее, лишь бы он заступился за них; жалкие избы, тощие поля.. Только ли это в центре внимания молодого писателя, после нескольких лет жизни в Петербурге приехавшего навестить родные места? Прислушайтесь, как на грубый окрик проезжего ямщик с достоинством отвечает: «Не та пора-то». И молодой рабочий из усольских солеварен тоже не позволяет себя обидеть: «Мы сами с усами!.. Руки коротки!» Решетников одним из первых отразил крепнущее самосознание рабочего человека -- в том числе и в этих, казалось бы, таких незатейливых с пер-

вого взгляда очерках. Любовь писателя к родному краю и обида за его обездоленность и беспросветность — как тесно эти чувства взаимосвязаны у Решетникова и как мучительны для него!

Большую часть жизни прожил на Урале, в Пермской губернии, знаменитый русский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852—1912). Да и переселившись в Петербург, он не терял связей с родным краем, живо интересуясь его проблемами, получая о нем самые подробные сведения от оставшихся на Урале родных, знакомых, друзей, товарищей по перу, единомышленников.

Мамин-Сибиряк оставил богатое литературное наследие: пятнадцать романов, большое количество повестей, рассказов, сказок для детей, очерков, публицистических статей... Основная их часть создана на уральском материале. Хотя об Урале писали и ранее, но так полно, всесторонне, с таким поражающим знанием материала, искренней сыновней любовью, с глубочайшим и заинтересованным проникновением в его проблемы — так об Урале до Мамин-Сибиряка не писал никто. По существу именно он открыл Урал для широкого читателя.

Начав в литературе как репортер, Дмитрий Наркисович не забывал журналистику до конца жизни, сохранив в себе лучшие журналистские качества: умение непредвзято смотреть на мир, остро чувствовать его болевые точки, живо откликаться на самые актуальные, злободневные вопросы своего времени...

В большую литературу Мамин-Сибиряк вошел хотя и запоздало (ему было почти тридцать лет), но стремительно и победно. В 1881 году Мамин-Сибиряк едет из Екатеринбурга в Москву, ставя перед собой две цели. Первая — продолжить образование. Закончив духовное училище в Екатеринбурге и четыре класса Пермской духовной семинарии, он учился в медико-хирургической академии в Петербурге, затем перешел в университет, который тогда пришлось оставить из-за болезни и бедственного материального положения.

Вторая цель поездки была пристроить в какие-нибудь издания некоторые из своих произведений. В университет он опоздал. Зато с октября 1881 г. умеренно-либеральная газета «Русские ведомости» из номера в номер начала печатать его обширные очерки «От Урала до Москвы». В следующем году сразу три передовых журнала («Дело», «Вестник Европы» и «Устой») опубликовали его рассказы. В январе журнал «Дело» начал печатать роман «Приваловские миллионы». Одно за другим в различных периодических изданиях публикуются и другие произведения. Особенно радовало внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина, появление на страницах руководимого им журнала «Отечественные записки», лучшего журнала тех лет, сразу нескольких произведений. Однако в 1884 г. журнал был закрыт правительством.

Мамин-Сибиряк привлек внимание читателей, издателей и критиков не только яркостью своего таланта, но и своеобразием, новизной темы, доныне не известной литературе, — темы горнозаводского Урала. Некоторые буржуазные критики пытались представить его безобидным этнографом и бытописателем. А он был остросоциальным автором, впервые показавшим жестокий мир буржуазных хищников всех мастей, но особенно достоверно горнозаводчиков и золотопромышленников, показал безысходное положение народа, красоте и нравственной силе которого не уставал удивляться и верил, что эта сила способна противостоять жестокому миру эксплуататоров. Он первым в литературе показал рабочую солидарность (описание забастовки рабочих в романе «Три конца»), вскрывая острые противоречия между угнетателями и угнетенными, всегда становился на сторону последних. Мамин-Сибиряк не делал социально-значимых выводов, но он подводил к этим выводам тех, кто читал его произведения. Не случайно ленинская «Правда», откликнувшись на кончину Маминна-Сибиряка, предрекала: «Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уваженьем поставят твое имя

на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности»¹². Высоко ценил Мамина-Сибиряка В. И. Ленин¹³.

Учитывая огромный интерес писателя к социальным проблемам, понимаешь, почему в его богатом литературном наследии публицистика, очерк, в том числе и очерк путевой, занимают исключительно важное место: они для него — наиболее удобная форма, которую можно наполнить богатым социально-экономическим и историческим содержанием.

Как уже говорилось, если не считать репортерских опытов студенческих лет и написанного и опубликованного тогда же романа «В водовороте страстей», путевые очерки «От Урала до Москвы» — первая серьезная публикация Мамин-Сибиряка в большой прессе. Как писал В. Стариков, редакцию газеты «Русские ведомости», «...довольно щепетильную в выборе сотрудников, привлекли несомненная одаренность автора, его демократизм, остро-отрицательное отношение к хищнической практике ведения горнозаводского дела на Урале»¹⁴.

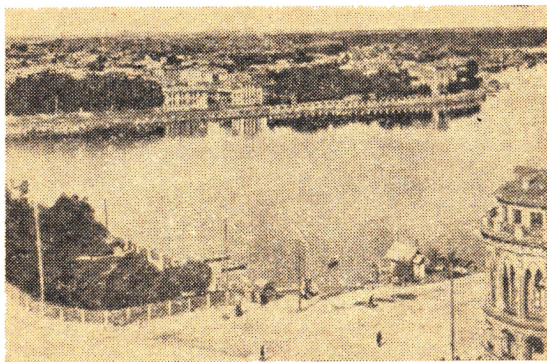
Очерки необычайно богаты материалом. О чем мы только не узнаем, прочитав их! О прошлом Урала, о его уникальных природных богатствах, хищнически эксплуатируемых русскими и иностранными предпринимателями, о народных волнениях, о старообрядчестве, о развитии промышленности, об одурачивании крестьян во время «освобождения», о тщетных попытках земства что-то исправить, улучшить, о красоте, талантливости простого народа, но и о его долготерпении, религиозном фанатизме, пьянстве... Что-то потеряло с течением времени свою злободневность, что-то кажется сегодня наивным, недостаточно обоснованным, что-то совсем по-иному трактуется советскими историками (например, легенда о Чумпине), но в главном очерки не утратили своего значения до сих пор, ибо написаны они талантливейшим мастером слова, истинным патриотом, дотошным исследователем, честным, принци-

Конечный пункт Уральской железной дороги — станция Пермь.

пиальным человеком, демократом, верящим в светлое будущее родного края и его народа.

Столь богатое содержание требовало и соответствующей формы. Это не просто путевые очерки (или «путевые заметки», как скромно назвал их в подзаголовке сам автор). Мы видим очерк в очерке, внутри последнего — историческое исследование, здесь же — бытовые зарисовки, уголовная хроника, статистические выкладки — и все это многообразие цементируется личностью автора. И. А. Дергачев, большой знаток уральской литературы, исследователь творчества Мамина-Сибиряка, писал, что в очерках «От Урала до Москвы» «...чувствуется органическая слитность различного по форме материала. Очерки во всей своей кажущейся пестроте обнаруживают многогранность личностного, авторского восприятия жизни — от научного, логического, строгого анализа до ярких, живых картин и взволнованных эмоциональных впечатлений»¹⁵. Конечно, не стоит забывать, что это одно из относительно ран-

Центр города Екатеринбурга.

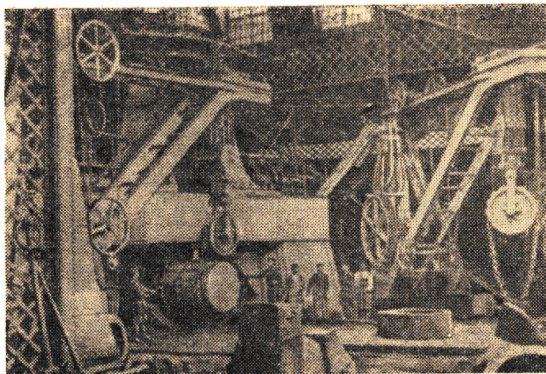
них произведений большого мастера. Встречаются в очерках и затянутости, и повторы, и некоторые погрешности стиля...

Очерки были для Мамина-Сибиряка как бы эскизами многих его будущих произведений — романов, повестей, других очерков, в них отчетливо проступают темы и мотивы «Братьев Гордеевых», «Приваловских миллионов», «Трех концов», «Горного гнезда», «Дикого счастья», «Бойцов», «Золотухи»...

Большое место в жизни и творчестве Мамина-Сибиряка занимала Пермь. Здесь он прожил четыре года своей молодости, учась в Пермской духовной семинарии, здесь проявился его литературный талант, сложились читательские вкусы, здесь пристрастился он к нелегальной литературе и сам участвовал в нелегальном семинарском журнале, здесь сформировалось его мировоззрение. Приезжал Мамин-Сибиряк в Пермь и позднее, дружил со многими пермскими общественными деятелями, краеведами, исследователями, такими, как В. Н. Шишонко, Д. Д. Смышляев и другие.

Пермь нашла отражение во многих произведениях: «Бойцы», «Старая Пермь», «Именинник»... Мамин-Сибиряк всегда стремился подчеркнуть свою нелюбовь к губернскому городу, но, думается, отношение это не было столь уж однозначным. В данных очерках он похвалил удобное расположение вокзала, в очерке «Старая Пермь» — новые красивые дома, мостовые, вид на Каму, а главное, богатую пермскую краеведческую литературу... Любовно описывал он пригороды Перми: Левшино, Мотовилиху. Он очень любил Екатеринбург, и трудно было ему примириться со второй ролью этого города в губернии.

Творческий путь Н. Д. Телешова (1867—1957), известного русского советского писателя, продолжался свыше семидесяти лет — первое опубликованное произведение Телешова — стихотворение «Покинутая» — появилось на страницах журнала «Радуга» еще в 1884 году. Позднее, в 80—90-е годы, в различных мелких периодических изданиях печатается ряд его очерков и рассказов: «Петух», «Перемена», «Ответ» и другие. В произведениях Телешова этого периода явно чувствуется влияние А. П. Чехова, звучат чеховские мотивы: изображения и обличения пошлости, мещанства, мелочности интересов, жизненной усталости. Однако писателю в то время явно не хватает впечатлений, знания российской действительности. И однажды А. П. Чехов, случайно встретив Телешова в вагоне поезда (Телешов ехал в Царицыно снимать дачу), начал усиленно советовать ему вместо дачи поехать куда-нибудь далеко — за тысячу верст, за две, за три. Вот как позднее в «Записках писателя» Телешов пересказал это чеховское напутствие: «Если времени мало, поезжайте на Урал; природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю и чтоб иметь право сказать самому себе: «Ну, вот я и в Азии!» А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. Сколько всего узнаете, сколько рас-

Мотовилиха. 1875 г.

сказов привезете! Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих почтовых станциях и в избах, совсем как в пушкинские времена; и клопы вас будут заедать. Но это хорошо. После скажете мне спасибо. Только по железным дорогам надо ездить непременно в третьем классе, среди простого народа, а то ничего интересного не услышите. Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда — по Волге, по Каме...

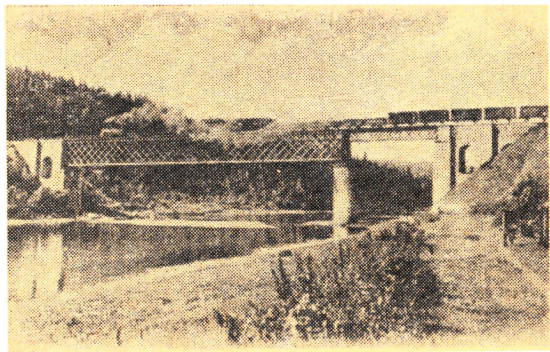
Он начал давать практические советы, как будто вопрос о моей поездке был уже решен. На станции Царицыно, когда я выходил из вагона, Антон Павлович на прощанье опять сказал:

— Послушайте доброго совета, купите завтра билет до Нижнего.

Я послушался и через несколько дней уже плыл по реке Каме без цели и назначений, направляясь пока в Пермь. Дело было в 1894 году»¹⁶.

Поездка по Уралу и Сибири, знакомство с жизнью коренного населения и переселенцев не-

Мост через р. Косьву
около станции Губаха
Уральской железной дороги.

обыкновенно расширили кругозор писателя, обогатили его впечатлениями, пробудили гражданские чувства. Многочисленные очерки и рассказы, созданные по следам поездки, охотно принимались редакциями ведущих и наиболее прогрессивных периодических изданий. Позднее они были объединены в книгах «На тройках» (1895), «Повести и рассказы» (1896), «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» (1897), принесших ему заслуженный литературный и общественный успех. Особенно это относится к последней книге, главы из которой печатаются в нашем сборнике.

Гуманизм и демократизм автора, любовь к рабочему люду, понимание его тягот и вера в народные силы — все это не могло не привлечь передового читателя той поры, не может не привлечь и нас. Телешов проезжает по тем же самым местам, по которым более сорока лет назад проезжал Е. А. Вердеревский, тринадцать лет назад — Д. Н. Мамин-Сибиряк, иногда обращает

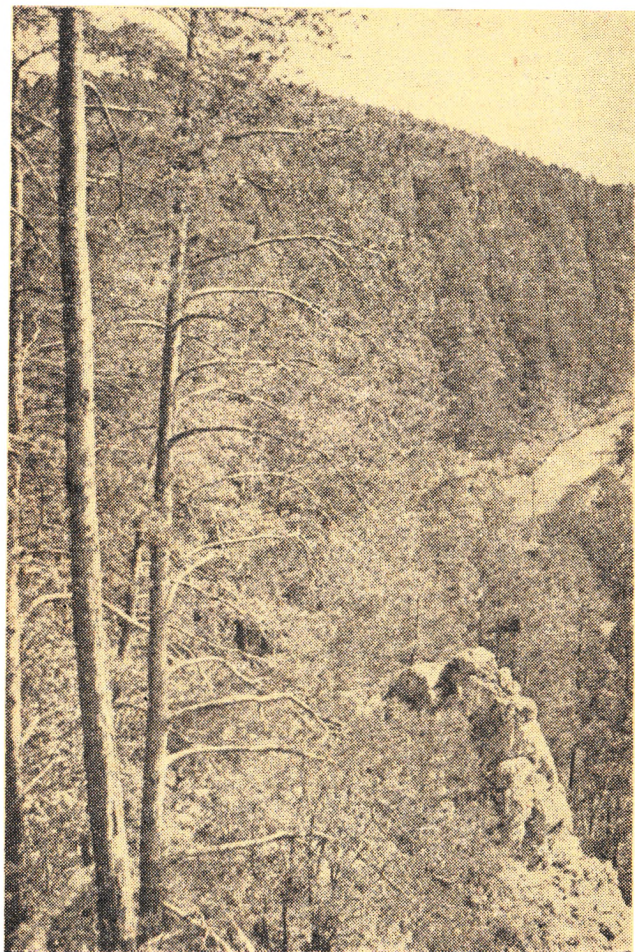
внимание на те же самые факты, события — это дает нам повод для интересных сопоставлений. Но ни один из писателей не побывал в шахте, один спуск в которую, казалось, отнял все силы, ни один не описал столь невыносимых условий труда.

Завершается сборник путевыми очерками коренного пермяка, уроженца Чердынского уезда Н. П. Белдыцкого (1875—1928).

Н. П. Белдыцкий родился в семье известного в свое время охотоведа, земского служащего П. В. Белдыцкого. Первоначальное образование он получил в Чердыни, затем окончил Пермскую мужскую гимназию, вернулся в родные края, учительствовал в глухих деревнях, много путешествовал. В 1907 году пересел в Пермь, служил секретарем Пермского научно-промышленного музея, последние годы жизни работал редактором Сибкрайиздата.

Рано начал писать. Многие его статьи, корреспонденции, очерки публиковались на страницах «Пермских губернских ведомостей», «Пермской земской недели» и других периодических изданий, выходили отдельными книжками в Перми (начиная с 1899 г. почти ежегодно) и в других городах, например в Архангельске. Главной темой Белдыцкого было географическое, историческое и этнографическое описание тех отдаленнейших, глухих мест уральского севера, которые он так хорошо знал.

Федор Михайлович Решетников занимал в жизни и творчестве Белдыцкого особое место. С одной стороны, он был очень близок, понятен и, как казалось, доступен для подражания — земляк, такой же разночинец, так же трудно шел к своему призванию... С другой стороны — кумир, недостижимый образец... Многие произведения Белдыцкого или написаны о Решетникове, или посвящены ему, или навеяны его мотивами. Знаменательны в этом отношении очерки «В Парме», два из которых приводятся здесь. Мало что изменилось за прошедшие пятьдесят лет в жизни

чердынских «подлиповцев». Та же беспросветная нужда, невежество, болезни, пьянство, полное бесправие и безысходность. Крошечный, заваливающийся на один бок пароходик «Кособеня», с трудом добравшийся до далекого Тулпана, приводит в неимоверный ужас местных жителей, заставляя поверить их в неизбежно близкий конец света.

Белдыцкий не был профессиональным писателем, и, конечно, очерки его проигрывают в художественном отношении рядом с очерками Мамина-Сибиряка или Телешова, но они написаны с таким знанием материала, с такой любовью к глухим северным местам, так непосредственны и искренни, что заставляют забыть, что перед нами скорее красвед и журналист, чем «инженер человеческих душ». Белдыцкий старается описать «подлиповцев» не хуже, чем это сделал когда-то Решетников. Но ему не хватает не только таланта, но и щедрости души последнего. В героях Решетникова дикость не исключала человечность. Белдыцкий как будто и сочувствует своим «дикарям», но сочувствует снисходительно, свысока, не столько даже жалея, сколько осуждая их.

Безусловно, сборник не исчерпывает всего многообразия путевых очерков, посвященных Перми и Прикамью. Иной читатель не встретит здесь знакомых и уважаемых имен: П. И. Мельникова-Печерского, Г. И. Успенского, П. И. Небольсина, В. И. Немировича-Данченко и других. Их произведения войдут в другие тома цикла «Литературные памятники Прикамья».

Н. АВЕРИНА

А. Н. Радищев

**ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ
В СИБИРЬ**

11 ноября [1790 г.]

В Казани, поднявшись на гору, ехали полями, лощинами...

16 [ноября 1790 г.]

...В Цепце ночевали, последняя вотская деревня. Рекруты в Вятку ставят до явки, стояние дорого: от 40 до 90 р. В Перми стоит очень мало.

17.

За Цепцой деревней более полей, что большое население доказывает. Везде малые русские деревни, которые называют починками.

От Цепцы до Сосновой 38 верст, казенная деревня. Стоят по станциям ямщики верхотурские. У почтовой избы висит доска, на которой написано, сколько от стану в обе стороны

верст, — дабы не было спору и обманов, прислана от казенной палаты.

Село Дуброва, 26 верст, графа Строганова. В 25 верстах есть завод его же, железный. Мужики кажутся в довольно хорошем состоянии. Строение: две избы и между их сени. Избы есть по крестьянскому состоянию очень хорошие.

Оханск город, 26 верст. От Сосново <й> к Оханску гористо, но горы невысокие. Подъезжая к Оханску, везде почти поля, и селения очень часты. Есть места положением прекрасные. Лес — ель по большей части и пихта. Подле речек чернолесье. Оханск имеет некоторые прямые улицы, одна церковь деревянная, стоит на Каме. Другой берег ее крутогорый и лесной¹.

18.

От Оханска до станции Однодворки, названной по одной избе, построенной для жилья содержащих почту ямщиков, 20 верст. Место низкое, междубережья. От Однодворки, поднявшись на гору и проехав лесом верст 12, откроются во все стороны холмы и долины, от лесов обнаженные, многие деревни и деревушки или починки и изгороды. И чем ближе к Перми, тем больше населения. Аникеева 23^{1/2}, до Перми 23^{1/2}.

19.

Пермь лежит на правом берегу Камы, вверх. Было село Егачиха. Начат строить

9 лет назад. Улицы прямые, строение деревянное, ряды тоже. По воскресениям базар. Мастеровых мало. Горшки в приказе делают, разваливаются. Кирпичи также. В Перми промыслов мало, держат, однако же, всякие заморские товары. Лавки давно уже построены. Базары по воскресеньям. Продают хлеб, мясо, рыбу, воск, мед, посуду деревянную, крашеную и рисованную, медную, чугунную, железную и жестяную с заводов. Плотничное искусство невелико. Доставлять бревна не умеют. Столярное выписывают из Казани. Печников мало².

28.

Выехали из Перми. До Коянова или Тасимки 24 вер. Живут татары. Компанейщики или приискатели руд отправляют, за недостатком ямских, почту. Других тягостей не платят, а сия всем тяжка. Место местами гористо, местами плоско.

До Яничева 15, татарское. До села русского Крылосова 25. Крылосовская волость, везде есть волостные суды, исправники посылают им указы. До Кунгура 20. Переезжая Кунгур, гора высокая. Стоит на реке Ирене и Сылве. Город старинный, худо построен. Бывший провинциальный. Старая воеводская канцелярия, в середине большая комната со столами и скамьями для писцов, в середине два столба, у одного цепь, в прихожей отгородка решетчатая, осленистая³, для сажания колодников. На горе старинная деревянная крепость, то

есть забор с башнями, в коих ворота. На площади перед собором стоят 20 пушек чугунных на лафетах, из коих 3 годных. В сарае, называемом цейхгаузом, хранятся пушечки (фальконеты) Ермаковы и ружья, весом в пуд или $1\frac{1}{2}$ по крайней мере, ствол чугунный, ложа деревянная, простая, замок старинный с колесами. Тут же хранятся и орудия казни: топор, крюк, которым за ребра вешали, утюг, то есть кривое железо с ручкою, шириною в $2\frac{1}{2}$ пальца, наподобие серпа, железцы или клеймы малые.

По Сылве ходят суда в Каму, а оттуда в Волгу, романовки и шитики, возят хлеб до Рыбинска; а от Макарья берут клади в Пермь; в казну ставят в Рыбинск по 45 к. пуд, покупают в Кунгуре мукою по 17 к.

Промысел кунгурский: кожевенный и сапожный, хлебный, разный заморский мелочной товар, но мало. Лавки отворяют по понедельникам в базар. Продают книги русские: Прологи, Четьи-минеи, Квинта Курция⁴, физиогномия⁵. Берег Сылвы обделан местами деревом. Место красивое, вокруг поля. На базаре продают хлеб свой, рыбу из Сибири, свежую и соленую, хмель из России, сено, дрова, масло льняное, лен, оглобли, горшки чугунники⁶, патоку, сало. Многие кунгурские купцы имеют откупы винные в других городах. Один построил стеклянный завод за 25 верст от города, на татарской земле. Купцы берут оную землю в кортому⁷, имеют и свою по крепостям, нанимают работников и пашут. Жать платят поденно 20 коп.⁸

4 декабря.

Выехали из Кунгура. До села Усть-Репенского или Сабарки по речке 31 вер. Село казенное, приписано к Демидовскому заводу за 200 верст, избы плохи. Работа состоит в рубке дров, по $3\frac{1}{2}$ сажени с души, за сажень получают лова[?], а сами платят по 1-му р. Проезжали полями, на коих оставшие большие сосны свидетельствуют, что бывал лес. По дороге на 29 вер. селений нет, но много по сторонам. Ночевали.

Село Златоустово или Ключи при речке Ирене, которая почти никогда не мерзнет, течет быстро. 22 вер. проезжали горами. Лес — бор сосновый, много вырублено. 10 вер. от Сабарки близ Суксуна гора высокая, почти в версту, и очень крутая, состоящая из известкового камня белого. Виден завод Демидовский медный и железный, на котором делают посуду.

Село Ключи, в нем 1300 душ, приписано к казенным Иргинским заводам за 110 верст.

До Быковской 15, несколько гористо, редкий сосняк. Навоз везде почти кидают. Везде волостные избы и суды. Староста с выборами.

До Ачитской крепости или деревни 20 вер., ехали почти все полем, где бывал лес, гор нет.

До Бисертской 90 вер. Гористо, и дорога лесом.

До Кленовской 25 вер., дорога по холмам.

Не доезжая верст за пять, спускаются с высокой и крутой горы и неприметно покатою досезают до селения. От сей горы, которая

в сем месте, кажется, составляет хребет Урала, горы становятся ниже.

До Киргишанской 34. До Гробовской 27.

Крепости к заводам не приписаны, платят только обыкновенные подати. Хлеба сеют мало, и то один ржаной, по причине холода и каменного грунта. Отяготительны для них подводы, прохождение колодников. Промысел их состоит в работах по заводам.

До Билимбаихи 23. Не доезжая в 4 вер., переехали Чусовую; течет по каменному грунту, как и все другие. При дороге рудники железные, вохра желтая, красная и руда темно-синяя. Завод Строгановых, плавят чугун; две домны.

[До]Талицы 14. До Решот 16. Маленькие слободы Екатеринбургского ведомства, хлеба не пашут, кормятся извозом.

8 декабря.

До Екатеринбурга 23 вер. Горы становятся от часу менее. В 1 1/2 вер. или меньше находится Верх-Исетский железный завод Яковлева наследников. Пруд, он длиною на 20, шириною на 10 верст, на нем острова. Летом вид прекрасный. Село большое. Если плотина прорвется, как та опасность настояла года четыре назад, то большая часть города будет потоплена и дворы снесет.

Н. В. В Пермской губернии все едят ситний хлеб и при худом урожае. Привычка древняя от прежнего изобилия.

Приехали в Екатеринбург 7 декабря ввече-

ру. Город построен по обе стороны реки Исети, которая течет в крепком каменном грунте. Примечания достоин в рассуждении своего положения, монетного двора, присков каменьев, шлифовальни, гранильного искусства и мраморного дела. Медные и железные подделки дороги. Торг хлебом для городских жителей, рыба из Сибири. Мясом ведет большой торг в Вятскую и Пермскую губернию.

Меди всей на всех заводах в отменные годы выплавляется от 170 до 180 тысяч пудов. Заслуги капитана Попова по заводу.

В воде завелись вши. Есть бег [?]. Все продают весом.

Берега Исети состоят из каменистого шифера⁹.

15-е.

Выехали. От Екатеринбурга мало уже становится пригорков. В некоторых местах ломают почти при дороге камень светло-серый с белыми и черными крапинами. Крепкий шифер. Не доезжая еще Косулиной, лес стал безразняк и места ровные.

До Косулиной 24. До Белоярской слободы или села 25. Поля с перелесками. Обе приписаны к верхней плотине. До Белейки к Кушвинскому 25 вер. Паршино 26 верст, Камышлов 26. На Пышме почти до Камышлова дорога идет все равниною, где ни малейшего нет пригорка. К реке небольшие пригорки. Камышлов — город из деревни, стоит на горе, одна церковь деревянная, по воскресеньям базар. За городом сосняку верст 10. Селения

частые, большие, и места все почти ровные, поля и перелески.

До Черемы 23. До Пылаева 22. Елань 25. Приписаны к заводам Никиты Демидова за 250 и 280 верст. Сие последнее из приписных к заводам деревень. Расстояние столь дальнее делает заводские работы отяготительными тем больше, что, опричь пашни, другого промысла не имеют.

В трех верстах от Елани находится Талицкий казенный винный завод. Имеет несколько заводских людей. По учреждении гуртальной водяной и упразднении молотовой в Екатеринбурге присланы оттуда работные люди, до 70 семей поселщиков, из Екатеринбурга. Близ Елани к заводу лес, который много выведен.

Берега реки Пышмы покрыты лесом; впаля в Туру.

До Тарасовой 24. Между Еланью и Тарасовой находится слобода или село Белюковское, в которой видны развалины деревянной крепости и пустые магазейны. Пугачеву делали отпор. Ирбит за то сделан городом.

До Кылы 28, переехав Пышму в последний раз. Под деревнею дорога идет бором и болотным лесом 16 верст, на середине которого находится граница Тобольской губернии. Выехав из оногo, открываются великие поля без малейшего возвышения, где видно бывал лес, но все покрыты жатвою. В правую сторону по дороге селения часты по реке Пышме. Влево поля, конх предел лес.

До Лучинкиной 22. До Ушаковой 22; в сей

деревне находятся 30 душ помещика Угрюмова.

По селениям около Тюмени, даже верст за 50, живут тюменские мещане, которые пахут и промышляют. Н. В. Их состояние лучше против крестьянского, которых подати больше. Селения в Пермской губернии, также в Тобольской, опричь заводских, которые построены усадьбою, беспорядочны; причина, может быть, та, что селятся не вдруг. За Екатеринбургом все избы кажутся черны или очень стары, или лес скоро чернеет. Народ в Сибири приветлив. Бледен. Язвы. Ходят в лохмотьях¹⁰. До Тюмени 23. До города все места ровные. Тюмень стоит на Туре на высоком берегу...

[ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ СИБИРИ]

...28-е апр<еля>

Поутру приехали на перевоз Пышмы к Кыле 22 вер. Пермской губернии. Пышма разлилась на версту. Переезжали в ветер крепкий с трудом.

До Тарасовой 28 вер.

В Пермской губернии наехали почту порядочнее, на всяком станке солдат, платят все по две копейки, хотя неправильно, но не останавливают. Различия не делают между почтовыми и уездными. На почтовых возят почту и курьеров.

На сем станке встретили курьера, везет указ о неработании в воскресенье и пр.

До Елани 24 вер.

29-е апр <реля>

До Пылаевой 25 вер. На полудороге сего станка перевоз через Пышму переезжали с ветром.

До Черемы 22 вер.

В Камышлов приехали около вечера, 23 вер. Пил чай у городничего, который, хотя, чтобы я его уважил, сказал, что хочет видеть сына моего, потом, что мне дает лошадей, пускай и губернатор на него осердится¹¹.

От Камышлова, в 5 верстах переехав Пышму, в начале ночи ехали до Паршина 26 вер.

30 апр <еля>

На рассвете выехали. Перевоз на Пышме на пяти ботах однодеревных. До Белейки 26 верст. Пышма оставалась в правой стороне, но выехали к оной в селе Белоярском, где сменили лошадей, 25 вер.

В Белоярском, пошумев с пьяными мужиками, поехали до Косулиной 24 вер. Тут стоит на станке сержант. Дорога идет надвое: на Шадринск и Камышлов. От военной команды были больные. От Косулиной до Екатеринбурга 24 вер. Сия последняя станция отчасти грязна, отчасти камениста.

От Тюмени до Пышмы места ровные, как и все места до Оби, но за Пышмою становятся не таковы. Уже начинает дорога идти квер-

ху, и хотя Екатеринбург стоит в долине, но поверхность города сего от поверхности Пышмы уже гораздо возвышенна, ибо расстояние по дороге около трех сот верст, а по течению реки, может быть, до 500. К сему прибавим, что и возвышение до самой Билимбаихи невелико, а тут уже течет Чусовая, изливающая воды свои в Каму, следовательно, позадь хребта, разделяющего воды сибирские от вод российских. Надлежит думать, что землетрясения сию страну более переменили, нежели другую, и склонили в сем месте вершины уральские; сие тем больше вероятно, что отчасти станция от Косулиной до Екатеринбурга, а обще станция от сего города до Решот усыпаны величайшими кварцевыми камнями, к Билимбаихе гранитом, и сам Екатеринбург стоит на крепком каменистом грунте.

К Тюмени ехавши, видели мы еще местами снег, за Тюмень бесснежие, но трава желтая. Около Камышлова верст около ста в ту и другую сторону озими заленилися, земля была под яровое вспахана осенью, и ее сеяли и боронили везде железными боронами. Таковы везде и около Перми. В Екатеринбурге ж, куда приехали 1-го мая, огородов еще не возделывали. В Тюмени и Камышлове от них [к] югу места гораздо хорошо удобны и для дерева плодовые. N.B. Пчелы могут там водиться. N.B. По сию сторону Урала примечена язва сибирская¹².

Выехали 4-го после полудни в Билимбаиху, 5-го поутру выехали (задержаны, команда увела лошадей в ночь) и, переехав Чусо-

вую, 6-го в Гробовскую поутру, где у исправника Порецкого пили чай и ели.

Поехали с командою, приехали в Киргишанскую с командой, где пили чай у капитана. Исправник нас знает. До Кленовской гористо и грязно. В Бисертскую приехали 7-го, часу в 9-м переехали Бисерть, быструю реку, и обедали в Ачитской. Сварили курок.

Сторона восточная Уральских гор около Екатеринбурга плоска, но даже от Камышлова есть пригорки, и Екатеринбург хотя не на горах, но стоит на шиферном грунте. До Решот дорога камениста, лежат большие камни кварца, мрамора, а потом даже до Билимбахи гранит; за Чусовую места низки. Пашни нет до Кленовской, там пашут помалу. В 5 верстах завод Бисертский Демидова. От Киргишанской до Бисертской и несколько дале горы частые и грязно, есть долины мокрые, где косят сено. От Бисертской до Ачитской долины с пашнею, и около живут татары. А от Киргишанской до Бисертской по обоим сторонам селений нет. Хлеб дешевле в Ачитской. За Бисертскою держат пчол.

В деревню Быковскую приехали ввечеру. Горы видны вдали в левой стороне, а от них долины, на коих бывал лес. Изредка стоят сосны, много бортей¹³. От Быковской в ночь полями, пашнями, перелесками, спуски. В село Ключи приехали поутру 8-го числа. Сие селение протекает река Ирень, очень быстрая, через нее мост. Селение версты на три или четыре. От Ключей через поля, возвышенные к реке Суксун, которую переезжают в селении по

мосту близ мельницы, в правой стороне пруд версты на 4, на версту шириною, принадлежащий Суксунскому медеплавильному Демидовскому заводу. Проехав селение близ церкви, поднявшись на высокую и крутую гору, ехали полями, рощами окруженными, до Сабарки, лежащей в ямине. Вид пруда, окруженного селениями, пашнями, рощами и сосновыми чистыми рощами, приводил на ум Женевское озеро. Из Сабарки, напившись чаю, часу в десятом поехали в Кунгур. Приехали в 5. Городничий... копия с моей книги¹⁴.

Вид Кунгура, лежащего на высоком берегу Сылвы, в которую при городе впадает Ирень. Берега белого известного плитняка. За разливом реки Бабки дорога идет другою дорогою.

Переночевав, выехали 9-го в Николин день. Перевоз в городе партикулярный, платят что хотят. В пяти верстах переезжали речку Шахву при селе. Тут мужик говорил, что у них купцы землю пашут, на что дала казенная палата указ. Ехали до станка Зарубина 15. От Зарубина дорога идет высоким берегом и выходит к Сылве, где вид прекрасный, потом до Сергинской слободы через лес, близ Сылвы, Шаховского и к<нязя> М. Голицына, принадлежал бар<онам> Строгановым.

Простояв долго в Сергах, поехали лугами до горы весьма крутой, потом через лесок до Законтеловой и за ней до перевоза через Сылву. Ночью, на берегу переменяв лошадей, ехали лесною и мокрою дорогою до сельца Кольцова, принадлежащего к<нязю> Шаховско-

му. Мужики разорены, и деревня в опеке. Поутру 10-го числа, напившись чаю в Кольцове, ехали перелесками 14 верст до обыкновенной дороги Кунгурской, которая выходит при деревне Лобановой. Тут много попадалось работников с коломенок, пливших по Чусовой. Ехали пашнями, лугами, перелесками до Перми.

От 10 до 15 мая.

Пробыв в Перми с немалым удовольствием в доме И. Д.¹⁵ и получив письма, согласился плыть по Каме до Лаишева. Отвалили после полудня, но не могли по причине восставшей паки погоды отплыть далее верст 30-ти.

16 м<айя>

Простояв пониже села Нижних Мулов, в 25 верстах сухим путем от Перми, плыли уже тихой погодою даже за Оханск.

Берега Камы все лесисты, нагорный берег то идет по правую, то [по] левую сторону реки. Лес был голый. Зелени не было, только набрали по вспаханному полю много пестиков, род дикой спаржи, не очень вкусной, которую простой народ приготовляет в пирогах; малые ребята брали его по полям, может быть, ради крайней бедности.

17-е.

Проплыли Осу в трех верстах от Камы на возвышенном берегу при тихой погоде.

Плыли при малом ветерке. Берега лесисты, но есть поля расчищенные. Чем далее плыли, тем зелень начала показываться; сей день видели первый дубняк. По расчищенным полям, ибо степей не видно, думать надлежит, что люди уже живут в сих местах давно...

А. И. Герцен

<ЧАСОВ В ВОСЕМЬ НАВЕСТИЛ МЕНЯ...>

...Часов в восемь навестил меня некогда бывший мой законоучитель — отец Василий¹; он уже не один раз был у меня, и беседа его всякий раз оставляла в моей душе светлый след. Я обнял почтенного пастыря. Когда он давал мне уроки, я не умел вполне оценить этого человека, с его восторженной, чистой душой. Что-то беспредельно торжественное было в беседе нашей; плавным, величественным *maestoso** окончилась она: благословение пастыря, объятия друга² напутствовали меня, слезы души любящей заключили ее³. В эти минуты я был достоин принять высокие впечатления. Возбужденная душа раскрывалась всему святому. Взор мой покоился на двери, в которую вышел священник.

...Дверь снова растворилась. Видали ли вы на образах явление девы Марии в какой-нибудь бедной келье изнеможенному старцу-монаху, во всем блеске просветленного образа человеческого, в котором от плоти едва осталось очертание, а дух божественности просвечивает в своей бестелесности? видали ли взор любви и кротости, обращенный на поверженного в прах угодника? и его взор, светящийся восторгом и благоговейным трепетом? Я был тот, которому явилась дева...⁴,

* величественно (лат.).

молча протянула она мне руку, я быстро схватил ее...

...Не так ли умирает человек? Посланник божий, светлый, улыбающийся, подойдет к страдальцу, протянет руку, и тело мертво, а душа родилась в царство духа и свободы. Как ясно стало в душе моей, когда я держал ее руку; казалось, не о чем было и говорить, а когда стали говорить, говорили так, ничтожные вещи. *Разлука* укрепила нашу симпатию, дала возможность прийти в себя, в сознание, превратиться в сущность жизни, в самую жизнь. Только тогда пало несколько сильных слов, которые носят в зародыше мир чувствований, мыслей, дел. «Брат, — сказала она, прощаясь, — в дальнем крае помни, что твоя память о ней ей так необходима, как жизнь».

...Мы простились. Время опустило меч свой...

...Я остался с Терентьичем⁵. Ветеран мой часто рассказывал мне о своих походах и жизни за границей. «Там ведь, — говорил он, — не то, что у нас: города так застроены, что никакого пространства нет (уверяю вас, что не выдумываю), и дома все на один лад; если номер дома забыл, то и поищешь дня два». В лингвистике он тоже был силен. Есть о чем поговорить с бывалым человеком, нечего сказать.

...Иногда в праздничные дни Терентьич подгуляет; он от этого ничего не терял, напротив, приобретал сильный запах сивухи, и тут-то мой ветеран был удивительно гениален. Во все праздничные дни Терентьич полу-

чал порцию, да не пьет ее, а в склянку, — сами рассудите, стоит ли из-за полустакана рот марасть. Набравши пять-шесть порций, он их употреблял в прикуску с черным хлебом. Так принятые пять порций ответственуют 55. После этого *déjeuner sans fourchette** усаж принимался за трубку. Чубук в полвершка, трубка величиной с горшок для гречневой каши, а табак он покупал листьями *имбирку*; т. е. венгерский, фунт пять копеек, и сам крошил. Вино и табак возбуждали в нем лиризм, и он затягивал свою любимую песню:

Сватался за девушку саратовский купец,
Говорил, житья-бытья двенадцать кораблей,
Думаю, подумаю, не выйду за него...

...Между прочими достоинствами моего воина надобно упомянуть о патенте на ряд крестов и медалей, висевших на его молодецкой груди. Этот патент, не так, как мой на титулярного советника, не на телячьей коже был выпечатан, а на его собственной, прекрупным цицеро⁶ сабельных ударов, а знаки препинания были поставлены свинцовыми точками.

Per me si va nella città dolente⁷
(Надпись по дороге в ад).

*И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.*

...10 апреля в восемь часов утра явился ко мне дежурный офицер и объявил, что через час я должен отправиться в путь. Он меня

---

* завтрак без вилки (*фр.*).

застал в сильном раздумье и в сильном волнении, но ни того, ни другого я описать не могу. В душе было что-то торжественное, — правда, грустное, очень грустное, но не отчаянное, напротив, грусть была проникнута сильной верой в будущее. Чувства, колыхавшиеся, как волны морские, в моем сердце, были не по груди человеческой; казалось, они разобьют ее. Я по словам офицера, как по лестнице, начал опускаться на землю и был рад этому, мне становилось тягостно в этом состоянии, так физически неестественно человеку дышать на высокой горе, несмотря на то, что там воздух составлен в 10 раз чище из своих 29 долей жизни и 71 доли смерти, нежели в низменных местах. Вчера вечером я мало и смутно чувствовал, но когда я лег часа в два на постель и потушил свечу, явилась бездна чувств и мыслей. Не знаю, как с другими, а со мною всегда первое впечатление слабее, нежели отчет в этом впечатлении. Погода немного всякое ощущение является ярче. У меня сердце, как болонский камень; покуда лежит на солнце — не светит, солнце село, ночь пришла — горит камень.

...Перед отъездом я зашел проститься с соседом⁸; я никогда не был прежде с ним в коротких отношениях, но тут мне и с ним расставаться было жаль: с ним можно было вспомнить былую жизнь, а вскоре меня окружают чужие люди, с которыми у меня ничего общего нет. Потом я взял лоскуток бумаги и написал Natalie: «За несколько часов до отъезда я еще пишу, и пишу к тебе; к тебе будет

последний звук отъезжающего; вчерашнее посещение растопило каменное направление, в котором я хотел ехать. Нет, я не камень — мне было грустно ночью, очень грустно! Natalie, Natalie, я много теряю в Москве, все, что у меня есть, и когда увидимся? где? Все темно, но ярко воспоминание твоей дружбы. Не забуду никогда своей прелестной кухни»⁹.

...Терентьич проводил меня за ворота. Я обнял его; у старика навернулись слезы. Я обнял его еще — от души. «Неси, брат, простую душу твою туда, где в одну шеренгу поставят и тебя, и фельдмаршала Сакена; мало тебе было дано, мало с тебя и спросится на инспекторском смотре того света. Инвалидный дом там светел, обширен и тепел, места и про тебя будет, а о телесных наказаниях и думать нечего, ты тела туда с собой не возьмешь...»

...Дежурный сел со мной на извозчика, и мы поехали к генерал-губернатору. На лестнице встретился с Лахтиным, ему назначено было ехать завтра. Он хлопотал об отсрочке и был очень сконфужен¹⁰. В комнате наверху я нашел моих родных. Жалея их, я скрыл, как тяжело было мне.

...У подъезда стояла дорожная коляска, и мой человек¹¹ суетился около чемодана, подпоясанный по-дорожному. Один я не собирался, а ехал. Наконец я в коляске, за заставой — не было сил еще раз выглянуть на Москву, да и бог с ней... Колокольчику отвязали язычок — мы едем. Вдруг провожатый¹², спокойно куривший трубку, привстал на козлах,

снял фуражку и стал креститься, говоря моему камердинеру: «Креститесь, почем знать, увидим ли Кремль и Ивана Великого». Фу! Я бросил извозчику четвертак, чтобы он поскорее ехал, и ямщик поскакал ветер—буря! На другой день я с любопытством смотрел на губернский город¹³. Воспитанный во всех предрассудках столицы, я был уверен, что за сто верст от Москвы и от Петербурга — Варварийские степи, Несторово лукоморье, и крайне удивился, что губернский город похож на дальний квартал Москвы.

...Вскоре очутились мы на берегах Оки. Она была в разливе; день был ясный, поверхность реки стлалась светло и гладко на несколько верст. Куря сигару, я стоял, облокотясь на жердочку перил, и смотрел, как московский берег отодвигался все далее и далее; глубь, вода, пространство отделяли меня более и более, а тот берег — чуждый — из темно-синей полосы превращался в поля и деревни, становился все ближе и ближе, а между тем у меня на московском берегу — все. Ярче разлуки я никогда не чувствовал. Тихое, покойное движение по воде наводило само собою грусть. Слезы навернулись на глазах и канули в голубую реку, вздох вырвался и исчез в голубом небе. «Дай-ка фляжку с ромом», — сказал я человеку, проглотил два три глотка и продолжал курить сигару; признаться, тяжелое дело спрягаться страдательно, как отлагательные глаголы латинской грамматики. На одной станции я стоял у окна и смотрел, как закладывали коляску; не

знаю, как глаза мои попали на оконницу, на ней было написано: «N. O-ff, exilé de Moscou le 9 avril 1835»¹⁴; я подписал под ним свое имя и два стиха из Данта:

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore¹⁵.

Да, ею идут в страну бедствий, и я задумался о всех вздохах, поглощенных этим воздухом. Вдали от станции стоял этап.

...В Чебоксарах я вымерил всю даль от Москвы. Тут толпы чувашей и татар напоминали близость Азии. На Волге я чуть не утонул. Река была в разливе, персправа верст двадцать. Целая станция. Татарин поднял парус и при сильном ветре не мог сладить с дощаником, наехал на бревно, вода полилась из пробитого места, и минуты две-три я не видел ни малейшей возможности спастись, — верст пять от одного берега, верст десять от другого, — татарин стал читать молитвы, мой человек плакал. В первую минуту я испугался, но ненадолго. Вдруг уверенность в будущность и какая-то непреложная вера победили страх, и я спокойно ожидал развязки. Купеческая барка шла недалеко от нас, мы все стали просить помощи. «Есть нам когда возиться с вами», — отвечали с барки, и она проплыла. Потом мужик в комяге подъехал, между тем паром встал на мель, и мы были почти спасены. Мужик придумывал, как исправить паром. Его исправили, и мы поехали. Несмотря на сильную бурю с проливным дождем, мы досхали до Казани, где первым дей-

ствием моим, как только стал на берег, было отправить провожатого за сивухой. Больше двух часов стоял я в воде вершка на три, в апреле месяце, и передрог, как собака.

...Холодный утренний ветер дул со стороны Уральского хребта. Рассветало. Я крепко спал в коляске, как вдруг меня разбудил шум и звук цепей. Открываю глаза — многочисленная партия арестантов, полуобритых, окружила коляску. Башкирец с сплюснутой рожей, с крошечными щелками вместо глаз, нагайкой погонял остальных. Дети, женщины, седые старики на телегах, и резкий ветер, и утро раннее, — я отвернулся; на дороге стоял столб, на столбе медведь, на медведе евангелие и крест¹⁶.

Вскоре быстрая Кама, которая, пенясь, несла льдины, была уже за мною, и я очутился через день в Перми.

...В Перми я пробыл около месяца¹⁷, все это время было употреблено на приведение себя в какой-нибудь уровень с окружающим, на определение своих отношений с обстоятельствами и лицами, наконец, на какое-то глупое бездействие.

Я начал разглядывать пустоту жизни, в которую попал. Никогда не выезжая из Москвы да и в самой Москве не видав жизни чиновников, я теперь с большим любопытством рассматривал мир, для меня новый. Губернатор¹⁸ был настолько великодушен, *c'est le terme**, что не дал мне почувствовать тяжесть

---

* буквально (фр.).

моего положения. Он поручил мне дела статистического комитета и оставил в покое. Пермь для меня была *ad lectorem* [†], настоящий текст — в Вятке. Не думая, не гадая, я уехал из Перми дней через двадцать. Коляска моя была сломана, я выхлопотал право остаться еще на два дня в Перми, и через пять с половиною суток вялая волна Вятки подвигала мой дощаник к крутому берегу, на котором красовалось желтое, длинное, неуклюжее здание губернского правления. Опять *fatum* ^{**}! А я грустно подвигался к Вятке, душа предчувствовала много ударов, падений, грязи, мелочей, пыли, — это было в 1835 году 20-го мая вечером... ¹⁹.

---

* Буквально: к читателю (*лат.*). В смысле: вступление.

** рок (*лат.*).

Е. А. Вердеревский

ОТ ЗАУРАЛЯ ДО ЗАКАВКАЗЬЯ, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги

ПИСЬМО 1-е.

ВВЕДЕНИЕ

Два рода путевых записок. Побудительные причины к моим заметкам. План их. Полезный отдел в газетах. Весна в Ирбите — как время и точка моего отправления.

Г. Пермь. 23 января 185* года.

Если могут быть интересны рассказы о путешествии из какой-нибудь центральной, более или менее всем известной точки России, в страну менее известную, — если так живо, так вполне овладевали в недавнее время нашим вниманием «Рассказы проезжего», «Письма о поездке на Кумыс»¹ и прочие заметки наших туристов, то рассказ о путешествии из одной terra incognita* в другую, как, например, из Приуральяского края в Закавказье, такой рассказ, по моему мнению, должен представить собою двойной интерес для русского читателя. Вы выезжаете, положим, из Петербурга, Москвы или Одессы в Финляндию, в Оренбургский край или на Кавказ; вы проехали сто, полтораста, двести верст и даже более, — вы берете свою записную книж-

---

* неведомой земли (лат.).

ку, напрягаете память, насилуете воображение, и увы! при всех ваших усилиях, до половины подлежащего вам пути, вы не находите ничего резкого, ничего характеристически-отличительного, ничего такого, чем вы могли бы занять и свою наблюдательность, и внимание будущего вашего читателя... Избитый тракт, слишком незаметная постепенность в изменении быта и нравов проезжаемых вами центральных стран, тождество, убийственное для «путевых впечатлений», тождество русского пейзажа и русских городов, — вот что неизбежно охладит вашу литературную производительность, и если только вы не одарены недобросовестной способностью некоторых французских туристов, способностью «творить» местоположения и приключения, вместо того, чтобы списывать их с природы, в таком случае вы с досадой изгрызете свой дорожный карандаш и предадите забвению ваш альбом или, еще с большей досадой, на белых листках его увидите ваши редкие, как русские версты, и почти столько же бледные, как и самые листки альбома, путевые заметки!..

Совсем другое дело — пуститься от одного малоизвестного рубежа России к другому, столь же малоизвестному. Здесь непременно все будет резко выставляться зрению путешественника и его читателя. Здесь каждая оригинальная черта одного края будет еще выпуклее и оригинальнее от сравнения или сближения ее с оригинальными чертами другого края. Здесь, от начала до конца путеше-

ствия, туристу беспрестанная работа; пусть только он не выпускает из рук карандаша, пусть только смотрит и записывает, и он может быть уверен, в рассказе его, как бы он ни был безыскусствен, поместится много новизны и разнообразия: новизны потому, что для очень многих очень много нового в нашей неизбитой еще туристами России; разнообразия потому, что не может не быть его на протяжении двух-трех тысяч верст, в странах, удаленных от центров государства и, стало быть, мало утративших свою самобытную физиономию...

Все эти, ободрительные для меня, мысли вертятся в моей голове теперь, когда я спешу к открытию Ирбитской ярмарки (1-го февраля) и собираюсь переехать уральские высоты с запада на восток с тем, чтобы по окончании ярмарки снова вернуться в Пермь и оттуда пуститься к Кавказу. Мысли эти так убедительно говорят мне в пользу легкости исполнения и небесплодности намерения моего вести путевые записки *не для одного себя*, что я тороплюсь сшить себе толстую тетрадь для предстоящих заметок и укладываю ее вместе с парой фаберовских карандашей в мою походную варшавскую сумку, обыкновенно носимую через плечо на прочном английском ремне. Я даже не думаю запасаться «пособиями» для путешествия, то есть не беру, да и взять негде, ни статистических указателей, ни guides * (когда-то будут существовать рус-

---

* путеводители (фр.).

ские guides!!!), ни даже «пространной географии Павловского», и остаюсь только при складной «почтовой карте» поручика Семенова, составленной в 1849 году.

В уверенности, что будет достаточно интересно все то, что мне встретится, я решил не прибегать к чужим указаниям и записывать только то, что увижу. Ошибусь ли я в своих соображениях, предоставляю судить вам самим; я же уверяю вас, что мною будет сделано все, что только можно сделать во время *срочного* переезда от северо-восточного рубежа европейской России к юго-восточному.

Мне кажется, что тот еще недостаточно знает какую-либо страну, кто знает, положим, ее производительные силы, ее этнографию, исторические, фабричные или промышленные достопримечательности различных мест страны. Одно из самых любопытных познаний в этом отношении, по моему мнению, состоит в том, чтобы во всякую данную пору года определять: что где делается; то есть что в такую-то пору производится здесь и чем заняты руки народа там-то; на какую точку страны переносится на время общая деятельность и общие капиталы с других ее точек; наконец, где в данное время более движения, жизни, интересов и чем эти интересы обуславливаются. За примером ходить недалеко: всякий порядочный торговый человек должен знать и знает, где, в какое время на Руси ярмарка и результаты какой именно производительности стекаются на ярмарку для сбыта. Праздные или больные должны знать,

когда и где открывается *сезон* минеральных вод и т. д. В некоторых петербургских газетах существует отдел, в котором ежедневно указывается, что в котором часу может найти столичный житель для своих нужд в столице. Не худо было бы расширить этот отдел до указаний: что в какую эпоху года производится во всех концах России. Это было бы полезно не для одного промышленного класса!

Весна приносит с собою повсеместное движение, повсеместное пробуждение деятельности. Коренная, *столбовая*, если можно так выразиться, производительность России — хлебопашество, возникает с весною в хлебных губерниях. Весною открываются навигации, оживляются речные и морские пристани. Весною начинаются золотопромышленные разработки в Сибири, рыбный промысел в Астрахани, на Дону и в Архангельске. Весною соляные и металлические караваны отправляются от восточных рубежей России к ее всепоглощающим центрам, и многое, многое, что необходимо для русской жизни, возникает вместе с весною.

Нижегородская макарьевская ярмарка служит центром, в который стекаются все сокровища отечественной производительности, требующие сбыта, и находят его.

Вторая, по своей значительности, Ирбитская ярмарка, имеющая назначением снабжать фабричными продуктами нефабричную Сибирь, как бы заканчивает собою рабочий русский год. Она происходит в феврале, то

есть в последнем зимнем месяце года, при последних зимних дорогах, и здесь находит себе сбыт все то, что не сбыто производителями в течение года: Сибири нужно много, так она и неприхотлива. Конечно, это относится только к главнейшим статьям ирбитского сбыта: к русским мануфактурным изделиям, потому что цифра их сбыта относится к цифре сбыта всех вообще привозимых в Ирбит товаров, как треть к единице; это мы берем из официальных и достовернейших источников.

Желающим ближе ознакомиться с Ирбитской ярмаркой рекомендую мою статью о ней в июльской книжке «Отечественных записок» за 1849 год. Теперь же я коснулся Ирбита для того, чтобы стать на ту точку, с которой начнется мое путешествие к югу и которая так резко будет отличаться ото всего, что будет встречаться на каждом шагу от севера на юг.

Я не без умысла сказал о важности знания того, что, когда и где делается на Руси. Подвигаясь в пространстве от Урала к Кавказу, я намерен обратить внимание не на одни только местности; я буду подвигаться и *во времени*, то есть постараюсь обозначить: где, в какое время, какая преобладает деятельность, и, таким образом, вместе с наружностью проезжаемых стран обозначу и внутреннюю жизнь их, по крайней мере, в весенний период этой жизни... Повторяю: я хотел бы сделать путешествие вместе с уральскими *коломенками*², которые, пока происходит

февральская Ирбитская ярмарка, строятся на пристанях Колвы, Камы, Чусовой, Серебрянки, Исети, Уфы и др. рек уральских и со вскрытием льда поплывут, нагруженные уральскими продуктами: солью, хлебом и железом, ко внутренним и южным пристаням России, по Каме, Волге, Оке и Дону — в Нижний, С.-Петербург, Астрахань, Ростов-на-Дону, Таганрог и проч.

ПИСЬМО 2-е.

ЯРМАРКА

Зимняя дорога и езда до Ирбита. Местоположение Ирбита. Квартыры на ярмарке. Внешний вид ярмарки. Назначение Ирбитской ярмарки. Таблица ее оборотов за десять лет. История ярмарки. Цены на главные статьи торгоа в последнюю ярмарку. Главнейшие статьи привоза и сбыта. Отношение приезжего народонаселения к обычному. Г-н N и мое знакомство с ним. Два случая с ним: первое знакомство и чужие шубы. Масленица в Ирбите. Экстраординарное представление в театре. Биржевый зал и сцена с московскими концертантами. Балы в Собрании. Вечерние увеселения. Уличные увеселения и костюмы. Вечерние ощущения в приятельских кружках. Сон и сновидение из Ада «Божественной комедии» Данте.

Г. Ирбит Пермской губернии.
1 февраля 1853 г.

Вчера я приехал или, вернее, *приплыл* сюда, в зауральский городок Ирбит; я говорю приплыл, потому что ездy в повозке по непрерывающейся цепи глубоких ухабов и

сугробов, или, как здесь выразительно именуют, *нырков*, гораздо правильнее назвать плаванием. Впрочем, несмотря на нырковатую дорогу, переезд от Екатеринбурга до Ирбита, 214 верст, легко совершается в сутки. Лошади здесь приземистые, плотные, круглые, из породы либо степных — сибирских, либо обвинских, — сильны и неутомимы. Гористые станции по Уралу, большие расстояния между станциями: иногда 30 и больше верст, наконец, глубокие нырки, в которые беспрестанно спускаются сначала лошадь, а потом экипаж, и беспрестанно выплывают оттуда, для чего лошадям надобно делать особое усилие, все эти отяготительные условия здешней зимней дороги не мешают почтовым лошадям делать два, а иногда и три конца в сутки от станции до станции: так велико требование в лошадях пред наступлением и по окончании ярмарки! Однако задержек в лошадях здесь нет и быть не может, потому что на всем протяжении от Казани до Ирбита учреждены вольные почты, содержатели которых, в видах собственной выгоды, должны удовлетворять требованиям всех проезжающих. Это учреждение, существующее здесь в виде опыта на 12 лет (с 1849 года), несколько отяготительное для частных лиц, едущих по собственной надобности и принужденных платить двойные против обыкновенных прогоны, — имеет и свои удобства. Заплатив в какой-нибудь конторе прогонные деньги за весь путь *до места*, вы избавлены от докучливых расчетов на каждой станции. По

предъявленному вами билету вам немедленно впрягают лошадей и везут безостановочно далее. Летом по превосходным здешним дорогам таким образом делают, и я сам делал, 300 верст в сутки.

Ирбит на крутом и высоком берегу речки Ирбита, при слиянии ее с речкой Ницёй. Подъезжая к городу, вы невольно обращаете внимание на кладбище с прекрасной каменной церковью, расположенное на весьма значительной высоте, среди соснового бора и обнесенное белою каменной оградой. Глядя на это возвышенное место успокоения, так далеко отодвинувшееся от шумящей и беспокойной земли, в виду шумной ярмарочной толпы и, быть может, по закону противоречия, вам непременно придет в голову похвала уединенному месту усопших, вы непременно подумаете: хорошо здесь!..

Проехав шлагбаум, дом городской больницы, театр, вы выезжаете на площадь гостиного двора, едете мимо балаганов и лавок, ищете гостиницы — и не находите ни одной порядочной. Здесь все живут по квартирам, нанимаемым заблаговременно на будущую ярмарку. Не наняв заблаговременно, трудно найти себе помещение. Если же и посчастливится найти чистую комнату, то вы заплатите за нее очень дорого. За один ярмарочный месяц здесь платится столько же, сколько и за целый год, да оно и не может быть иначе, потому что для коренных жителей и домовладельцев города главным и иногда единственным доходом служит плата за нанимаемые

у них помещения. Круглый год стоит пустой дом ирбитского домохозяина и занимается на один только месяц; как же не желать ему в один месяц получить свои 8 или 10 процентов с капитала, употребленного на постройку дома, тем более, что купечество, многочисленнейшее здесь сословие, не почитает дорогую квартиру для себя отяготительною; плата за помещение раскладывается купцом на продажный товар, и, следовательно, за все отвечают покупатели.

Наняв себе (за 60 р. сер.!) две небольшие комнаты в центре города и поместив в них свое дорожное имущество, я отправился знакомиться с самым городом. Завтра запишу результат своих разысканий.

12 февраля.

Вместо одного дня знакомство с городом и его торговлей заняло у меня одиннадцать. В день моего приезда, 1 февраля, после молебствия подняты флаги на башне с северной стороны гостиного двора и на каланче Биржевой залы, помещающейся против северных ворот гостиного двора. Гостиный двор — квадратное двухэтажное каменное строение — составляет центр торгового движения. Он помещается на огромнейшей площади, которая кругом обстроена более или менее опрятными домами, лучшими в городе и заключающими в себе также разные магазины, преимущественно требующие обширного помещения, как, например, магазины женских мод, часовых дел мастеров, рабочие портных, фо-

тографов и т. п. Это центр и лучшая часть города. Вокруг гостиного двора с трех сторон три площади, уставленные балаганами, то есть импровизированными холодными досчатыми строениями. Далее — несколько улиц, конная или сенная площадь и, наконец, ветхие и дурно обстроенные слободы. Вблизи гостиного двора две прекрасных каменных церкви. Вот и весь наружный вид города. Общее впечатление, оставляемое им в зрителе: довольно грязное, довольно беспорядочное и даже довольно бедное движение, скоро утомляющее взор. На всем отпечаток случайности, поспешности и безвкусыя. Изящному здесь менее всего места, и в этом отношении не может быть никакого сравнения между ирбитскими и нижегородскими ярмарочными помещениями, точно так же, как нет ничего похожего в характере и назначении этих двух первоклассных русских торжищ. Нижегородское торжище имеет для России значение всеобщее, Ирбит служит преимущественно для Сибири. В Нижегородскую ярмарку свозится все, со всех концов России, для сбыта во все концы России. В Ирбит, главным образом, привозятся русские мануфактурные произведения, в которых нуждается Сибирь. Но не всегда Ирбит служил складочным пунктом для продовольствия Сибири. Первоначально было совсем наоборот: в Ирбит привозились продукты Китая, Бухары, Кокана и собственно Сибири: чай, шерсть, меха, которые составляли собою главные статьи ирбитского торга. Развитие сибирской золотопромышленности изменило

физиономию здешней торговли. По мере накопления в Сибири капиталов, рождались там и потребности, которым должна была удовлетворять Ирбитская ярмарка, это и составило ее славу; это и обусловило быстрое ее развитие, о котором можно судить по следующей таблице ее оборотов*.

В последующие ярмарки привоз простирался более чем на 36 миллионов. Сбыт доходил до 29 миллионов и более. Видя такое быстрое возрастание оборотов ярмарки, любопытно проследить ее историю. Она немногосложна. Около 1633 года Ирбит, ныне уездный город Пермской губернии, лежащий на восток от Уральского хребта, был небольшою слободкой, в которую окрестные жители съезжались для торговли. История не объясняет первоначальных причин, сделавших из бедной ирбитской слободы торговое сходбище. Известно только, что после учреждения Оренбургской линии здесь были отменены внутренние таможенные пошлины, а после пугачевщины, во время которой Ирбитская слобода оставалась верна законной государыне, она была учреждена городом. В указе, по этому случаю данном в 3-й день февраля 1775 года, между прочим заключаются следующие слова: «Ее Величество, не оставляя никогда похвальных заслуг без достойного воздаяния и в знак особенного Ее Величества

---

* Таблицу эту, так же, как и исторический очерк Ирбита, заимствую из моей статьи «Ирбитская ярмарка», помещенной в июльской книжке «Отечественных записок» 1849 г. (Примеч. авт.).

Годы	Рублей серебром		Остаток	Отношение остатка к привозу
	Привоз	Сбыт		
1839	на 11951155	7672298	4278850	более 1/3
1840	— 12232286	7682600	4550286	менее 1/3
1841	— 12800386	9478826	3321560	более 1/4
1842	— 14144530	7887500	6157030	менее 1/2
1843	— 14483925	10303325	4180601	более 1/3
1844	— 17023770	12625540	4398190	менее 1/4
1845	— 20222326	17426355	2795971	менее 1/9
1846	— 26934736	22246861	4687875	менее 1/6
1847	— 28090931	23642150	4448781	более 1/7
1848	— 31150214	26902511	4248703	менее 1/7

к сим верноподданным благоволения, повелевает: Ирбитскую слободу учинить городом, а жителей строить ряды не принуждать, но позволять им торговать по домам; ежели же сами они пожелают, то им не воспрещать; также дозволить им иметь постоянные дворы и при них лавки для продажи всяких харчевых и конских припасов».

В 1790 году вновь учрежденный город Ирбит потерпел от значительного пожара. После этого бедствия императрица Екатерина II снова оградила льготы ирбитских жителей именным указом, данным в 26 день марта 1791 года. В этом указе заключаются следующие выражения, относящиеся к обстоятельству: «По рассмотрении поданного нам от Сената доклада о погоревшем в городе Ирбите гостином дворе, повелеваем построение оного вновь предоставить тамошнему градскому обществу с обращением в пользу его и будущих с него доходов на основании изданного от нас городского положения, чего ради помянутый гостиный двор из оброчных статей исключить».

Таковыми поощрительными мерами, а потом сибирскую золотопромышленность, необыкновенно усилившуюся в последнее двадцатилетие и породившую в Сибири множество небывалых прежде потребностей, расширялся объем ирбитской торговли, и мы видели в таблице ее десятилетних оборотов, на какой степени процветания находилась она около 1844 года. В этом году, вместо прежнего, тесного помещения для лавок, было возведено,

на счет городских сумм, большое каменное здание гостиного двора; оно усвоило ярмарочной торговле стройный вид, продуктам безопасную сохранность, а городу и обществу значительный доход: весь доход как в пользу казны, так и в пользу города, собираемый по таксе за наем помещений, в 1848 году простирался до 25 465 р. 45 коп. серебр. В 1846 году был составлен новый проект для расположения балаганов на площади и получил полное свое применение с 1850 года. С 1846 года была предоставлена Ирбитской ярмарке чрезвычайно важная помощь со стороны екатеринбургского отделения Коммерческого банка. Значительные ссуды по поручительствам, производимые гильдейским купцам, весьма ускорили и упростили ход торговых оборотов. Открытие в 1851 году Биржевого зала способствовало не только сосредоточению торговых операций, но и самому облегчению их, и при том еще скорости самых сделок, причем сделалось общедоступным и видимым все движение ярмарочной торговли и облегчилось наблюдение за ее разнообразными переходами и изменениями в разные периоды ярмарки.

Предполагаемое учреждение в Ирбите Общественного банка неоспоримо делается новым поводом к расширению и облегчению оборотов Ирбитской ярмарки.

Такова история этого ежегодного торгового движения, среди которого пишу я к вам настоящие строки. Боюсь, чтобы цифры не перепугали вас с первого раза и не отбили

охоту к моей путевой корреспонденции. Но мысль, что эти страницы могут быть не без пользы прочтены людьми, которым почему-либо особенно интересно описание *второго* в России торгового пункта, эта мысль ободряет меня заставить вас немножко поскучать, с тем, чтобы вскоре развлечься более литературными, более живыми подробностями о моем странствовании. Чтобы уже окончательно разделаться с цифрами, сообщу вам еще два факта, без которых неполны были бы мои очерки Ирбита. Вот какие нашел я здесь цены на товары, играющие главную роль в ярмарочном торге: * (Табл. на с. 73 и др.)

Главнейшие же статьи привоза и сбыта, то есть вина, шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые, хрустальные и скобяные изделия русских фабрик, привезенные на огромную сумму 16 887 770 р. сер., а проданные на 8 289 565 р. Эти товары не могли быть помещены в таблице справочных цен по разнообразию и неуловимой дробности как самых товаров, так и цен на них.

Второй и последний статистический факт: в Ирбите во время ярмарки бывает свыше 60 000 жителей, тогда как в остальные одиннадцать месяцев года нет и одной тысячи!.. Все эти, докучливые для вас, но казавшиеся мне любопытными подробности об ирбитской торговле доставил мне г. N***, добрейший,

---

* Сведения эти мог я получить, разумеется, только в конце ярмарки; а попали же они сюда потому, что это письмо отсылается к вам еще позднее. (Примеч. авт.).

Название товаров	Счетом или весом	В начале ярмарки	В середине ярмарки	В конце ярмарки
Чай	1 цибики	120 р.	115 р.	111 р.
Сахар	1 пуд	11—50 к.	10—	10—50 к.
Золото в деле	1 золотн.	5—50 к.	5—	6—
Серебро	1 золотн.	28 к.	25 к.	30 к.
Польское серебро	—	10 к.	10 к.	10 к.
Медь	1 пуд	15—	13—	14—
Железо	—	1—50 к.	1—50 к.	1—50 к.
Чугун	—	1—	1—	90 к.
Сталь	—	3—	3—	2—80
Олово в деле	—	14—	13—	12—
Свинец	—	3—50 к.	3—	3—
Меха:				
Енотовый	1 штука	200—	180—	150—
Лисий	—	90—	75—	60—
Сурковый	—	20—	17—	15—
Медвежий	—	170 р.	150 р.	130 р.

Название товаров	Счетом или весом	В начале ярмарки	В середине ярмарки	В конце ярмарки
Хорьковский	—	40 р.	35 р.	30 р.
Мерлушчат.	—	11 р.	9 р.	8 р.
Волчий	—	35 р.	30 р.	20 р.
Кожи:				
Юфтовая	—	3 р. 50 к.	3 р. 20 к.	3 р.
Воловьѣ	—	5 р. 50 к.	5 р.	5 р.
Телячья	—	1 р.	85 к.	80 к.
Мерлушка	—	25 к.	23 к.	20 к.
Медь	1 пуд	5 р.	4 р. 60 к.	3 р. 50 к.
Воск	—	20 р.	18 р.	18 р.
Масло:				
Деревян.	—	11 р.	12 р.	12 р. 50 к.
Скоромн.	—	3 р. 75 к.	3 р. 50 к.	3 р.
Коноплян.	—	3 р. 50 к.	3 р.	3 р.
Сало топленое	—	3 р. 20 к.	3 р.	3 р.
Сырц	—	1 р. 70 к.	1 р. 60 к.	1 р. 40 к.

Название товаров	Счетом или весом	В начале ярмарки	В середине ярмарки	В конце ярмарки
Простой табак	—	3 р. 50 к.	3 р. 30 к.	3 р.
Свечи:				
Стеарин.	—	12 р.	11 р.	10 р.
Сальные	—	4 р.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Щетина	—	42 р.	40 р.	35 р.
Сандал	—	3 р.	2 р. 80 к.	2 р. 30 к.

обязательнейший человек, каких только я видел на белом свете. Я познакомился с ним здесь и хочу и вас с ним познакомить. Г. N***, молодой человек лет двадцати семи, и принадлежит к тем прекрасным типам, которые нигде не бесприкладны, везде уживаются и даже везде хозяйничают; все знают, хотя немногому учились, не имеют в жизни никакой, слишком туманной, трансцендентальной цели, но стремятся к удовольствиям или выгодам сей юдоли, и составляют собою преполезный разряд практических деятелей жизни, особенно в губернии. В домашней жизни, в обществе и на службе они одинаково хороши и полезны. Г. N*** служит в Пермской губернии, но бывает ежегодно в Ирбите, где природная энергия его находит себе простор и полнейшее удовлетворение. Тут он повсюду и все собою оживляет. Я почти уверен, что тридцатимиллионная торговля Ирбита не имела бы ни быстроты в оборотах, ни одушевления, если бы на ярмарке не было г. N***. Заезжие писаки, может быть, иронически назвали бы г. N*** героем ярмарки; но я не скажу этого, потому что я много, очень много ему обязан. Да и в самом деле г. N*** лихой, обязательный и интереснейший человек из всех моих здешних знакомцев. Он был для меня в Ирбите постоянным спутником и руководителем. Любопытно мое первое знакомство с ним. Сняв шубу в передней казенной, занимаемой им квартиры, я вошел в залу. Перед зеркалом стоял сам г. N*** в коротеньком пальто без

рукавов и, повертываясь во все стороны, жестоко бранил «новоприезжего казанского портного», которого вывеску я уже видел против ярмарочных балаганов. В зале было много посетителей, из которых один приехал попросить о раздаче билетов в его концерт, другой забежал поклониться, чтобы напомнили кому следует о его деле; третий зашел так, с почтенцем; четвертый — чтобы выкурить трубочку, а пятый, шестой и седьмой — чтобы убить несколько ненужных часов ирбитского утра. Все эти господа принимали живое участие в примеривании господином N*** пальто без рукавов, ясно, что г. N*** здесь человек «нужный», и все готовы были делать свои замечания оторопевшему портному. Я именно попал на эту сцену и уже думал, что попал не вовремя... Но я ошибся. Г. N*** принял меня без церемонии (здесь никогда не церемонятся!), и вскоре мы сделались истинными приятелями.

27 февраля.

В течение пятнадцати дней я ни слова не прибавил в письме моем к вам, и письмо оставалось неотосланным. Я ожидал и набирал для вас красок, без которых картина здешнего быта была бы бедна и суха, как первая половина этого письма, состоящая из цифр. В этом — извинение моему двухнедельному забвению о нашей переписке. Вергилий мой³, то есть обязательнейший г. N***, о котором писал я вам в последний раз, выводил, выводил меня по всем закоулкам ярмарочного ми-

ра; показал мне все, что стоило и что не стоило осмотра; рассказал мне все здешние анекдоты. Начну с последних, потому что они характеризуют ту бесцеремонность здешнего быта, о которой намекнул я на предшествующей странице...

— Поедемте на вечер к Р-ву, — говорил мне однажды г. N***, то есть мой ирбитский Вергилий.

— Но я не знаком с Р-вым! — отвечал я.

— Э, что за знакомство; у нас здесь без церемоний. Поедемте вместе, и я вас познакомлю.

Мы поехали с г. N*** к Р-ву, дорогой у нас продолжался разговор о здешних знакомствах.

— Здесь вот как знакомятся, — рассказывал мне г. N***, закутывая нос в шубу, — со мной самим случился этот анекдот в прошлом году. Были мы на обеде у одного золотопромышленника; ну, как водится, там хорошо поели и выпили. Оттуда в театр; в театральном фойе тоже пустили в потолок пробку-другую-третью, так что уже немножко и того... А тут говорит мне один мой приятель, поедем, говорит, к К-ну. Я, вот как вы же, говорю ему, что не знаком с К-ным, да и неловко первый раз ехать в полночь, да еще после нескольких бутылок шипучего. «Вздор», — отвечает мне мой приятель и почти насильно увлекает меня из фойе, сажает в сани и привозит в незнакомый мне дом. Мы входим, в передней ни души, а через залу слышен где-то в дальней комнате стук пожеи

и шумный разговор. «Ужинают!» — заметил приятель мой и сел в передней на кучу шуб. Я тоже присел возле, и тут вышла преуморительная история. Не знаю, отчего, оттого ли, что много было выпито, или оттого, что с морозу вошли мы в жаркую комнату, только оба мы с моим приятелем, где сидели, тут и заснули, и заснули таким мертвым сном, что не слышали, как разъехались гости К-на, как из-под нас вытаскивали свои шубы и как прошла вся ночь. Поутру я первый открываю глаза, озираюсь кругом, не понимаю, где я, что со мною, и только слышу, что в соседней комнате кто-то бегло играет на фортепианах гамму. Смотрю на часы: 10 часов утра.

— Что это такое? — спрашиваю я моего приятеля, разбудив его.

— А ничего, — отвечает он, — это дочка хозяина повторяет свой музыкальный урок.

— Да уйдем же отсюда, — говорю я, — ведь стыдно нам на глаза показываться хозяину... Особенно мне! Что он об нас подумает!..

— Вот велика беда! Подумает, что вчера мы повеселились, и очень рад будет с тобою познакомиться; пойдем! — И с этими словами приятель мой отворил двери в залу, поздоровался с дочкой хозяина, поправил свой туалет перед зеркалом, посоветовал и мне сделать то же, а тут и сам хозяин нам навстречу. Все обошлось как нельзя лучше, мы посмеялись вместе с хозяином, который только сожалел, что не смел предложить нам более

покойного ночлега, и с тех пор я очень коротко сошелся с ним и его милым семейством. «Так вот-с как у нас без церемоний!» — прибавил мой Вергилий в виде морали и тем совершенно успокоил меня...

Вообще с приятелем моим очень весело. С ним день не пройдет без приключения. С неделю тому назад встречаю я его в гостинном дворе; на нем великолепная новая шуба из черных енотов.

— С обновкой поздравляю! — говорю я ему и спрашиваю, где купил и за сколько...

— Какое купил! Даром пришлась, и не могу найти хозяина.

— Как так?

— Да вот по вечерам случится из гостей уехать раньше других; в лакейских здешних никогда не отыщешь своей шубы: все они кучей лежат на каком-нибудь ларе; ну и возьмешь первую попавшуюся. В другой раз заиграешься в карты и выйдешь из последних, глядь, ан шуб-то и нет: все разобраны; оставлена одна какая-нибудь, ее и возьмешь по необходимости. Вот таким-то случаем и я приобрел эту великолепную шубу... Да подивитесь: целую неделю выезжаю в ней, езжу по вечерам, спрашиваю, чья, и не могу найти хозяина!..

— Поздравляю с приобретением! ярмарка в конце, может быть, хозяин шубы и уехал отсюда; а шуба стоит, я думаю, рублей пятьсот на серебро?..

— Да, конечно, если не более... Но до свидания! — И мы расстались.

На другой день встречаемся мы с своим Вергилием у подъезда Биржевой залы. На нем опять новая шуба, или, лучше сказать, чрезвычайно старая, с облезлым мехом, коротенькая и закрывающая только половину особы моего приятеля.

— Опять поздравляю с обновкой!

— Да! представьте мое несчастье! Сейчас, вот только сей час отняли у меня великолепную-то шубу.

— Как отняли?..

— Да так. Иду я по гостиному двору; вдруг из лавки выходит какой-то купец и прямо ко мне. «Позвольте, — говорит, — милостивый государь, вас спросить, где вы изволили взять эту шубу?»

— Какую?

— Да вот, что на вас.

— А вам что за дело?

— Как же-с? Это моя шуба.

— А чем вы докажете, что ваша?

— Я скажу вам некоторые ее приметы. Потеряна она мною с неделю тому назад на вечере у М..., где мне досталась вот эта плохонькая, что теперь на мне; в рукавах вашей, то есть моей шубы беличий подбой, для тепла-с, и, наконец, у воротника-с пришита кожаная вешалка, на которой написана моя фамилия, то есть мой вензель С. и Ч. Это значит Сидор Чистохвостов... Честь имею рекомендовать...

Нечего было делать, посадил купца в сани, привез к себе, снял шубу, осмотрел ее, оказалось, что все приметы, сказанные хозяи-

ном, — верны, и все на лице, я и отдал ему его шубу... А сам вот поневоле должен оставаться при этой ободранной. Что делать: любишь в саночках кататься, люби саночки возить! Буду опять искать хозяинна!..

«Ну, на эту шубу едва ли отыщется хозяин», — подумал я, но не сказал вслух, чтобы не обезнадежить моего Вергилия...

В последнее время Ирбит чрезвычайно оживился. С половины ярмарки окончились главнейшие обороты и расчеты; пошли *магарычи*, полилось шампанское, которое здесь пьется в баснословных размерах, — и наконец подоспела масленица — эпоха, в которую русский человек не только не считает грехом, но почитает обязанностью веселиться, насколько хватит силы и способов... Оживились улицы и площади, оживился театр. В доме Собрания балы по два раза в неделю; у частных людей поочередно вечера, для любителей сильных ощущений игры; в Биржевом зале с девяти часов утра до поздней ночи говор, толкотня... «и громогласные шампанского отычки».

Настоящее письмо мое уже так длинно, что я не знаю, успею ли рассказать вам в нем все мои масленичные впечатления... По крайней мере побываем вместе с вами в театре, в Биржевом зале, в Собрании, в некоторых лучших здешних заведениях и пошатаемся по улицам.

Представления в театре даются ежедневно — в здании театра, довольно плохом, но обширном деревянном доме. Ярмарочный ре-

пертуар состоит, разумеется, из водевилей и фарсов, хотя даровитые актеры здешней труппы (она же играет и в Перми, и в Екатеринбурге) могли бы взяться и за драму, и за высокую комедию. Билеты берутся на расхват, и зрителей набирается каждый день множество... Театральное фойе состоит из нескольких больших комнат, в которых не прерываются «освежения», то есть обильные возлияния искрометной влаги. Мне показалась очень характерной и знаменательной следующая черта из быта здешних золотопромышленников. Ранее представления зашел я в театральную кассу за билетом. Кассир объявляет мне, что сегодня представление начнется одним часом позднее обыкновенного времени. В то же время услышал я звуки оркестра и пение какого-то водевильного куплета.

— Что это? Верно, репетиция? — спрашиваю я.

— Нет-с, это идет настоящее представление, — отвечает кассир. — Извольте видеть-с: с полчаса тому назад приезжают сюда четверо господ, тоись купцы-с, или золотопромышленники, кто их знает-с; входят в залу, садятся в первом ряду кресел и требуют себе содержателя театра. Он является. Господа требуют, чтобы для них началось немедленно представление. Содержатель объясняет, что нет в театре костюмов, что актеры в домашних платьях, что не весь оркестр в сборе, что не освещен театр... Господа слышать ничего не хотят, требуют, чтобы актеры не-

медленно явились, чтобы театр был освещен и чтобы для них были сыграны те пьесы, какие назначены в нынешней афише. Содержатель согласился, но потребовал, чтобы ему было заплачено вперед триста рублей серебром. «Давно бы сказал, любезнейший!» — отвечали ему господа и тут же набросали ему из бумажников, кто радужную, кто серые полусотенные бумажки-с. Так вот теперь и идет у них представление, не в счет абонемент-с... Оттого настоящее-то представление сегодня будет позднее обыкновенного.

— А какая идет пьеса? — спросил я.

— «Заколдованный дом-с» и «Казак-стихотворец».

— И актеры без костюмов?

— Без костюмов-с.

«Хорош будет бедняжка Людовик XI...» — подумал я, выходя из кассы.

В Биржевом зале постоянно видел я за чайными приборами на отдельных столах группы посетителей всех классов. Тут были и элегантные представители московского и петербургского купечества, и бородатые negociants средней руки, и татары и бухарцы в своих народных платьях. Тут между ними, за стаканами чая, происходили, быть может, стотысячные сделки. С наступлением масленицы на скромных чайных столиках чаще и чаще появлялись грациозные бутылки Clicquot или Roederer'a. Любопытно видеть всю эту разноязычную толпу, разговаривающую или пьющую под звуки оркестра заезжих арфянок, которые, конечно, здесь вполне воз-

награждаются за дальнейшее свое путешествие из заморских стран... Вечером не раз заставлял я здесь сцены шумного русского веселья или сцены характеристические, подобные следующей: общество шумных приятелей ужинало здесь после возвращения из театра. В той же комнате за скромным столиком ужинали двое приезжих из Москвы артистов. Известно было, что это певцы, намеревавшиеся дать в Ирбите вокальный концерт. Кто-то из среды общества шумных приятелей предложил немедленно испытать заезжих артистов, чтобы знать, каковы у них голоса и будет ли стоить труда идти на их концерт. Немедленно московским певцам предложено показать свои таланты. Сконфуженные артисты отговаривались и тем, и сем, говорили, что они не в голосе, что не могут петь без аккомпанемента. Но шумные приятели не слушали отговорок, взяли гитару у одной из арфисток, подали ее одному из заезжих певцов и настоятельно требовали исполнения своей прихоти. Бедный певец согласился и, увы, пропел очень дурно известную песню:

Уж как шли наши ребята,
Из Новá-городá,
Красная ли девица
На улице была и т. д.

Московскому артисту не дали окончить: зашумели, закричали, и в толпе слушателей довольно внятно раздалось слово: шарлатаны. Вслед за тем тот же романс пригласили спеть бывшего тут и торжествовавшего актера ирбитской труппы. Он пропел порядоч-

но, и в пользу его немедленно был сделан сбор, перешедший далеко за сто рублей серебром. После этого происшествия московские концертанты куда-то исчезли, и концерта не было...

На балах в зале Собрания всего интереснее видеть олицетворение французской поговорки: *les extremités se touchent**. В одной кадрили я видел танцевавших *vis-à-vis*** : молодого единоверца с казанским купцом из татар (в народном костюме), в другой кадрили — элегантного английского *commis**** по меховой торговле *vis-à-vis* с полновесным городничим. Польку-мазурку и польку-*tremblant***** прекрасно танцуют юные здешние *кержички* с заезжими последователями Кальвина и Магомета. Какое сочетание! И где, кроме необъятной России, встречается что-нибудь подобное!

Поутру много интересного можно найти в Ярославской гостинице, которая отличается расстегаями. Вечером ярмарочная публика рассеивается по многочисленным увеселительным учреждениям, между которыми первенствует, кажется, гостиница Гутмана. Здесь видел я безграничное «распашное» русское веселье; здесь, в обстановке, лишенной всякого изящества, гости Ирбита вкушают столько полнейшего наслаждения, так беззаветно

---

* противоположности сходятся (фр.).

** визави, напротив (фр.).

*** служащего, приказчика (фр.).

**** полька-птичка (ред.).

отдаются ему, что им позавидовали бы те ба-
ловни судьбы, которых пресыщенные чувст-
ва не возбуждаются самыми утонченнейши-
ми обаяниями роскоши. Сколько раз заста-
вал я в этих низеньких, задымленных прию-
тах ночного веселья следующую сцену: посре-
ди комнаты кружок добрых приятелей, со-
средоточенный около другого кружка — круж-
ка выпитых и невыпитых бутылок... Все эти
жрецы веселья с полными стаканами в ру-
ках, с сладчайшей улыбкой на устах, хором
поют во славу одного из своих товарищей
под звуки жидовского торбана или арф заез-
жих гурий:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотом блюдечке поставленная!
Кому чару пить?
Кому выпивать?
Пить чару,
Пить чару
Ивану Ивановичу!
На здоровье,
На здоровье,
На здоровьице!..

Вслед за тем идет чоканье стаканов, чмо-
канье целующихся уст и опять повторение
той же хоровой песни во славу Григория
Григорьича, потом Федора Федорыча и так
далее до тех пор, пока не будут прославлены
все участники пира...

— Что там такое? — спросил я однажды
лакея, или полового гостиницы, встретившего
меня при входе в храмину описанного ве-
селья.

Ничего-с, Сибирь ликует, сударь, — был ответ остряка-полового.

Но не одна Сибирь ликует на ирбитской ярмарочной масленице. Загляните на улицы, на площади. Вот едут гигантские сани на восьми лошадях. Сани покрыты коврами, в санях толпа ликующего народа, иногда с бутылками и стаканами в руках... Все поют, кричат и громко перекликаются с знакомыми своими в окружающей их толпе. А в толпе встретите вы и лисью шубу купеческого приказчика, и штофный шугай заводской бабы, и остроконечную вислоухую шапку башкирца, и тюбетейку татарина, и *gibus** петербургского негодянта, и бобров и соболей иркутских купеческих сынков... Или вот еще везут какую-то подвижную каланчу. Из саней высится мачта с флагами и лентами; наверху сидит паяц в шутовском наряде и кривляется на диво бегущей позади пестрой толпы... Жизнь, веселье, вино и золото кипят и льются через край.

Но нигде не увидите вы столько наличных денег, подвергаемых ударам слепого счастья, нигде не встретите вы такого равнодушия к радужным цветам сторублевых билетов, как на некоторых вечерах у частных людей, где собираются кружки охотников до сильнейших ощущений... Никогда не забуду я этих вечеров, где даже и не участвующему в интересе общей забавы невозможно не любоваться, по крайней мере, чужими ощущениями... В осо-

---

* здесь: котелок.

бенности памятен мне один вечер или, вернее, одна ночь!.. Возвратившись домой на рассвете и в каком-то изнеможении упав на свою постельную подушку, я заснул мертвым, но вместе и тревожным сном. В сновидении мне представился Ад Дантовой «Божественной комедии». Я трепетал в ужасе. Кровь останавливалась в жилах моих, а Вергилий (ирбитский приятель мой г. N ***) руководил меня в мрачных безднах страдания и раскаяния точно так, как руководил он меня в Ирбите и не разлучался со мною.

С Вергилием мы шли все далее от света,
К Ирбиту подошли, и я спросил поэта:
«К какому таинству иль на какой совет
Из отдаленных стран все мужи зрелых лет
Сюда стеклись, в среду приятельского круга,
И тесно восседят все около друг друга?
Не воины ли то пред бранною грозой
Сошлись держать совет, когда начать им бой?
Не о комете ли толкуют астрологи?
Не древних ли жрецов сюда созвали боги?
Не химики ль нашли начало всех начал?
— Нет, то гадалцы, — поэт мне отвечал. —
Не для торгов они, не к блинному веселью:
Они сошлись сюда совсем с иною целью;
И день, и ночь они уже в тридцатый раз
Сидят чуть шевелясь и не смыкая глаз;
Но здесь ни колдовства не полагай, ни чар ты,
Они не колдуны — они гадают в карты.
Все заняты одним: все ищут талисман,
Который бы помог им всем набить карман;
Но так как все равно горят одним желаньем,
То все и занялись таинственным гаданьем,
И каждый в руки взял бумажные клочки,
И каждый смотрит в них, кто просто, кто в очки,
И каждый, глядя в них, заклятия лепечет,
Одни же на краю сидит и только мечет...

А мечет он из опытной руки
Такие же квадратные клочки,
И мечет их направо и налево,
Направо — рад, налево — полон гнева;
А прочие совсем наоборот
Затем, что левая им выигрыш дает.
И так они сидят, гадают да гадают,
И если их спросить: счастливы иль страдают,
Про то они, поверь, едва ль и сами знают!
Но люди таковы; и важное и вздор
Равно влечет к себе их малодушный взор.
Особенно ж для них исполнено прельщений
Все то, что им дает хоть пару ощущений,
И то, что принял ты за важный их совет —
Игра картежная... Забава зрелых лет,
Ничтожество... борьба ничтожнейших усилий!!!»
Сказав, умолк мой проводник Вергилий,
И дальше мы прошли...

И еще многое, столько же туманное и странное снилось мне в тревожном отдохновении моем после последней ирбитской ночи.

Я был рад пробуждению и спешу отнести это письмо на почту, чтобы не наполнить его еще чем-нибудь подобным моему дантовскому видению и тем окончательно не наскучить вам.

ПИСЬМО 3-е.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ УРАЛ ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Степная площадь от Ирбита до Екатеринбурга. Екатеринбургский бульвар. Соборная площадь и гостиница. Хозяин гостиницы и знаменитый Гумбольдт. Нитанum est еггае*. Уральские камни и печати. Монетный двор. Гранильная фабрика. Механическая фабрика. Необитаемый дом или характеристика местного быта. Жизнь для себя и жизнь для гостей. Отрывок из повести казака Луганского⁴. Баснословный свадебный пир. Женские костюмы и юноши с Лондонской выставки. Отрывки из поэмы моего приятеля. Граница Европы с Азией. Кленовская гора и характер зимнего уральского горного пейзажа. Златоустовские ключи. Кунгур, его отличительные свойства и древнее патриархальное обыкновение.

Екатеринбург. 3 марта.

Более двухсот верст дорога от Ирбита до Екатеринбурга, через маленький, печальный городок Камышлов тянется степью. По обеим сторонам дороги ровно и гладко, и только кое-где наносный снег образовал сугробы. Да, здесь еще лежит нетронутый зимний снег, и дорога начнет разрушаться только с половины марта. Убийственные нырки сглажены для обратного проезда из Ирбита начальствующих лиц губернии. Через каждые пять-шесть верст стоят пикеты, то есть башкиро-мещерякская или тептярская стража, охраняющая ярмарочные обозы от всевозможных хищнических случаев.

---

* человеку свойственно заблуждаться (лат.).

Кругом пейзаж унылый; селения редки, и глазам отраднее всего видеть приближающуюся станцию. До самого Екатеринбурга ни одной горной высоты, между тем как Екатеринбург лежит в долине так называемого Уральского хребта, состоящего, как известно, из трех, параллельно идущих от севера к югу или взаимно переплетающихся гряд, которые на протяжении почтового тракта, пересекающего их, обозначаются значительными возвышенностями в трех местах: Екатеринбург лежит в восточном кряже, который от него идет к северу и югу; средний кряж тянется вправо и влево от Бисертской, Кленовской и Киргизанской станций; это самое высокое место почтовой дороги; наконец, третья, или западная гряда, обозначается здесь высотами Суксунскими, верст сорок не доезжая до г. Кушгура.

Миновав екатеринбургский шлагбаум, я сехал вдоль бульвара, мимо небольших, но хороших домиков с вывесками, между которыми чаще всего встречается надпись «резчик печатей» или «продажа екатеринбургских каменных вещей и печатей». Я вспомнил, что здесь мир аметистов, топазов, сердоликов, бериллов и шерлов. С бульвара привезли меня на площадь, посреди которой стоит церковь с прекраснейшей, стройной, легкой и высокой колокольной, совсем не соответствующей массивному корпусу остальной части храма. Это собор. Тут же где-то против собора ямщик мой отыскал гостиницу, где я нашел чистое, опрятное, даже довольно изящное и недоро-

гое помещение. Ко мне явился хозяин гостиницы, толстенный краснощекий господин с лукавыми глазками; на нем был пунцовый бархатный жилет и длиннополый сюртук. Это человек замечательный: он был в прямых сношениях с знаменитым, универсальным энциклопедистом бароном Александром фон Гумбольдтом⁵. Расскажу вам курьезную историю этих отношений, как мне ее здесь вчера рассказали достоверные люди. Нынешний владелец гостиницы, в которой пишу я к вам эти строки, был простым заводским мастером в то время, когда знаменитый геолог и турист барон фон Гумбольдт посетил Екатеринбург: это было около 1840 года (не умею вам сказать, многим ли ранее или позже). Гумбольдту был сделан в Екатеринбурге, так же как и на всем Урале, прием почетный, вполне соответственный громкой знаменитости ученого. Деланы были официальные обеды, на которых сибирское угощение давало себя знать славному естествоиспытателю. Шампанское лилось в честь и за здоровье гостя, которому не совсем здоровилось от таких почестей и который предпочитал шампанскому уральскую рябиновку, пил ее с удовольствием и дал ей название уральского вина «Uralwein». Вероятно, в многовмещающей, украшенной почетными сединами голове ученого оставались еще пары «уралвейна», когда он однажды возвратился в свою гостиницу с одного из екатеринбургских обедов. В коридоре встретил он какого-то человека с двумя огромными топазовыми печатями, сделанными наподобие ваз.

Человек этот поклонился ученому и молча показал ему неполированные топазы, белые и чистые, как ключевая вода, величины, не выданной даже всесветным путешественником, и превосходной гранильной отделки. Гумбольдт ахнул и вырвал из рук продавца драгоценные печати, из которых каждая была едва ли не с добрую бутылку. В номере Гумбольдта было уже темновато, но он мог еще подойти к окну и полюбоваться уральским сокровищем, повертывая его в руках против света. «Вот будут прекрасные подарки царственным моим покровителям; одну печать поднесу ее величеству королеве Виктории Английской, другую — прусскому королю», — подумал барон и, обратясь к продавцу печатей, спросил его через переводчика о цене печатей.

— Шестьсот рублей серебром, — скромно ответил продавец.

Барон поморщился, поторговался, но недолго; он боялся упустить из рук великолепное приобретение и полез в шкатулку за деньгами. Продавец печатей ушел с шестьюстами рублями в кармане, а Гумбольдт принялся еще раз любоваться чистотою и необычайной величиною камней. Через полчаса входит к нему скатеринбургский горный офицер N... Гумбольдт радостно встречает его словами: «Какие у вас здесь сокровища! Такой величины топазов я не видел ни в Богемии, ни в Бразилии...» Горный офицер посмотрел на покупку ученого, улыбнулся, спросил о количестве платы за печати и с убийственной уверенностью сказал:

— Это подделка! Это стекла...

Судите о положении ученого, обманутого и ограбленного! И обманутого в том, на изучение чего посвятил он столько лет своей жизни: в минералогии! Единственное утешение почтенному старцу оставалось в темноте сумерек, помешавших ему хорошенько разглядеть свою покупку. Между тем полиция уже разыскивала продавца поддельных топазов. Вскоре он налицо был представлен Гумбольдту. Офицер, бывший при нем, спросил продавца:

— Как ты осмелился обманывать?

— Я не обманывал, ваше высокоблагородие.

— Как не обманывал? Разве это не обман, взять за стеклянные печати 600 рублей?

— Но я не говорил им, что это топазовые... Они сами лучше меня могли распознать это дело: они ведь ученые...

Гумбольдт подтвердил, что действительно продавец печатей не выдавал их за топазовые. Потом, с истинным благородством, просил, чтобы не преследовали продавца печатей, приняв всю вину на себя и на свою неосмотрительность, и не хотел даже взять обратно своих денег от продавца, который, по мнению великого человека, был вправе просить сколько хотел за свои вещи, хотя бы они и ничего не стоили.

Продавец печатей был не кто иной, как нынешний хозяин моей гостиницы; легко быть может, что он начал созидать благосостояние свое на деньгах знаменитого германского ученого, который своим скатертинбургским при-

ключением еще раз доказал справедливость древнего изречения: *humanum est errare*, т. е. «заблуждаться — есть удел всех человеков!..»

Сегодня утром в передней моего номера нашел я несколько продавцов уральских камней и печатей. Очень кстати было припомнить анекдот о Гумбольдте. Не имея минералогических сведений ученого, я поостерегся и купил рублей на двадцать разной мелочи на память об Урале. На некоторых печатях продавцы взяли за весьма умеренную цену вырезать вензеля и гербы, и после обеда все было уже готово. Здесь множество искусных гравиров, но мало у них вкуса и образцов; недостает истинного художника по этой части, а это очень жаль, потому что из прекраснейших здешних мраморов, яшм, порфиров, топазов и аметистов можно было бы делать истинно художественные вещи. Видно, что когда-то были здесь порядочные образцы, но давно устарели и изменились в небрежных и аляповатых подражаниях рутины.

Желая осмотреть достопримечательности города, я прибегнул к совету моего хозяина.

— Посмотрите Гранильную и Механическую фабрики, посмотрите здешние единоверческие церкви, Монетный двор, дом купца N.

— Частный дом?

— Да-с.

— А что ж там особенно замечательного?

— Убранство богатое-с.

— Но ведь надобно познакомиться с хозяином дома.

— Зачем-с? Проезжающие и так ходят, по-

смотреть; в доме хозяин сам не живет-с, а показывает дом всякому-с.

Странная прихоть: выстроить и отделать дом напоказ и не жить в нем самому! Я поехал осматривать городские достопримечательности.

На Монстном дворе здесь чеканятся только медные деньги. Гранильная фабрика очень интересна. Здесь, не торопясь, без шума и блеска, выделываются капитальные и неоцененные вещи для императорского кабинета. Я видел огромную вазу из цельного штуфа зеленоватой яшмы; вазу эту секут и гранят ежедневно несколько человек мастеровых в течение уже десяти лет и даже более. Чего стоит материал и во что обойдется десятилетний труд нескольких мастеров! Вот вещь капитальная и художественная в истинном смысле слова! Другая ваза — из lapis-lazzuli⁶ остановила меня своим привлекательным голубым цветом и египетским трудом мастеровых, составлявших оклейку вазы из маленьких плиточек lapis-lazzuli, который, как известно, не бывает в больших кусках и рассыпается при обделке. В разных комнатах фабрики помещаются разные мастера, работают каменные мозаики, изображающие птиц или плоды; тут же видел я прекрасное аметистовое подражание виноградной кисти: каждая ягодка кисти — округленный, светлый, лиловый аметист. Это хорошенькое произведение искусства предназначено для украшения яшмового presse-papier.

Механическая фабрика — огромное и еще новое здание, предназначенное для соору-

жения и поправки всех машин, нужных для заводов уральских и даже для пароходов. Одно водяное маховое колесо приводит в движение все бесчисленные станки и машины, размещенные в огромных залах фабрики и сообщаемые с своим двигателем посредством целой паутины ременных приводов. Слесарные, стругальные, токарные станы действуют как бы сами собою, производя весьма мало шума: можно подумать, что здесь прядут нитки, а не точат или стругают крепчайшее уральское железо.

Чистота, порядок, стройность также замечательны на механической фабрике.

Если вы заходили в петербургскую единоверческую церковь, что на Грязной улице, на углу Кузнечного переулка, то вы можете иметь понятие о здешних единоверческих храмах, из которых один особенно замечателен по своей прекрасной архитектуре и по известному стилю раскольничьей иконописи.

Наконец, извозчик мой привозит меня к какому-то небольшому одноэтажному дому, сильно набеленному, но, впрочем, не имеющему ничего особенно привлекательного в своей уличной наружности.

— Куда ты привез меня? — спрашиваю я извозчика.

— А ведь вы изволили приказывать в дом купца N...

Я вспомнил, что дом купца N зарекомендован мне моим хозяином как нечто замечательное и составляющее предмет любопытства проезжающих.

Вхожу, ищу великоления — и нахожу маленькие комнатки, суконные или позолоченные обои, вообще много позолоты, много специ, безвкусыя и ни капли того, чего искали взоры мои. В одной из комнат стоит новенький палисандровый рояль. Я открыл его, сделал аккорд и отошел прочь: мне показались неприятными полные звуки прекрасного инструмента в пустоте необитаемого жилища... С грустным впечатлением я оставил его. Но необитаемый дом купца N составляет собою рельефную черту общего характера здешнего быта. Здесь много капиталистов, но мало образованных людей, мало потребностей к истинно приятной и разумной роскоши. Здешняя же роскошь состоит в страшных тратах на тщеславные, но бестолковые пиры, которыми щеголяет одна половина здешнего общества, то есть класс купцов и золотопромышленников, перед другою половиною, то есть чиновниками и офицерами горного ведомства. Дома же у себя, в будни, здесь живут скромненько, и во многих раззолоченных домах в простые дни года жгутся сальные свечи, по крайней мере, когда нет постороннего посетителя... Здесь нельзя не вспомнить превосходного отрывка из «Колбасников и Бородачей» казака Луганского: «...Не то, чтобы вы в доме Корюшкина нашли, в обыкновенные дни, какую-нибудь роскошь, кроме, разве, богато, хотя и безвкусно убранных комнат; напротив того, будничная жизнь Якова Ивановича ничем почти не отличалась от убогой жизни наших мещан. Часу в пятом утра пил он чашки

три-четыре постного чайку; часу в осьмом полудновал, то есть, выпив рюмку простой пенной, закусывал горячим пирожком, лепешкой, ватрушкой или холодной печенкой, до которой был большой охотник; в исходе двенадцатого Корюшкин обедал щи, кашу, пирог, а там ложился отдыхать, выпив еще жбан мятного квасу; в шесть часов тот же скромный чаек; в девять — щи да каша и с богом отходил ко сну... Корюшкин был молчалив, угрюм; дома говорил только отрывистым голосом, когда что-нибудь приказывал, а затем вздыхал часто и глубоко, бог весть о чем, приговаривая шепотом: «О господи, помилуй нас, грешных!» Но зато на Корюшкина находила изредка гульливая полоса, которая уже ни в чем не знала меры. Он тогда задавал, ни с того ни с сего, бессмысленные и бестолковые пиры, на которых только что не купал сотню гостей в так называемом шампанском. Шампанское, по мнению Корюшкина, одно только доказывало принадлежность общества к образованному высшему кругу; шампанское составляло единственное звено той важной цепи, которая приковывала его к сословию бар и отличала от простолюдина. При таких случаях Корюшкин готов был измерить степень просвещения и образования общества по числу выпитых им ящичков шампанского...»

Если бы кто-нибудь из екатеринбургцев захотел назвать преувеличением настоящие мои строки, то пусть он прежде вспомнит хоть, например, пир, бывший назад тому семь или восемь лет и о котором предание до сих пор

живо в памяти всех местных жителей. Пусть вспомнит он этот месяц, протекший в непрерывных угощениях целому городу со стороны двух капиталистов - золотопромышленников, породнившихся женитьбою сына одного на дочери другого; пусть вспомнит это шампанское, закупленное во всех ближних городах и даже в Тюмени и, кажется, в Казани; эти возлияния дорогого вина на гривы лошадей или на пыльную дорогу, чтобы не пылила, когда поедут молодые на заимку и т. д. Не описываю подробностей пира, потому что боюсь, не поверят правдивому перу моему: так баснословны картины и размеры роскошного празднества!..

Летом в Екатеринбурге пусто и тихо. Золотопромышленники уезжают на свои прииски; но зимою все они в сборе, в Екатеринбурге, и что прикажете делать им, как не роскошествовать по крайнему своему разумению?..

Только все дело-то и состоит в этом «крайнем разумении».

Что касается до внешности, то вы здесь встретите ее в самом цивилизованном виде. Женские костюмы выписаны из Петербурга. Юноши ходят по последней лондонской моде, которую сами они привезли со всемирной выставки, не приобретя там, впрочем, ничего более...

Но довольно о Екатеринбурге в нынешнем положении его процветания. Боюсь прибавить что-нибудь раздражительное для гостеприимных жителей уральского города: неблагодарность есть мать всех пороков!..

Кленовская станция. 5 марта.

Не доезжая несколько верст до Решет, ближайшей к Екатеринбургской станции, на правой стороне дороги видел я гранитный столб, осененный двумя деревьями и окруженный перилами. На двух сторонах его надписи: на восточной — «Азия», на западной — «Европа» — и только. Как это знаменательно! Как выразительно говорит этот столб о необъятности русской земли! Здесь путешественник может, в буквальном смысле, стоять на линии, отделяющей две стороны света... Но линия эта условная, и ничто не характеризует здесь различия Азии от Европы.

Далее, по обеим сторонам тракта встречаются дороги проселочные или заводские; они ведут в прекраснейшие горные заводы Строгановых, Ярцевых, Демидовых, Губиных и проч. Шайтанка, где вам в повозку местные мальчишки накидают магнитов; Ревда, Серги; Билимбаиха — все это знаменитые средоточия металлоносных здешних стран, о которых, может быть, успею я сказать вам что-нибудь в следующем письме.

От Гротовской станции начинаются волнообразные холмы средней, или главной гряды Уральского хребта. В Бисерти уже настоящий уральский горный пейзаж, а не доезжая до здешней, то есть Кленовской станции, я был на Кленовой горе, которая считается высшим пунктом на всем протяжении почтового тракта через Уральские горы. С Кленовой горы открывается большой горизонт. Под белым, ма-

товым зимним небом лежит огромное пространство, усеянное высокими, но не скалистыми холмами. Холмы эти покрыты черными лесами или белыми полотнами снега. Черный и белый цвета преобладают в необъятной картине, которая может служить образцом всей зимней уральской природы, повсюду мрачной, не богатой красками и не резко выдающейся, но как-то округленно расстилающейся перед глазами зрителя. Что-то холодное, неприветливое веет вам на душу от этой природы; но при воспоминании о сокровищах, таящихся в ее недрах, вы невольно сознаете непреложность общего закона, по которому скромная и холодная внешность повсюду, в вещах и в людях, облекает собою все истинно сильное, истинно великое и дорогое...

6 марта, г. Кунгур.

С Кленовской станции горы, а с ними и дорога заметно понижаются. Влево, за Ачитом, идет проселок в Красноуфимск, ничем не замечательный уездный городок Пермской губернии. Сорок верст за Ачитом – живописное Златоустовское селение или Ключи; последнее название дано селению на том основании, что вокруг него множество разных ключей, из которых один минеральный, холодный, сильно пропитанный серою. Маленькая речка, образующаяся из множества источников, не замерзает во всю зиму, и странно видеть на ней плавающую домашнюю птицу, тогда как в воздухе 15° мороза, а на берегах речки высокий слой снега. К серпному златоустовскому

ключу приезжают летом больные, но в небольшом числе, вероятно потому, что при ключе нет ни устройства, ни врача; да и самый ключ пользуется известностью только в окрестных сторонах или между недужными, получившими от него исцеление. Здешний стационарный смотритель считает себя знатоком свойств серного ключа и подает советы приезжающим сюда для пользования. Ключ выбегает из подошвы значительной горы неподалеку от речки, которая часто его заливает своей пресной водою. Миновав Суксунскую высоту, последнюю западную отрасль Урала по почтовому тракту, и проехав бесконечную Моргуновскую станцию, я спустился в глубокую котловину Кунгура, одного из старейших пермских городков, весьма красиво раскинутого в глубокой долине при слиянии рек Сылвы и Ирени. Кунгур замечателен своим кожевенным делом, своими огурцами, любовью своих граждан к большим колоколам и, между прочим, древностью существующего здесь обыкновения, оставшегося едва ли не от веков Калиты и Боголюбского и строго соблюдаемого не только низшим классом народа, но и людьми чиновными. В чем состоит этот обычай, вы сейчас узнаете из моего разговора с служанкой одного кунгурского моего знакомого, к которому завернул я на минутку проездом через город.

— Дома барин? — спросил я краснощекую здоровую бабу, сидевшую на подъезде с чашкою пельменей, плававших в уксусе.

— Несту-ка! — отвечала мне камеристка,

дожевывая сочный и толстый, как сама она, пельмень или, правильнее: пель-нянь.

— А где же барин?

— В бане.

— Ну, так я пройду к барыне.

— И барыни нету.

— Где же барыня?

— Да и она в бане...

Я вспомнил, что сегодня суббота и что здесь добрые супруги никогда и нигде не разлучаются.

Отсюда до Перми только $87\frac{1}{2}$ верст. Говорят, что дорога будет превосходная и что меня довезут до губернского города в какие-нибудь шесть часов.

ПИСЬМО 4-е.

ПЕРМЬ И ОТПЛЫТИЕ НА КАМСКОМ ПАРОХОДЕ

...Кто долго жил в глуши печальной...
(Граф Нулин)

Последний приезд в Пермь. Всем известные случайности на почтовых дорогах и на дороге жизни. Глушь ли в Перми? Изнанка в лице пермской обычной жизни. Советы будущим посетителям Перми. Неаккуратность в назначении времени отплытия пароходов. Отплытие.

6 мая.

Нынешний мой приезд в Пермь для меня очень многозначителен: он, по-видимому, последний! Впрочем, за что человек может ру-

чатся на свете? Не готов ли я был ручаться лет восемь тому назад, что меня, еще юного служителя петербургской Фемиды и петербургских Муз, никакой ветер не занесет в эту новую столицу древнего «Пермского Конца» древних новгородцев? И, между тем, я прожил в ней пять лет!

Переезжая, в буквальном смысле стихов Пушкина

...«От Перми до Тавриды,
От хладных финских скал до пламенной Колхиды»⁷, —

сколько раз испытывал я следующее происшествие: еду, бывало, куда-нибудь, верст за тысячу, и рассчитываю заранее день и даже час, в который следовало бы мне доехать до цели, совершенно успокаиваюсь в моей повозке или в моем тарантасе и даже не слишком тороплю моих флегматических ямщиков в полной уверенности, что в такой-то день и час непременно доеду, куда следует... И что же? Вдруг на какой-нибудь станции приглашают меня провести ночь или даже целые сутки, объявляя, что нет и не будет мне лошадей, или сломается ось моего тарантаса и вынудит меня, совершенно против моих расчетов, денек-другой «повременить» в таком месте нашей обширной империи, в котором произвольно не остался бы я ни за какую премию.

Точно такие проделки совершает с нами судьба и на другой, более широкой и продолжительной дороге: на дороге нашей жизни. Вдруг ей вздумается подломить вашу ось где-

нибудь в Перми и на пять лет сделать Пермь вашей станцией...

Эта история бывает со всеми; была она и со мною, и именно в Перми дожидался я пять лет, пока судьба исправляла ход моего экипажа для дальнейшего житейского странствования. Несмотря на эпитафию этого письма, обещающий вам, любезные друзья, картину глухого, заброшенного русского городка, я вовсе не думаю забавлять вас описанием «глуши печальной...» По моему мнению, слова Грибосдова

...в Саратов, в глушь...⁸

не только не могут в наше время относиться к Саратову, но не могут быть применены даже и к Перми. В Перми читаются журналы и газеты, которые после открытия Московско-Петербургской железной дороги получаются здесь из Петербурга в десятый день: трудно же назвать глушью город, который от столицы отстает только десятью днями в приобретении новинок. Через Пермь лежит большой тракт в быстро расцветающую Сибирь и в торговый город Ирбит; следовательно, не бывает в Перми недостатка в заезжих гостях, часто именитых и просвещенных, которых гостеприимно встречают пермяки и которые не всегда находят в Перми глушь или скуку... В Перми, наконец, есть пароходство, есть театр, есть порядочные люди. Чего же еще вы можете требовать от любого провинциального города не только в России, но и в Северной Англии, в Шотландии, во Французских провинциях:

свидетели тому Теккерей, Жюль-Сандо, Шарль-Бернар⁹ и многие другие правоописатели, совершенно заслуживающие доверия.

Правда, есть в Перми несколько тяжелых условий жизни, несколько смешных или невыносимых типов; есть там суровая (но и здоровая!) шестимесячная зима; есть там болезненная любовь к картам, есть сплетни, есть недоученные умники, есть невыносимо брюзгливые старики, есть приводящий душу в уныние оркестр... По свидетельству некоторых почтенных путешественников, есть кое-что и хуже в Перми; так, например, г. Мельников нашел здесь едва ли не сгипетскую тьму невежества¹⁰; г. Горлов — невероятное, исключительно большое, сравнительно с прочими городами России, потребление игральнх карт¹¹; г. Небольсин — чересчур изуродованный русский язык, как, например, выражение «прошки ширкнуть» вместо: табаку понюхать¹²; но, не в обиду почтенным литераторам, все это небольшие с их стороны преувеличения!

Что же касается до имеющих в Перми брюзгливых старичков, действительного пристрастия к картам, сплетен, недоученных умников и одичалого оркестра, то опять-таки скажу, где же на Руси, в каком провинциальном городе нет всех этих явлений?..

Зато, с другой стороны, сколько здесь и явлений, примиряющих с жизнью в провинции! Конечно, быть может, надобно прожить здесь пять лет, чтобы по достоинству оценить их; взгляду проезжего они не открываются;

но тем не менее они существуют, и я хочу вам о них свидетельствовать.

Почти с сожалением об оставляемой мною Перми, вспоминаю я теперь о тишине, которую встречал я только здесь и в которой так привольно, так свободно созревать всякому умственному труду...

С отрадой, многим незнакомой, —
(Лермонтов)

вспоминаю я и буду всегда вспоминать об этих мирных вечерах в немногих, конечно, но тем еще более драгоценных кружках, где хозяин так проникнут чистой любовью ко всему правдивому и возвышенному, где хозяйка так радушно приветлива и так умно и мило разговорчива, где с истинным наслаждением и верной оценкой встречается каждое новое замечательное явление отечественной литературы; где еще разговаривают о русской литературе; где имена Авдеева¹³ или Тургенева, Григоровича¹⁴ или Дружинина¹⁵ произносятся часто и с уважением; где идут споры о Лермонтове и Пушкине; где все эти споры и чтения прерываются невзыскательной домашней музыкой и заканчиваются превосходным ужином с отличнейшими винами...

А лето в Перми? А эти кабриолетные ристалища вдоль бесконечной тенистой аллеи? А прогулки по высокому берегу Камы, которая широко и величаво обтекает с одной стороны красивый городок, а с другой бесконечную равнину лесов? А эти страшные явления лесных пожаров, изредка проливающих зло-

вещий свет своего зарева на темное ночное небо, на тихую реку и на спящий город? А эти одинокие прогулки верхом?..

Все это, как хотите, имеет свою цену в глазах людей, ищущих в жизни не одних мишурных упоений блеска, но и этих прочных наслаждений, которые сердце и ум находят только в тишине и свободе.

Не требуйте от меня как от пятилетнего жителя Перми подробного изложения ее «статистических данных». Немногим просветлелет понятие ваше об этом городе, если, в дополнение к сказанному выше, я прибавлю, что в Перми есть пять прекрасных каменных церквей и одна деревянная (на живописном здесь «старом» кладбище); что тут считают до 11 000 жителей, что две лучших здешних улицы называются — одна «Большою», а другая «Богородскою»; что здесь есть три-четыре прекрасных магазина; что здесь на улицах никогда не бывает грязи, потому что весь город построен на песчаном грунте и на возвышенности, с которой, естественно, всякая влажность стекает в Каму; что на лето приезжает сюда петербургская (весьма удовлетворительная) театральная труппа; что климат здесь до того здоров и крепителен, что доктора забывают половину своих рецептов, а старики живут по два века и, как здесь выразительно говорится, «чужой век заедают». Не буду много распространяться обо всем этом; если же судьба занесет кого-нибудь из вас в Пермь, хотя на короткое время, то послушайте моего совета и обра-

тите особенное ваше внимание на следующие достопримечательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы или влево от городского собора, или по горам старой мотовилихинской дороги и полюбуйте, с романом Фенимора Купера в руках, этой огромной, плавной, величавой рекою и противоположным берегом ее, покрытым лесами и лесами на необозримое пространство. Я уверен, что эта пустынная река, этот безграничный лесной мир покажутся вам братьями тем американским рекам и тем девственным саваннам, которые так живописны на страницах Купера. Прокатитесь верхом или в кабриолете, в низеньком и удобном здешнем кабриолете, верст за семь по Сибирскому тракту; вы здесь испытаете наслаждение дышать чистым, крепительным воздухом, пропитанным смолистыми благоуханиями хвойного северного леса. Сходите на старое кладбище (только не читайте доморощенных надгробий: они не расположат вас к приятной меланхолии!) и полюбуйте этим дремучим бором, в тиши которого, кажется, так покойно и так прохладно почивать усопшим... Побывайте в летнем отделе Петропавловского собора или в собственной церкви архиепископа; здесь увидите вы фрески никем не замечаемой, но замечательной работы А. У. Орлова, самородка-художника, получившего едва первоначальные уроки живописи от монахов Саровской пустыни и потом в Арзамасском училище живописи. Мещанин Орлов, как многие его собраты на Руси, при необыкновенной даровитости своей, с помощью ко-

торой уже успел он стать на значительную высоту в своем искусстве, мало дает цены своему дарованию, которое, конечно, требовало бы и большего образования самого художника, и лучших образцов. Орлов был лет десять тому назад в Петербурге, видел Эрмитаж, был в залах Академии; но с тех пор, как судьба забросила его в Пермь, беспечно живет он где-то в пригородной слободе, окружил себя учениками и помощниками и работает лишь столько, сколько находит нужным для снижения средств к неприхотливой жизни; о дальнейшем же усовершенствовании своем мало заботится, как по врожденной беспечности характера, так и вследствие больших надежд, которые он полагает на силу действительно огромного своего дарования. Надо дивиться смелости, грации и величию его эскизов; надобно дивиться сходству портретов, рассеянных им по всем кабинетам и гостиным Перми (и за какую ничтожную плату!). И все это достигается путем собственного наблюдения, собственных попыток приблизиться к природе... Одно из правил, которым следует художник постоянно, это: писать с натуры; и это правило, вероятно, всего более способствовало развитию его дарования, в котором сама природа вместила большую долю творчества и грации. Один недостаток, который найдете вы в художественных произведениях самородка-художника, — это какой-то сероватый, тусклый колорит и всегда бледноватое освещение. Очевидно, что недостаток этот происходит в художнике от того, что он не

видел другого неба, кроме северного, пермского!.. Советую вам отыскать в слободке мастерскую Орлова: тут вы познакомитесь с его эскизами и, может быть, с самим художником, которого добросовестная, простосердечная даровитость, скромность и светлые проблески природного ума и благородного сердца доставят вам истинное удовольствие.

Наконец, побывайте еще на камской пристани при отплытии пароходов и барж, когда последние грузятся таким огромным количеством кяхтинского чая или уральского железа! Тут увидите замечательное движение, услышите несколько живописных местных выражений пермского идиома и, может быть, решитесь попробовать на вкус знаменитых пермских пель-няней (пель-нянь по-пермяцки хлебное или медвежье ухо), ошибочно называемых *пельменями*, этого любимого лакомства целой Сибири и всего Приуральского края: оно и кисло, и сытно, и не без запаха лука, так дорого ценимого русским человеком.

Но, кажется, я заболтался. Пора и мне на пароходную пристань; отплытие парохода «Стрела»¹⁶ назначено в 9 часов утра. Спешу, привожу свои пожитки и — что такое?.. Отплытие отложено до вечера! Это очень неприятно, потому что я принужден искать в городе приюта себе и вещам моим после того, как уже простился с городом.

Вечером опять тороплюсь, опять спускаюсь к пристани и опять узнаю, что отплытие «Стрелы» отсрочено до завтра! Это невыно-

симо! Но что же прикажете делать! Еще не нагружены все баржи, которые отправятся на буксире за «Стрелю». На завтра прихожу в назначенное время, т. е. в 8 ч. утра, жду до 9-го, до 10, до 11, наконец, до 12-го часа: «Стрела» не двигается... Уже сто раз успели проститься отплывающие пассажиры с остающимися горожанами, сто раз те и другие нетерпеливо взглядывали на часы, а пароход ни с места... Вот, наконец, поднялось какое-то вялое и медленное движение работников на баржах; развязывают причалы на берегу, перетягивают канаты на баржах; вытаскивают якорь парохода на палубу. Общество остающихся в городе окончательно прощается с обществом отъезжающих и переходит по доскам с парохода на пристань. Раздается звонок, за ним команда шкипера, из большой трубы вылетает первый черный клуб дыма, и «Стрела» срывается с своего места... Письмо это оканчиваю в каюте «Стрелы»... Следующее пошлю к вам из Казани.

ПИСЬМО 5-е.

ТЫСЯЧЕВЕРСТНОЕ И ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЕ ПЛАВАНИЕ ОТ ПЕРМИ ДО КАЗАНИ

*Дым столбом, кипит, дымится —
Пароход;
Православный веселится
Наш народ...*

Романс Н. Кукольника

Неосновательное рассуждение о русском речном пароходстве. Пароходные компании. Пейзажи. Лоцмана. Пароходная кухня. Г. Оханск. Кама — мать рек русских. Ночной вид с палубы. Изменчивость камских берегов. Острова. Усть-речкинская пристань. Г. Сарапул и уездные часы. Уральский караван. Г. Елабуга. Еще ночной вид с палубы. Чистополье, черемуха и женщины. Встреча с пароходом «Заря». Перемена в растительности. Усть-Камье. Флаги и салюты. 70 верст вверх по Волге. Последняя ночь на палубе.

Пароход «Стрела». Полдень 6 мая.

Сухим путем от Перми до Казани считается всего только 577¹/₂ верст, тогда как изгибами Камы и Волги надобно проехать около 1000 верст. Тысячеверстный переезд по реке! Какое измерение! И есть ли где-нибудь, кроме Соединенных Штатов Америки, такие реки! Можно ли сетовать на некоторую неаккуратность в приходе и отплытии наших пароходов, если сообразить, что на тысячеверстном пространстве немудрено встретить несколько кратковременных задержек, из которых составитя день или сутки, и пароход опоздает. А между тем еще сегодня сетовал я на промедление в отплытии парохода; а

сколько раз слышал я восклицания, подобные следующему: «Да помилуйте! У нас нет никакого порядка в пароходстве; не знаем, когда придет, когда уйдет пароход; вот на Рейне, например, в Кельне, в Страсбурге пароход отплывает из минуты в минуту в назначенное время, о котором все заблаговременно знают через афиши и т. д.» Но на Рейне пароходы возят праздных путешественников, а не сотни тысяч пудов тяжестей; а притом и рейсы пароходные там в двадцать или тридцать миль, а у нас в 1000 верст! Следовательно, надобно благодарить судьбу и за то, что в наше время плавают пароходы по этим пустынным речным пространствам.

Между Пермью и Казанью и даже Нижним Новгородом существует несколько пароходных хозяйств: пароходы Парначева, Любимова, занимающиеся собственно буксировкою судов с товарами; пароходы купца Колчина, общества под фирмою «Меркурий» и проч. Многие, кроме тяжестей, принимают на себя и пассажиров и имеют для них всякого рода помещения.

Пароход «Стрела», на котором я пишу эти строки, небольшой, красивый пароход с весьма благовидным устройством внутри кают, принадлежит Колчину с компаниею.

Мы отчалили от пермской пристани ровно в полдень. Не думаю, чтобы мы могли идти скоро: на толстых канатах за нами тянется четыре огромных баржи, нагруженных чаем и железом, тем самым чаем, обозы которого на глазах моих отправлялись из Ирбита в

Пермь, и тем самым железом, для которого по Чусовой строились виденные мною суда, или коломенки. Быть может, и чаю, и железу предназначено сделать то же огромное путешествие на юг, которое начато теперь и мною. Быть может, мы в одно время будем в южных пределах России.

Пассажиров с нами немного: семейство Д. С. С. В-ского из Перми, какая-то одинокая дама с премохнатой собачкою и несколько совершенно одиноких купцов и чиновников. День свежий; небо покрыто облаками; вид Перми с Камы беден и уныл, как и ближайшие окрестности, как будто лишённые всякого характера, кроме пустынности.

12³/₄ ч. пополудни.

Крутые левые берега Камы делаются пологими, и за ними, вдали, синеют возвышенности: это западные отрасли Урала. Правый берег делается горист; над песчано-глинистыми обрывами береговых возвышенностей густой еловый лес.

1 час пополудни.

Мы делаем по 10 верст в час. На палубе холодно, ветрено. По берегам пажити, деревни, но рулевой не знает их названия. «Мы плаваем больше по Волге, — отвечает он мне на вопрос о названии проезжаемой деревни, — там знаем каждую деревушку, а здесь бываем мало». — «А как же ты знаешь камский фарватер?» — «А вон сидит наверху да говорит, когда направо, когда налево».

Я взглянул вверх, там, на помосте, протянутом от одного кожуха парохода к другому, действительно сидит лоцман, длиннобородый старик в синем армяке и в теплой шапке, и с раздвижного стула своего, как Нептун с трона, повелительно покрикивает от времени до времени: «Направо, налево» или «право, лево!»

На пароходе два лоцмана; один ходит с разными судами по Каме уже 25 лет, другой — 15. Оба они получают от компании по 200 рублей серебром в лето и оба из господских крестьян Пермской губернии.

2 часа пополудни.

Пароход прибавил ходу, и мы будем делать по 15 верст в час. Направо с палубы видны острова и широкий разлив; налево гористый берег с красноватыми глинистыми обрывами.

Меня зовут обедать в кают-компанию.

4 часа пополудни.

Для тех из будущих плователей по Каме, которые особенно ценят комфорт в путешествии, замечу здесь кое-что о пароходном столе. Мы ели прекрасный суп из курицы с зеленью и макаронами, живых камских стерлядей под соей с лимонами и маринованными рыжиками и, наконец, свежих рябчиков с салатом из огурцов и маринованных вишен. Все это подавалось в прекрасном фаянсе; а пили мы из весьма хорошего хрустала.

Холодно даже и в каюте, и мы обедали

в плащах и шляпах или шапках. На палубе еще холоднее, да и виды по берегам вовсе не разнообразны. С обеих сторон бор и бор. Изредка маленькие селения или отдельные небольшие домики рыбаков.

7³/₄ ч. вечера.

Правый берег становится чрезвычайно живописен. Высоко поднялся он над уровнем Камы и, образуя множество бухт, представляет большое удобство для населения. Вдали синеют горы, на которых еще кое-где белеет снег, уцелевший в лесистых впадинах.

8³/₄ ч. вечера.

На правом, крутом берегу с красноватыми обрывами виднеется Оханск, городок Пермской губернии. На самом берегу белая каменная церковь с одним куполом и колокольней, с портиком о четырех колоннах и с зелеными крышами. Кругом десятка два хилых деревянных домиков. Мы, не останавливаясь, проходим мимо и составляем собою зрелище для нескольких горожан маленького городка, столпившихся близ своей церкви.

Довольно еще светло, но холодно; Кама гладка, ясна и широка. За Оханском горы правого берега не параллельны с рекою, а приходят к ней под углами и оканчиваются мысами и бухтами. Любуясь с палубы на величавую реку, на лесистые берега, одевающиеся во мрак вечера, я невольно вспоминаю Куперовы описания рек и девственных лесов Северной Америки. Мне кажется, что здеш-

ние леса только потому не могут быть названы девственными, что над ними учреждено правильное хозяйство и заведование... Еще мне показалось правдивым замечание о Каме, сообщенное мне сейчас одним из шкиперов: не Волгу, а Каму следовало бы называть кормилицей и матерью рек русских потому, что, по общему замечанию, только камские воды поддерживают и наполняют собою пересыхающий и мелеющий в конце июня волжский бассейн. Гораздо позднее освободившаяся от льда и долее сохранившая свои воды, Кама несет их в отощавшую Волгу, не переставая сама черпать их в неистощимых и огромных своих притоках: Чусовой, Косьвы, Яйвы, Колвы и прочих.

10 ч. вечера.

Облачно и холодно, но тихо; луна изредка показывается сквозь облака.

Вблизи правого берега вода Камы похожа на огромную массу дегтя или черной краски и не отражает в себе высокого лесистого берега; только какие-то круги иногда показываются на ее черной глади. Береговой лес рисуется на фоне неба, как тонко и отчетливо сделанные вырезки из черной бумаги. Между снастями шумящего парохода зажжены разноцветные фонари: это предостережение встречным судам.

Полночь.

Выхожу на палубу, потому что не спится, хочется полюбоваться тишиною и мраком

лунной ночи над Камой. Пароход, не останавливаясь, как обыкновенно это делает по ночам, вверяется ясновидению опытного лоцмана, продолжающего с своей вышки покрикивать: «Право! Лево!», — и идет к Осе, последнему на пути нашем городку Пермской губернии. Там мы остановимся часа на полтора, чтобы запастись дровами. Иду в каюту спать и город Осу увижу, вероятно, не иначе, как во сне, о чем и не сокрушаюсь.

7 мая. 10 часов утра.

На палубе ясно, но ветрено и холодно до такой степени, что невозможно оставаться без шубы. Шкипера, лоцман и рулевой — все в теплых одеждах. В каюте чувствуется неприятная поперечная качка.

Полчаса тому назад пред нами красовался возвышенный левый берег; теперь он низок и болотист, тогда как правый снова лесист и возвышен. Вообще замечательны эти перемены. Мы отплыли от Перми 270 верст, но до сих пор я еще ни разу не видел, чтобы оба берега были в одно и то же время плоски или гористы. Непременно при гористом положении одного низмен другой, и наоборот.

Помощнику шкипера, невысокому, живому человеку лет тридцати и с цыганской физиономией, как-то заметил я, что хороши камские берега. «Да-с, — поспешил он ответить мне. — По Волге-с берега однообразны, а вот здесь так *романические* берега-с». — И престранно ковырнул в воздухе рукою. Что хотят

выразить некоторые люди подобными жемствами?..

2 часа пополудни.

По обеим сторонам нашего фарватера является много затопленных островов, заметных только по возвышающимся на них из воды березам и ветлам, покрытым молодой светло-зеленой листвою.

Первая остановка наша будет в Сарапуле, весьма промышленном городке Вятской губернии, замечательном по своей пристани и торговле, которую, между прочим, ведет он и с пермскими городками. Малохлебный Соликамск, соляные промыслы и бесхлебная Чердынь весьма многое для своего быта получают из Сарапуля. Из Перми же сарапульцы берут льняное семя, хлеб и т. п. Очень жаль, что пароход остановится в Сарапуле ночью и мы не увидим этого оживленного городка с его пристанью.

Несмотря на волны, на противный нам ветер и на тяжесть четырех влекомых нами барж, мы плывем очень хорошо: в 26 часов мы уже сделали до 380 верст.

2³/₄ ч. пополудни.

Вправо от нас открывается Усть-речкинская пристань Воткинского казенного горного завода, на пути нашем последнего, принадлежащего к системе Уральского горнозаводского управления. Самого завода не видно: он отсюда в 12 верстах. Над пристанью красивый холмистый пейзаж. В пристани десят-

ка три плоских судов, или *коломенок*, готовящихся плыть в Нижний Новгород с казенным чугуном и проч. Тут же, между коломенками, виден железный пароход воткинской постройки. В настоящее время в него ставят паровики... Левый берег снова низмен, а правый высок и постоянно красноват.

С въездом в Вятскую губернию береговые селения и деревни появляются чаще и чаще.

9 часов вечера.

Мы огибаем высокий мыс, за которым виднеется Сарапуль. Издалека он очень красив и обширен: оптический обман в пользу всех городков, расположенных на высотах, когда путешественник смотрит на них издали. Несмотря на позднее время, я решаюсь осмотреть городок и ожидаю только, когда пароход причалит к пристани.

9½ часов.

Весьма бедные впечатления собраны мною в опустелых улицах спящего городка. Прежде всего, чтобы пройти с пристани внутрь города, должен был я рискнуть провалиться сквозь изломанный мост, перскинутый через глубокий сухой овраг. За мостом видел я городской острог какой-то необыкновенной архитектуры. Далее собор, площадь, одноэтажное здание семинарии и духовного правления. В том же здании лавки. Площадь обставлена большими каменными домами. Во всем городе ни малейшего движения, несмотря на время, еще не позднее. Это явление мне

давно знакомо: в маленьких русских городках часы обыкновенно отстают по утрам и чрезвычайно спешат к вечеру. Без этого уездный день был бы слишком продолжителен и тягостен для обитателей уездных городков. Все кругом молчит и покоится, только хлебницы суетятся и торгуют около барж, приплывших с нами, да козы ходят по городу с тоскливым бляньем. Вид с Камы на город и с городской площади на Каму хорош. На противоположном берегу бор и там, где-то вдали, лесной пожар...

В здешней пристани мы будем стоять до 2 часов утра, т. е. до восхода солнца. Шкипер наш опасается столкновения с казенным уральским караваном, который плывет впереди нас, но мне кажется, что это напрасное опасение: луна ярко светит, река ярко озарена ею, и лоцман мог бы различить на ее поверхности каждую плывущую щепку, не только коломенку.

8 мая. 9 ч. вечера.

Пароход наш отплыл из Сарапуля в 3 часа пополуночи, и теперь мы обгоняем караван. Широкие и плоские коломенки с металлами медленно тянутся по реке, как рассеянное стадо каких-то огромных птиц или, еще вернее, как киты, выставившие из воды свои черные и выгнутые спины. На каждой коломенке непрерывно действует человек по двадцати гребцов, но суда едва заметно движутся вниз по течению реки и дают обгонять себя пароходу. Как очевидно здесь превосходство

пара над трудом мышц человека! Суда с солью, вышедшие 5-го мая из Дедюхина, придут в Нижний только в середине июля...

Ниже впадения р. Белой в Каму последняя очевидно делается шире и многоводнее. Белая впадет в Каму с левой стороны, верст 90 ниже Сарапуля против села Каракулина.

9½ часов вечера.

Мы остановились верстах в трех от Елабуги, последнего городка Вятской губернии. Здесь разлив Камы так широк, что мы не видим левого берега. Издалека Елабуга красиво обстроена. Из центра города возвышаются три каменных церкви.

По причине берегового мелководья пароход не может пристать к городу. Пассажирка с мохнатой собачкой, все время так таинственно скрывавшаяся в какой-то каютке, наконец здесь обнаружила, что цель ее путешествия — Елабуга. Собачку и пассажирку отправили в город на лодке. Пристань здешняя менее сарапульской, хотя тоже грузят здесь пшеницу и льняное семя. Гораздо важнее по своим пристаням села: Челны и Битки, лежащие по левой стороне Камы в Оренбургской губернии, граница которой идет здесь параллельно с Камой, но южнее Камы верст на сорок. Невольная мысль при взгляде на карту: что бы Каму сделать естественной границей между двумя губерниями?..

Пароход постоянно делает от 300 до 350 верст в сутки.

Сегодня гораздо теплее и можно целый день оставаться без теплого платья на палубе. Кама видимо шире, островов больше. На островах и на берегу часто являются дубы. Зелень гуще и сочнее; пейзажи разнообразнее, берега населеннее: сегодня мы видели до десяти селений с каменными церквями.

Нельзя перестать любоваться беспрестанно повторяющимся зрелищем деревьев, часто дубов, выходящих прямо из воды над заливыми ею островами или низменными берегами.

Пароходная кухня продолжает кормить нас прекрасными вещами: свежей камской рыбой, дичью, хорошим мясом.

11 часов вечера.

На палубе так хорошо, что можно бы решиться ночевать под открытым небом. Завернувшись в плащ, давно уже сижу я на передней части парохода, и глаза мои не утомляются превосходным зрелищем развертывающейся перед ними панорамы. В воздухе свежо, но тихо. Луна, почти полная, стоит, как сторожевой маяк, над рекою. Кама тиха и вся насквозь проникнута фосфорическими лучами ночного светила. Берега лесисты и высоки, и соловьи приветствуют с берега медленно проходящий пароход. В воздухе такое безветрие, что столб дыма и высокий снап искр, вылетающие из пароходной трубы, подымаются над нею вверх совершенно перпендикулярно...

9 мая. 8 часов утра.

Первый звук, проникнувший сегодня утром в нашу каюту, был звон церковного колокола: сегодня Николин день, великий на Руси праздник. Мы стоим у Чистополя, уездного городка Казанской губернии. С берега, вместе с серебристым звоном колокола, доходит до нас благоухание цветущей черемухи. Весь городок тонет в деревьях, побелевших от душистого цвета, и это странно видеть нам, вчера еще видевшим снег во многих лесистых впадинах левого берега Камы. Мы подвинулись к югу, в прямом направлении от Перми, почти на три географических градуса, и разница в температуре уже значительная. С чистопольской пристани носят дрова на пароходную баржу женщины, замечательные по необыкновенному развитию груди, по цветущим, но некрасивым лицам и по громким голосам.

6 ч. вечера.

Сейчас обогнали мы пароход «Заря», принадлежащий так же, как и наша «Стрела», компании Колчина и отплывший из Перми сутками ранее нас. На палубах обоих пароходов поднялась суета. Шкиперы перекликаются сквозь медные рупоры, пассажиры, знакомые между собою, машут платками, зонтиками и раскланиваются с обеих палуб. Все это несколько развлекло нас после тихого, одинокого плаванья вдоль пустынной Камы и было для нас как бы первым знаком, что

мы приближаемся к населенному и шумному городу.

С последней ночи уже нигде не видно хвойного леса. По берегам растут здесь дуб, ветла и береза. Часа два тому назад видели мы на правом берегу целую дубовую рощу.

7¹/₂ часов вечера.

Мы входим в Усть-Камье и поворачиваем направо, вверх по Волге. Здесь слитие двух величайших рек европейской России образует необозримый бассейн воды. «Заря» не отстает от нас, а «Камышин»¹⁷, другой пароход той же компании, стоящий на якоре в Усть-Камье, выкидывает какие-то флаги и встречает нас салютом трех пушечных выстрелов. «Стрела» отвечает тем же и оставляет две баржи на буксир «Камышину», а сама идет далее вверх по Волге. До Казани только 70 верст, но мы будем там через девять или десять часов, потому что пароход не может делать более семи верст в час, плывя против течения быстрой Волги.

Во время передачи «Камышину» двух барж с нами соединилась и «Заря», и на палубе нашей явился какой-то господин, очевидно принадлежащий к начальству пароходов. Я с удовольствием слушал его строгий выговор шкиперам нашего парохода за то, что они выехали из Перми позже назначенного времени. «Тут тот расчет, — говорило распекающее лицо и говорило совершенно справедливо, — что публика привыкнет почитать нас неаккуратными, беспорядочными и лишит нас сво-

его доверия, а вместе с тем будет предпочитать сухопутные путешествия по вольной почте...»

Правый берег Волги (а от нас левый) горист и постоянно горист, в противоположность изменяющимся берегам Камы. Селения на нем многодомные и более населенные. Левый же берег постоянно низмен, залит водою на большое пространство и покрыт ветлами и кустами вербы или жимолости. Пароход, избегая быстрины посредине русла Волги, тянется ближе к левому берегу, где слабее противное течение. С берега долетают до нас трели соловьев; вербы покрыты своими бархатными почками; в воздухе тепло, и все напоминает нам о мае, не о нашем холодном уральском мае, а о таком, какой должен быть и бывает в порядочном краю...

Иду спать в каюту с тем, чтобы завтра проснуться в казанской пристани.

Ф. М. Решетников

ГЛУХИЕ МЕСТА

Из дорожных заметок

Нужно было мне в 186... году побывать на родине в нескольких городах. Вот с этими-то старыми своими знакомыми я и желаю познакомиться читателя.

О своей поездке по железным дорогам и рекам говорить не стоит. Пароход, на котором я плыл пассажиром 3-го класса пять суток, отмахав тысячи полторы верст, наконец, в 4 часа утра, остановился, но на свою пристань его не пустили: какая-то компания распорядилась причалить баржи с пароходом на чужом месте. Капитан горячился и доказывал, что он насолит этой компании. Но нам, пассажирам, до этого дела не было, нам нужно было непременно быть на твердой земле, а именно в г. Р.¹ Сошли с парохода на пристань (род судна с избушками по обеим сторонам прохода). Приплывшие суетились; нужно было извозчиков, а их только двое с длинными линейками. Жители Р. пошли разыскивать извозчиков, но я их не дождался, а пошел.

Перемены в Р. я никакой не заметил с тех пор, как я его оставил²: те же поломанные перила, тянущиеся по спуску, те же дома, те же старые деревянные тротуары; только загон (гулянье на берегу реки) немного изме-

нился: деревья обципаны, земля гладко выметена платьями, устроены лавки, кафе-ресторан; на фонарных столбах красуются объявления, напечатанные в двух типографиях, об отплытии пароходов, о фотографиях и даже эрмитаже; красуются афиши, до половины содранные.

В загоне пусто. Тихо; ничто не шелкнет, никто не пикнет, только пароходная труба, выпускающая пары, шумит. Зашел в кафе-ресторан. Там двое господ играют на биллиарде.

— Что нужно? — спросил меня служитель.

— А выпить водки.

— Нельзя.

В зале висят разные объявления; я было хотел прочитать одно, но служитель крикнул: «Сказано, нельзя!..» Я вздрогнул и вышел. В городе есть библиотека; за чтение в ней за один раз платят десять копеек серебром. Читаю объявление — чиновники такой-то палаты отдали свои книги в эту библиотеку. А раньше мне писали, что у чиновников этой палаты взяли книги в пользу этой библиотеки. Вхожу; библиотекарь знакомый, поздоровался с улыбкой, с улыбкою спросил меня, зачем я приехал, с улыбкой показывал мне шкафы...

На большом столе разложены почти все журналы и газеты, шкафы полны книгами.

— Все это моим старанием заведено... Я ночи не спал, чтобы только добиться этого. У нас в библиотеке теперь до пяти тысяч томов... Читают почти все.

Потом он повел меня в другие комнаты, принадлежащие, как говорил мне библиоте-

карь, статистическому комитету, в котором помещается и библиотека; там, в шкафах, лежали минералы и сельскохозяйственные произведения.

— С какой это целью сделано? — спросил я библиотекаря.

— Как с какой? Да вот хоть бы вы приехали: ведь вы напишете в журнале, что вот в Р. есть и минералогический, и сельскохозяйственный музей.

— Кто же занимается этими музеями?

— Я... я собираю вещи, как секретарь статистического комитета.

— Скажите: зачем вы отняли книги у чиновников ***³ палаты?

— Не я... велели. Да и для чего им библиотека, коли они из публичной могут читать?

— Однако за книги ведь они деньги платили, и книги хорошие.

— Однако оказалось, что книги ихние библиотекари растаскали; да и я обещался им пользоваться из нашей библиотеки даром в течение десяти лет.

Осмотрел библиотеку; старых, ни для кого не нужных книг до 4500. По губернским ведомостям значится, что средним числом из библиотеки берут книги в день 35 мужчин и 2 женщины. Но библиотекарь не знает, из каких сословий больше читающих. В зале библиотеки двое чиновников выдают книги и газеты и занимаются делами по статистическому комитету.

Приходит чиновник *** палаты. Просит новых журналов.

Максим Максимыч не велел давать, — ответили ему.

Чиновник ушел. Пришел какой-то сторож с билетом. Я заглянул в билет — советнику *** палаты. Сторожу дали неразрезанную книгу.

Это я рассказал библиотекарю.

— Чиновнику не за что давать книг, да он и не стоит, может подождать, а советник... — Он не договорил.

В этот день был большой праздник, и вечером в загоне назначено гулянье. Прихожу к загону; на перилах фонари висят; в дверях стоят полицейские и какие-то приказчики. В загоне гуляют; пять человек музыкантов играют польки, кадрили.

Не пускают. Билет на вход стоит 20 копеек. Купил. Попадается приятель.

— Что это у вас за праздник?

— Начальник новый приехал, так уж кстати, верно...

Приятель жаловался на скуку: «Мы, — говорит он, — рады не рады, что начальству вздумается утешить нас; так у нас три раза в неделю здесь музыка играет; фейерверки бывают. Ну, и соберемся, поглядим друг на друга, и начальство с нами ходит, а случается, и папиросы от нас раскуривает; подойдет эдак ко мне и скажет: «Братец! Дайте, пожалуйста, закурить». Цивилизация!»

Около будки балаган. В нем аллегри⁴. В объявлении сказано, что такой-то, с дозволения начальства, за то, что он пожертвовал

детскому приюту 50 рублей, открыл на лето аллегри; цена билетам 1 р., 50 к. и 25 к.

— В первое время многие брали билеты, а теперь наскучило, и не выигрывается. Однако он пятьдесят рублей давно выручил, — объяснил мне приятель.

Заиграли горнисты; музыканты скрылись. Барыни и барышни точно павы плавают, важничают, обметая землю; городские франты идут за ними, а попадаясь навстречу, рисуются; барышни делают глазки; остальной чиновный люд ходит так себе, или сидит, или стоит, разговаривая о чиновниках. Дамы разговаривают о дамах.

— Да! Марья Степановна выходит... — вздыхает дева.

— Не нашла она со своим воспитаньем жениха получше!..

Начинает темнеть. В загоне давка, душно от табаку, потому что нет ветра. По реке тихо плывет пароход: в нем танцует аристократия, на нем играет музыка. Все смотрят на пароход; всем делается скучно: пароход точно смеется над ними и заворачивает... Вошел в кафе-ресторан — битком набит. Рюмка водки стоит восемь копеек; показалось дорого — ушел.

— Город наш, несмотря на то, что он стоит на бойком месте, нисколько не подвигается вперед. Если же что и печатают о просвещении в губернских ведомостях, так это вздор, только потешаются господа. Посмотри ты, сколько теперь сделалось фальшивых людей, страм! Болтают, модничают — и черт их знает, как они ведут себя. И должности им

дают хорошие, а денег нет, от дела бегают... То ли дело наш брат: отзвонил тридцать пять лет, да нажил домок — и слава те господи!.. — Так говорил какой-то старичок молодому чиновнику.

В первом часу публики в загоне было немного: это были женихи и невесты...

Утром на другой день я попросил родственницу сходить в казначейство, разменять двадцатипятирублевую. Мне не хотелось самому идти, для того, чтобы меня не узнали. Родственница воротилась и сказала: «Казначей не меняет; он меняет только знакомым...» Прихожу в казначейство; чиновники сразу узнали меня и обступили.

— А! Описывать? описывать нас приехал! — говорили со всех сторон.

Я краснел, не знал, как отделаться от них. Получив мелкие бумажки, я стал прощаться, — не пускают.

— Пожалуйста, похлопочи, мои бумаги в министерстве... заплачу!..

— Да у меня никого нет знакомого там.

— Ей-богу, заплачу! Тебе там все во всех министерствах знакомы.

Кое-как я вырвался от них, но они еще из окон кричали мне: «Не забудь же! Не забудь!»

Я заключил, что если я еще неделю проживу в Р., то мне покою не будет от старых знакомых: они рады своему товарищу, приехавшему из столицы; закидают просьбами, запоят — и все-таки будут думать, что я подслан, опасный для них человек.

Нужно было ехать в Ч. На почтовых ехать невыгодно, а так как до И.⁵ плавают пароход и стоит во 2-м классе четыре рубля, то я поселился во 2-м классе парохода. Каюта вмещает шесть человек, потолок до того низок, что двухаршинному человеку нужно нагибаться. На пароходе есть буфет, которым управляет женщина, но в этом буфете не готовят в пост мясного, нет вин, пива, а есть водка и можно похлебать отличной ухи. За воду на чай женщина берет кто сколько даст. Пассажиров было немного: чиновники, мещане, крестьяне и духовные.

Так как пассажиров во 2-м классе было со мной пять человек, то мы все скоро перезнакомились; меня с ними познакомил чиновник, ехавший в Ч., с которым и я условился вместе ехать. В числе трех пассажиров были доверенные от купцов; они то и дело толковали о своих плутнях, о том, каким образом выгоднее нажить деньги: посредством ли найма рабочих, или сплавом леса и судов. Пароход пошел. Доверенные купили водки.

— Г. сочинитель, пожалуйста рюмочку! — сказал мне один из них.

— Благодарю.

— Теперь адмиральский час. «Едет чирик в лодочке, в адмиральском чине; по этой причине не выпить ли водочки», — пропел он.

— Благодарю; я и на свои могу выпить.

— А вы в нашей компании не хотите быть? А не хотите ли на палубу?

— Он, господа, умствует: с которого боку начать сочинять на нас.

— Пей!! — крикнул один.

Нечего делать, я выпил и повторил. Через час они стали играть в стуколку.

В И. мы приплыли в пять часов. Рабочие на соляных варницах, мужчины и женщины, уже отработались: одни из них бегали друг за другом, колотили друг друга, причем женщины взвизгивали; другие, сидя на набережной в разных местах, пели песни. Кругом мрачно; на балконах стоят купчихи, жены заводских управляющих и их дочери: они хотят взглянуть, кто приплыл на пароходе. Из пассажиров состоятельные люди оказываются знакомые. Дамы кланяются, мужчины спрашивают о здоровье.

— Заходите! — кричат дамы.

— Покорно благодарны. Приду-с!

— Пожалуйста, — скучно!..

Знакомый, с которым я условился ехать до Ч., сказал мне: «Здесь еще весело, потому что народ поразвитее и более общителен, чем в других местах. Но и здесь есть особые кружки: заводчики знают с заводчиками, купцы с купцами, чиновники с чиновниками. Для народа только нет никаких развлечений».

Моего спутника как губернского чиновника здесь встретили с почетом, и я попал в аристократический дом; но со мной избегали разговаривать и только к чаю пригласили в зал. В зале сидело до пяти чиновников, в том числе и какой-то мировой посредник, что я узнал по красному околышу на фуражке. Дам здесь не было. Чиновники толковали о служебных делах, хохотали над своими начальниками.

Мировой посредник рекомендовался мне, и мы скоро разговорились.

— Я в Ч. ни за что больше не поеду. Делать там нечего: крестьяне смирны, писарь все сделает.

Посредник повел меня в трактир, носящий название города И. Трактир состоит из двух комнат, с грязным полом, неоклеенными стенами. В большой комнате пили чай рабочие.

— Скоро ли вы, мужланы, натрескаетесь? — крикнула хозяйка на рабочих.

— Погоди — не роди, деньги платим.

— Мы сами с усами! — сказал молодой рабочий и, закурив папиросу, стал ходить по комнате, сложив руки на спине.

— Какое ты имеешь право курить? Брось сосульку! — кричала хозяйка.

— Руки коротки!

— Брось! брось!

— Ныне, хозяйюшка, можно и на улицах курить, разрешение такое вышло, — сказал я хозяйке.

— Так вот я и дозволю курить!

— Не курить! — крикнул посредник рабочим. Они ушли.

На другой день приезда в И. я поехал в Ч.

В Ч. нам пришлось ехать дальше через город С.⁶, а так как теперь мы в С. не останавливались, то я буду говорить об нем дальше.

Дорога от С. до Ч. страшно скучная. Даже

однообразие видов не веселит. По обеим сторонам дороги лес высокий, густой; едешь-едешь — и живого человека не увидишь, не услышишь не только человеческого, но даже птичьего голоса; только ямщик в ободранном зипуне, сидя на козлах, покрикивает на лошадей, да и то не часто; его дремота одолевает. Заговоришь с ним, — он отмалчивается, нукнет, как будто хочет раз навсегда отделаться от тебя: «Да отстань ты! чего ты лезешь! и без тебя тошно»... Товарищ мой дремлет, зеваает или начнет рассказывать какие-нибудь пошлые историйки, говорит так гладко, смешно, но не хочется его слушать. Видит он, что я смотрю не на него, а в другую сторону, обидится, прервет рассказ на половине и начнет спрашивать: зачем я еду в Ч. — и т. п. Заметит он, что я больше отмалчиваюсь, крикнет на ямщика: пошел! — и если лошади идут не больно скоро, он накинется на ямщика.

— Пошел, тебе говорят!

— Ну... ну...

— Я тебе дам — ну, ну! скотина... напишу становому — вздует.

— Не та пора-то...

— Ах, ты, свинья этакая. Я же тебя!

И чиновник рассказал мне, как он однажды приказал становому наказать ямщика за грубость.

Изредка попадаются здесь деревеньки в три и много — в десять домиков с крытыми соломой крышами, без заплотов⁷; около домиков бродят свиньи; на тощих полях лежат или ходят тощие коровы; во дворах, и то не

во всех, стоят по одному мужчине или по одной женщине, что-то делающих, в синих изгребных рубахах⁸, с бледными, тощими лицами; из окон выглядывают полуодетые ребята и с удивлением смотрят на проезжающую повозку, которую тащат две лошади...

— А что, много здесь ездит людей? — спросил чиновник ямщика.

— Ась?

Чиновник повторил вопрос. Ямщик промолчал. А надо вам заметить, что, начиная от С., крестьяне многих слов, сказанных им мной и чиновником, не понимали. Выговаривали они по-своему, так непонятно, отрывисто, что нужно было каждое слово обдумывать.

— Я тебя спрашиваю.

— Ну?.. чего ино...

Чиновник не добился ответа. Но и без вопросов видно было, что здесь немного ездит народа: в продолжение двенадцатичасовой езды навстречу нам попался только один крестьянин, схавший верхом на лошади, а нас никто не перегнал.

В этой глуши, особенно на станциях, чиновники из губернского города ведут себя с особенною важностию. Если чиновник имеет порядочный чин или занимает порядочную должность, он в уезде считает себя чуть-чуть не губернатором, от сельских начальств требует повиновения, а от крестьян и подавно. Для ясности представлю я одну сцену. Только что мы приехали на станцию и въехали во двор, --- около одной повозки, запряженной в три лошади, стояло шесть крестьян: одни в

рубахах, другие в зипунах, держа в руках шапки. Они переминались с ноги на ногу, почесывались и толковали о чем-то между собой. Два ямщика отпрягли лошадей. В повозке было только две подушки.

— Кто приехал? — спросил мой товарищ ямщиков.

Крестьяне стали смотреть на него с удивлением; ямщик сказал, что приехал Косой, начальник из Ч.

— А вы, дурачье, зачем шапки сняли? — крикнул он крестьянам. Те не знали, что делать: то переглядывались друг с другом, то смотрели на нас. Один надел шапку.

— Скинь, вахлак! — начал негромко один крестьянин. Заговорили остальные:

— Чево! мотри, друго ночельство не велит.

— Это начальство? А кое?

— Крицит кое... Ошшо... Ишь...

— А тот?.. што же у няво... стекла какие-те?

Я был в очках.

Товарищ мой ушел в дом, а я слез и стал набивать трубку махоркой. Это удивило крестьян: они то улыбались, то толкали друг друга.

— А что, дядя, можно курить-то здесь? — спросил я ямщика.

— Этот барин-то кто? — спросил ямщик меня.

Я сказал и повторил свою просьбу.

— Курить-то? А ты с ним как?

Пололам еду.

Пололам... — Ямщик захохотал.

— Чему ты смеешься?

— Знаю мы... Ишь, дурака нашел!.. Да ты у него как ино?..

— Никак.

— А ты поди туда. — Ямщик указал мне на дом.

Сходил я в дом, покурил там и вышел опять во двор. Крестьяне стояли за воротами.

— Вы чево, — хлопчете, что ли? — спросил я их.

— Ваше благородье! Сделай такую божескую милость! Мы те уж... — говорили крестьяне и окружили меня.

— Сделать я ничего не могу.

— Уж ты заступись... Мы уж те... попроси ты набольшова-то. Вот подать надо, а сюда призвали...

Я был в неловком положении и ушел во двор, но остановился недалеко от ворот.

— Эко дело, дать бы ему...

— А пошто? он, поди, так.

— Левизоры, бают.

— Подем. Молодой-то бассяе... Уж он все сделает... Ишь, трубку сосет по-нашему.

— Молчи: молодой хуже; он так... Другое-т ночельник!

— А што, у вас ревизоры часто бывают? — спросил я одного крестьянина, когда он вошел во двор.

— И! беда!!.

— Как же так? Я слышал, что только они раз пять в году бывают.

— Поце?.. гли, сколь: топерь ты, другой; вцера один убег...

— Да может, они не ревизоры.

— Ште ты баешь! сами глядели.

А толк-от есть ли?

— Ой уж!.. А ты левизор же?

— Нет. Я, братцы, нигде не служу в чиновниках.

— А поце?

— Васька, уди; ожжет он те, черт!

— Он бает: не левизор-де. Он так!.. Левизоры разе сосут эку сосульку...

— Будь ты проклятой, лешак! Уди, говорят...

— Не бойтесь, братцы: я, ей-богу, не ревизор, и тот не ревизор.

Вышел мой товарищ. Один повалился ему в ноги, другой сказал:

— Ослбоди ты нас, батюшко левизор.

— Ну, ну... — Чиновник был в неловком положении. Он, как губернский житель, не любил уездных и хвастался любовью к мужикам.

— Я похлопочу... Пошли прочь! — крикнул он. Крестьяне отошли прочь. В это время вышел на крыльцо тучный человек, крестьяне хотели подойти к нему ближе, но боялись.

— Эти к вам, верно? — спросил мой товарищ тучного господина.

— Да они всякого приезжего за ревизора считают... Пошли прочь!..

Один надел шапку, другой пошел за ворота; за ним поплелись и прочие. Но когда тучный господин выехал из ворот, они близко подошли к повозке. Толстяк велел ямщику остановить лошадей.

— Если вы не представите завтра подать, я вас... Пошел! — И толстяк уехал. Крестьяне стали рассуждать, собравшись в кучу; к ним подошли две бабы в грязных рубахах; трое маленьких ребят смотрели на них с вытаращенными глазами и разинутыми ртами. Мы тоже тронулись.

Чиновник, ехавший со мной, объяснил мне, что крестьяне каждого чиновника почитают за ревизора; что с ними нельзя говорить без ругани, потому что они иначе не понимают. Я говорил, что это вздор; но он уверял меня, говоря, что он на практике испытал это.

«Ч. находится, — как значитесь по одному описанию Р-ской губернии, — на северо-западном краю губернии, на правом высоком берегу реки Морошки⁹. Он расположен на косогоре, обращенном к реке и пересекаемом весьма глубокими оврагами. Ч., по местоположению, принадлежит к числу лучших уездных городов в Р-ской губернии. Высокое, гористое и сухое местоположение делает излишним мощение улиц».

На основании этого заключения в городе существуют неглубокие канавы, прорытые потоком воды во время дождя, и жители говорят, что не к чему строить тротуары, так как они скоро разваливаются, а во время ветра пыль поднимается со всех улиц. Город далеко превосходит своею наружностью грязный С., который мы проехали после И.: улицы прямые, больше каменных домов, и ему, как вид-

но, хочется походить на губернский город, но зато здесь, в этой глуши, люди живут замкнуто. С первого раза бросается в глаза то — что делают здесь люди?

— Житье нашему брату здесь привольное: жалованье получишь, водки купишь, пропьешь половину, другую половину в карты проиграешь, — сказал мне один знакомый туземец.

— Может быть, не все так делают?

— Известно. Кто водку мало употребляет и в карты не играет, тот поскорее женится. Да и что нам делать: в семь часов утра чаю напьешься, в восемь по делам пойдешь, в два часа обедаешь, потом спишь или рыбачить идешь. Вечером до девяти на службе просидишь.

— И не скучно?

— И! что за скука? А я знаю, вы до чего добираетесь: вы нас описать хотите. Пишите: мол, в Ч. книг читать жители не любят. На кой нам черт ваши книги? Ну-ко, скажи? Вы там по-губернски как хотите, а нам и без книг приятно спится.

Прожил я первый день, скука страшная. Дома хозяин рассказывал, как он в прежнее время наживал деньги, — и ругал разные новые порядки.

— Не поверите, если я вас стану уверять, что прежде лучше жилось, при старых-то порядках... Возьмешь десять рублей по делу, потому жалованье маленькое, а у меня семья, — ну и спехнешь дело. Начальство замечает, бывало, мне при выдаче жалованья: на что

тебе деньги? ты и так накопил! — и спрашивает, сколько я накопил. Да оно, что есть, само хлопотало об том, чтобы просители давали мне, а те уж сами привыкли, не обижаются...

Коснулся разговор одного человека; мой хозяин расходился, а потом помолчал — и вдруг, сетуя на свою судьбу, что его уволили в отставку, заговорил по-ученому:

— Да, батюшка, порядки ныне другие... Вон в «Воскресном досуге» да «Сыне Отечества»¹⁰ карикатуры на нас, бедных, стали делать, а за что? Приедет сюда какая-нибудь выскочка, франт, и задает шику: я то, я это!.. Вы, говорит, взяточники; ко всему придирается, каналья, а сам какой-нибудь губернский секретарь, не то, что мы, коллежские асессоры, — дрянь! Да и такая каналья этот молоко-сосишко, губернский секретаришко: возьмет да и затребует от тебя объяснение. Читаешь-читаешь, ничего не поймешь, просто издевается над тобой, коллежским асессором! Возьмешь да и накачаешь ему отношение: о чем, мол, ваше благородие, изволите спрашивать? Можно бы если было, так бы и назвал его блохой... Он опять; возьмешь да и плюнешь на его бумагу. Жди и дожидайся. Мы и сами с усами и блох не боимся. Он жалобу на тебя, а как угостишь его, он и съежится: давно бы, говорит, так сделал!.. Ох, уж эти франты! за нашу же хлеб-соль что делают! Уедет эта блоха, плюнешь ему вдогонку и живешь себе... Вдруг запрос от начальства. Ну, это еще куда ни шло, потому там замазать можно; так ведь

отставкой грозят, а то и получится указ: увольняется по прошению. Вот что *бедно* (обидно). Приезжал к нам один Тряпкин... Уж тряпка тряпкой, а как он торговлю свидетельствовал?..

В другом месте разговор коснулся гласного судопроизводства. Вдруг спрашивает меня один:

— Да. Скажи-ко ты мне: что это за штука? По-славянски глас значит глагол; да как же применить-то этот глагол к нашему уездному суду: суд — *глагол*, что ли? а *местоимение-то кто?* — Он говорил это серьезно. Мы пили водку в саду.

— Гласное судопроизводство? тут, сударь, будут решать дела без перьев и бумаги, — заметил друг-приятель моего знакомого, смеясь, как будто он острил над ним.

— Ты не болтай, пустомеля. Это невозможно. Ну, как без бумаги? Да тогда будет большой подрыв бумажным фабрикам. Об этом-то ты подумал, лысая башка?..

— Тогда всякий может приходить в суд даром, и всякий будет знать, за что судят человека, — сказал я как-то неловко.

— О-о! так вот я и выдам канцелярскую тайну! Да если мне прибавят тогда больше жалованья, я за тайну меньше тысячи не возьму — дудки! — И он свистнул.

— Тогда всех нынешних судей следовало бы уволить.

— На каком основании?

— Потому что не годятся. Например, сде-

лайтесь вы судьей, вы только все дело перепутаете.

— Ах, ты, мерзавец, мерзавец... Извини, впрочем. Это ты говоришь потому, что ты нигде не служишь, тебе все равно. А я тебе скажу: твоего гласного суда у нас не будет.

— Почему?

— Я сказал — и баста!.. Там, может быть, где-нибудь... Нет — врешь!.. Не будет! не смеют!!.

— Да ведь говорили же, что воли не будет; вышла же.

— То воля, там мужики; а то суд, где участь людскую решают. И поколебать такую твердыню невозможно.

— Возможно.

— Невозможно!!.

Мой знакомый вскочил, схватил в руку бутылку; я замолчал, убоявшись того, что он может зашибить меня.

Этот господин так привык к тому порядку, который существует теперь, что с ним невозможно было говорить о новых вещах, о таких предметах, о которых он не имел никакого понятия, и если он принуждал человека замолчать силой, то торжествовал.

— Што, взял! Мы — практики, и вам не верим, мало ли вы что толкуете!

— Увидим! — отвечал ему смиренно противник.

— Увидим, как в аду будем.

Вечером этот же господин, уже весьма хмельной, стал вдруг целовать меня и заставлял пить водку. Я отказался.

— Пей! не то на голову вылью.

— Ей-богу не могу. Я и так пьян.

— Ах ты...

Тут он обругался непечатно и рванулся ко мне, но упал на пол. Когда мы легли спать, он долго ворчал.

— Ты, поди, врешь, што ты из Петербурга...

Долго еще вечером и ночью кричали где-то на улицах, раздавались песни. Огни в домах скоро погасили, по улицам ходили караульные и каждого запоздалого останавливали, отчего пьяные дрались с караульными, убежали от них, а за ними гнались собаки со страшным лаем.

Спросил я на другой день почитать чего-нибудь; обязательный хозяин обещался достать мне всером «Воскресный досуг». Я удивился, что семейство этого человека не скучает, даже не жалуется на свою скуку, несмотря на то, что девицы выросли в губернском городе.

— Что нам скучать-то: до обеда стряпней занимаемся, после обеда спим, вечером прогуливаемся или шьем что-нибудь, или в карты играем.

Впрочем, заниматься стряпней в кухне приходилось не всем, потому что сестры ссорились постоянно, и потому та, которая помоложе, играла в комнате в куклы с двенадцатилетней сестрой, которая не умела еще читать.

Пошел я гулять по городу. Попались мне два крестьянина. Сняв шапку, один спросил меня:

— Ваше благородье, где-ка ночельство?..

— Какое?

— Да такое, што бумагу нам об воле какой-то читали... Мы не знаем, што там.

— Препж за землю ничего не брали, а теперь старую-то взяли, другую дали — болото, и деньги требуют.

— Нам не надо ее...

— Мирового вам надо?

— Во-во! Уж сделай божеску милось, скажи, мы те рябков дадим.

— Не знаю, братцы, я не здешний. Сказывают, что мировой в И.

— Ась?

— В И.

— Эко дело! Так ты чево ино скажешь?

— Ничего я, братцы, не знаю.

Они стояли, переминаясь с ноги на ногу; один толкнул другого в спину и мигнул ему.

— Так, ваше благородье, сколько тебе... за хлопоты-то?

— За какие хлопоты?

— А ты уж похлопочи: он, поди, здесь, мир-от этот. Последню коровенку отдал, кабы... И эту купцу здешнему отдал, потому муки надобно было; а он всево-то два мешка дал, да велел рыбы наловить пуда два...

— Как же, говорят, у вас в уезде золото промывают?

— Промывают, да што! подрядчики, кои богатые, обманывают тожно.

— Самы свою пользу соблюдают, а мы робь-робь им... Хуже как в бурлаках... Вот што, поштенной!

— Топерь, подрядились мы осенью за пять рублей в месяц со своим хлебом, проробили; ладно... А как расчет вышел, по гривне и получили.

— Как так?

— А бог их знает. Бают, золота нету, а мы робили-робили...

— Было золото-то?

— Было, да баять не велят... И чево баять: может, оно и так... Тоде теперь к здешнему купцу ходили двое, судно с мукой тащили, он и не почти им два с полтиной. Бает, ходить будете, хуже будет... Порядились бревна ему возить.

— А больше-то нечего робить?

— А чево робить-то?

Ч-ские капиталисты забрали в руки выгодные занятия: они выделывают кожу, ведут торговлю с дикими людьми, скитающимися по северу, и ловко поживают от крестьян.

В Ч. еще весело, но в С. даже и сами жители скучают от бездействия. В Ч. еще мещане находят кое-какое занятие, — например, берутся за какие-нибудь спекуляции, аферы, стреляют птиц и зверей, ловят рыбу, продают какие-нибудь вещи приходящим и приплывающим из других губерний крестьянам и проч. Там можно услышать кое-что о торговых делах, народ немного оживленнее, — особенно тот, кто занимается делом; но здесь заниматься почти нечем. Есть, правда, две варни-

цы, но там работают те же, которые и до воли работали. Вот поэтому работающие люди и нанимаются в судовые рабочие, женщины плетут кружева, но большинство мещан перебиваются кое-как. Остальные жители дошли до такого отупения, что, кроме плутов, ничего не могут выдумать, и рады не рады, что, кое-как наевшись, могут скорее заснуть и провести большую половину суток во сне. В городе мало новых домов, старые дома не поправляются, и если чем город славится, так восемью церквями. Вся эта бедность произошла от того, как рассказывают старожилы, что в половине семисотых годов С. процветал, но потом неприписанных к ревизии около полутора тысяч рабочих-мужчин выселили в другое место, и с этих пор солепромышленность постоянно упала, и теперь от 40 варниц осталось только две. Город расположен под горами, и поэтому в нем после дождей очень грязно; но жители привыкли к этой грязи, а поживши здесь два года, привыкают и к скуке. Здесь тоже много ссыльных, так же, как и в Ч. Им нечего делать, и они живут отдельно от других обществ.

Здесь мне пришлось прожить с месяц, но этот месяц я провел точно в карцере, несмотря даже и на то, что я бы мог, благодаря хлебосолам, быть с утра до вечера пьяным.

Прожил я неделю в С., ни с кем не знакомясь, и стал привыкать к нему. Даже стал отвыкать от того образа жизни, какой я вел раньше. Встанешь в шесть часов, чаю напьешься; читать станешь — зеваается, на ули-

цу тянет. Пойдешь купаться в речку — из барских домов выглядывают барышни, только что вставшие. Во втором часу обедаем. После обеда спать хочется.

— Ведь ты приехал сюда здоровье поправлять, а в карты, говоришь, играть не любишь, ну и спи. Ты человек свободный, не так, как мы... Водку пить теперь не годится, — спи, пока спится, — советовали мне родные; и, странное дело, я скоро засыпал, когда ложился после обеда, и постоянно пробуждался в пять часов. Но уж, верно, воздух здесь такой, что в три часа душно в городе, спать хочется, и не спят только дети да восьмая часть граждан.

— Ну, что, хорошо ли поспал, — спрашивают меня.

— Славно. Только мне ужасно совестно, что я сплю: ведь я не вам чета. Вы, слава богу, пятые десятки доживаете, да и живете-то здесь не год.

— Ну, перестань, милый! Только я скажу тебе: чем вашему брату, молокососам, ездить лечиться за границу, не лучше ли бы было проживать лето на родине: и здоровье бы поправилось, и денег бы сберегли. В карты не будешь играть — поправишься, потому ешь, сколько хошь, спи и гуляй, сколько душе твоей угодно.

И я следовал этому совету: спал по два раза в сутки, вставая постоянно — утром в шесть часов, вечером в пять. После чаю, вечером, сядешь к окну и глядишь на улицу. Пусто на ней; изредка разве ссыльные прой-

дут, поглядывая на окна, поиграют ребята в лошади; у окон сидят женщины; они или тоже смотрят на противоположные окна противоположного дома, или что-то делают, склонивши головы к коленям. Но вот часов в семь-восемь проедет лошадь, запряженная в линейку; на линейке сидят дамы и мужчины или дети. Поклонятся они нам или своим знакомым, те спросят: «Катаетесь?» «Да», — ответит кто-нибудь из них и уедут. Через несколько минут опять они едут и еще проедут — шесть, семь раз.

— У нас только одна чистая улица, по ней и ездят. Катаются они еще потому, что дома скучно, и они ждут приглашения от нас, — объяснили мне должностные люди.

От скуки прохаживаются и должностные люди, но они останавливаются перед окнами товарища, стучат тросточками в стекла. Отворяет окно хозяйская дочка, красивая, здоровая девица.

— Дома? — спрашивают они.

— Спит.

— Экий черт! Скажите, что, мол, после зайдем.

От этой же скуки должностные люди почти каждый день ходят в гости, пьют водку и играют в карты по маленькой.

В десять часов еще тише. По улицам только караульные ребята ходят, да во дворах собаки лают. Но в четыре часа точно все умерло в городе: не лают собаки, спят караульные, ребята или женщины-старухи, сидя у калитки; на улицах решительно пусто; многие окна за-

крыты ставнями; тихо так, что крикни человек на одном краю города — во всем городе это будет слышно.

Знакомство свое я начал с учеников уездного училища.

— Что вас нынче постегивают?

— Славно стегают. Смотритель наш очень любит это ¹¹.

— А директор?

— Он сам приказывал, потому, говорит, розгами ребята лучше к зубрежке привыкнут.

— Он у нас сердитый: как начнет кричать — беда!.. Любит, чтобы ученики рассказывали так, чтобы не останавливаться. Если остановишься, он скажет, что ничего не знаешь.

— Он грамматику только, говорят, знает.

— Ну, а вы по окончании курса куда?

— Тятенька хочет в казначейство определить; там жалованья больше и доходов больше.

Перед окнами одного дома стоял заседатель уездного суда, про которого ходят слухи, что он всем судом ворочает и пьет водку мастерски.

— Так ты смотри же! пирога не сделаешь, купчую продержу год и больше, — говорил он человеку, сидевшему у окна в халате и с папироской.

— Пирог сделаю, а взятку не дам.

Ну, шалишь! Мы тебе такую закавычку
ввернем, что... — И он захохотал.

— Здравствуйте, г. литератор! — сказал он
мне. Мы поздоровались за руки.

— Что вы все дома сидите? Хоть бы за-
шли к нам, про вашу столицу рассказали, в
картишки поиграли...

— Покорно благодарю.

— Вы, поди, об нас там ковыряете... О, вы
опасный человек! Ну, а скоро ли гласный-то
суд будет? что там поговаривают?

— Говорят, в будущем году... Да ведь об
этом в газетах пишут: в «Биржевых», в «Се-
верной почте»...¹²

— Ну, я не люблю читать... А что вы ду-
маете об этом суде?

— Думаю, хорошее учреждение будет.

— Ну, я вам скажу: без нас, старых слу-
жак, такой выйдет кавардак, что и не говори.
Дойдет до того, что нас же и оставят; а мы
по-старому повернем... Только я никак не могу
понять, в чем тут суть?.. Да... да.

— Погонят уже вас метлой, — сказал че-
ловек из окна и захохотал.

— Ну, уж нас не погонят: мы люди заслу-
женные, наизусть все статьи знаем... Погонят
нас, и вас погонят, потому что наш суд —
первое место.

Мы разошлись. Пришел ко мне на квар-
тиру приятель Б.

— Ну, батенька, сбился я с этими чинов-
никами. Такой народ, что ужас. Представь
себе, что я требую от них объяснения, они
только хихикают да к себе в гости зовут. С од-

ним начал лично объясняться — куда! ничего не понимает... Прихожу в другой раз, кинжал точит. — На кого это? — спрашиваю. — Да, — говорит, — немец обидел меня, назвал солдатом... Я ему докажу, какой я солдат! Я, — говорит, — прежде литературой занимался, в Петербурге на углу *Большой Морской-Гороховой* и *Садовой* жил. Сколько я ни уверял его, что в Петербурге нет такой улицы и дома на таком углу, но он обругал меня и стал доказывать, что адмиралтейство стоит у московской железной дороги... Я вас познакомлю с здешним ученым ареопагом, т. е. с собранием, где толкуют о возвышенных предметах. Это такое собрание, какое вам и во сне не снилось.

Заинтересовался я этим и раз вечером пошел с Б. Он меня представил двум дамам, из которых одна была молодая, другая — лет под сорок. Разговаривали они свысока, вели себя очень развязно. Это были дамы, что называется, первый сорт. Кроме меня и Б., были у них еще двое мужчин из чиновного класса. Ну, думаю, с чего они начнут?

— Вы женаты-с? — спросила одна дама.

Я сказал.

— И дети есть? Извините за нескромность... Мы — провинциалы: житейским интересуемся... Вы, я думаю, скучаете?.. Ходите к нам... Здесь гадкое общество, никуда нельзя показаться, — на смех поднимут... Здесь страшные сплетники... Мы — прогрессисты, учеными предметами занимаемся. А вы у кого служите?

— То есть как? — спросил я даму.

В каком журнале?

— Занятие литературой не есть служба какому-нибудь частному лицу. Это занятие можно только назвать службой обществу.

— А ведь мы думали...

Завязался разговор о редакторах, сотрудниках, о плате за статьи. Дамы не имели никакого понятия об этом и думали, что все *сочинители* статские советники, а редакторы и издатели в самых высоких чинах.

Потом вдруг другая дама спросила меня:

— Как вы находите здешнее общество?

— Нахожу, что оно очень добродушное, хлебосольное.

— Ну, уж я от вас не ожидала этого.

Мы подошли к окну. На линейке приехало четыре дамы.

— Вы знаете, кто это? Это наши модницы в высшей степени, глупы до невероятности, горды, как никто... Ах, вы читали «Тысяча душ»? ¹³

— Читал.

— Превосходный роман; единственный во всем свете роман.

Я не спорил.

— Нет ли у вас Белинского? Все собираюсь читать; нигде нет... — Стали толковать о городских новостях. Одна женщина бросила мужа за то, что он пьяница, и ноет теперь от любви с одним господином, который, впрочем, называет себя прогрессистом и ученым. Он рекомендовал себя мне весьма оригинальным ученым: порол такой вздор, что я ничего

не понял, — и, наконец, остановился, подумал и спросил меня:

— Ах, да, о чем я говорил?

— Право, не знаю, — сказал я.

— Не желаете ли в картишки?

Я отказался.

— Вы, питерские, не играете в карты, а мы, с-кие, играем.

Начал я ходить к ним часто. Из приглядываний и из разговоров я пришел к тому заключению, что дамы — женщины порядочные, к ним ходят люди тоже порядочные, т. е. больше губернские чиновники, люди, считающие себя порядочными. Слово «прогрессист» попало к ним с известного времени и от молодых губернских чиновников. От бездействия им очень было скучно, и поэтому они, имея знакомых в губернском городе, постоянно приглашали к себе губернских чиновников, которые, разыгрывая здесь немаловажную роль, закидывали их разными новыми словами, — вроде «реалист»; но, собственно говоря, сами чиновники ни бельмеса не смыслили в учености и очень рады были провести время за водкой и картами, в обществе милых дам; а потом в губернском городе говорили про них разные нелепости, вроде того, что они достигли самых близких отношений с дамами.

Часто мы заговаривали об ученых предметах, после чего начинались сетования на скуку, жалобы на аристократов, гнушающихся ими. Затем садились за карты... Мне, впрочем, надоела эта ученая компания, потому, во-первых, что нужно было говорить с ними по-уче-

ному и в то же время слушать вздор, а во вторых, без водки ни одно посещение не заканчивалось. От этой ученой академии я узнал такое правило: если человек не играет в карты — он, значит, бедный и в то же время опасный человек; если человек не пьет водку, то, значит, пренебрегает людьми. Тут же обсуждался вопрос о том, кто благороднее: мужик или образованный? — и большинство голосов оставалось на том мнении, что образованный благороднее, а мужик тогда будет благородным, когда его назовут *коллежским регистратором*. Когда я заметил, что благородство состоит не в чине, то один старый человек, считающий себя президентом академии, потому что он рассуждал про литературу сороковых годов, возразил: «А разве коллежский регистратор должен марать себя ползаньем на коленях перед мужиком, когда мужик будет бить его за изнасилование его дочери?»

— Должен ползать.

— Кто об этом сочинил?

— Рассудок...

— Ах, вы, нигилистишки голоштанные!

Это вы потому так судите, что вам досадно, что вы чину не имеете. Мало вас секли! Гм! мужика на одну доску с коллежским регистратором ставят.

Ученые споры постоянно заканчивались или ссорами, или упреками; противники упрекали друг друга чем-нибудь, а после этого все расходились сердитые друг на друга.

Б. всегда хохотал над этой академией и

говорил мне, что дамы дурят. «Они любят общество и толкуют об ученых предметах, ничего не понимая. Они готовы подхватить всякое новое словцо для того, чтобы хвастаться, завлекать, нравиться приезжим чиновникам и прослыть за умных женщин. Но у них все-таки можно вздохнуть свободнее. Только для меня, — говорил он, — это знакомство не по нутру: вот уже целый год бьюсь с президентом — требую объяснения, а он поит водкой, в карты сажает играть, а заговоришь о деле, он захохочет и скажет: дело не собака, в лес не уйдет. Хочу отказаться — черт с ним!»

В городе же С. про этих людей ходят самые нелепые толки, вероятно потому, что они сами в гости не ходят ни к кому, кроме родни, и к себе с-цев не зовут¹⁴.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ОТ УРАЛА ДО МОСКВЫ

Путевые заметки

I

ЕКАТЕРИНБУРГ — ТАГИЛ

Мне случилось в последний раз безвыездно прожить в Екатеринбурге около четырех лет, в течение которых я настолько привык к этому городу и сроднился с ним, что минута расставания была более чем тяжела. Поезд отходит в 12 часов дня. В последний раз взглянув на картину города, как на ладони раскинувшегося на протяжении нескольких верст, я в сотый раз залюбовался этой великолепной панорамой домов, садов, церквей и точно гревшегося на солнышке Новодевичьего монастыря; что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось в этой картине города, с 30-тысячным населением, заброшенного на рубеж между Европой и Азией. Можно было различить с платформы вокзала некоторые выдававшиеся своей оригинальной красотой здания, например, знаменитый харитоновский дом с громадным садом, составляющий для Екатеринбурга нечто вроде акрополя или кремля. Дальше виднелись потонувшие в зелени садов палаты магнатов-золотопромышленников, заводчиков, именитого купечества и крупных деятелей по разным отраслям об-

рабатывающей и добывающей промышленности. Вообще среди русских городов по красоте своего местоположения Екатеринбург принадлежит не последнее место, если особенно обратить внимание на его живописные окрестности — Верх-Исетский завод, Уктус, Шарташское озеро. Нужно отметить еще тот многозначительный факт, что хотя Екатеринбург основан в 1722 году, но почти через 100 лет, именно в 1813 году, в нем считалось всего около четырех тысяч жителей (всех домов было 455; из них только 2 каменных), — следовательно, Екатеринбург в настоящем своем виде есть создание исключительно девятнадцатого века, как результат взаимодействия целой системы причин: развития горного дела, золотопромышленности, торговли, ремесел и т. д. Уральская железная дорога и проектированная Тюменская будут последним словом для Екатеринбурга; они дадут ему возможность развернуть свои производительные силы во всю ширину.

Вокзал был полон народа. Самое здание его устроено в русском вкусе и поражает своим величием, так что трудно даже сравнить московские, петербургские и нижегородские вокзалы с этим произведением г. Губоцина: низкие своды, вычурные колонны, высокие коньки, массивная дубовая мебель — словом, все на широкую ногу. Господа строители Уральской дороги, кажется, задались специальной целью поразить нас контрастом сравнительно с убожеством станционных домов блаженной памяти Сибирского тракта,

воню и грязью постоянных дворов и номеров для гг. проезжающих; но они, кажется, пере-солили, потому что мы, пожалуй, и не оценим хорошенько всей роскоши игрушек-вокзалов, красивых станций, цветников, фонтанов и прочих затей, особенно принимая во внимание те дефициты, которыми уже успела подарить нас Уральская дорога в первые же годы своего существования. Конечно, нельзя не согласиться, что тепло и уютно живетесь разным железнодорожным инженерам, управляющим, начальникам станций и т. д., но кто же будет покрывать дефициты Уральской дороги? Полумиллионная субсидия, в которой нуждается, по газетным известиям, Уральская дорога для покрытия своих передержек и недодержек, должна тяжело отозваться не только на бюджете министерства путей сообщения, но и в общем государственном приходе-расходе.

Собравшаяся на вокзале толпа представляла из себя самую пеструю картину: были тут и горные инженеры, и адвокаты, и тузы-золотопромышленники, и купцы, и студенты — всякого жита по лопате. В одном углу, как пчелы, облепили отъезжавшего артиста дамы и девицы; в другом сбились в кучу ехавшие с Крестовской ярмарки казанские татары. Походив несколько минут среди этой жужжавшей и волновавшейся толпы, я поскорее прошел в вагон третьего класса, чтобы занять место у окошечка.

— А вот отличное местечко, — проговорил высокий старик с жиденькой русой бородой, указывая на свободную скамью против себя.

Я поместился у окна и от нечего делать принялся рассматривать бродившую по платформе публику. Какой-то толстый красный господин в маленькой круглой шапочке торопливо бежал маленькими шажками вдоль линии вагонов, за ним на приличном расстоянии без шапок, как тени, безмолвно следовали двое железнодорожных служителей, предупреждая малейшее его желание, угадывая каждый жест. Меня заинтересовала эта характерная группа.

— Это золотопромышленник Б., — объяснил мой сосед. — Вишь, как за ним ухаживает прислуга-то... Точно за кладом каким ходят. Ах, господи, господи! Что деньги-то, подумаешь, делают... А год назад, тот же Б. идет по платформе, так никто и не замечает, а которые приятели были, так те еще в сторону норовят.

— Почему так?

— Самое простое дело: тогда Б. был банкрот, а теперь Б. скоро в миллион влезет. Именно можно сказать, что господь испытал его, как Иова: все отнял и возвратил сторицею. У него прииски под Кушвой, и такое золото идет, такое золото! По пуду в неделю намывает... Только, чтобы добраться до него, Б. по уши влез в долги, бился три года, а напоследок, пожалуй, и трех рублей задумывался где достать. А золота все нет как нет: шахту за шахтой бьет, паровыми машинами воду откачивает — нет золота, и кончено. Доведись до всякого другого — давно бы плюнул на все дело, а Б. все работает. И что бы вы

думали? Из точки в точку, когда уж и работать больше нечем, и занять негде — вдруг кварцевая россыпь, а в ней золото так гнездами и насыпано. Чем дальше, тем больше. В один год Б. пятьсот тысяч долгу заплатил, а другие пятьсот в карман себе положил... Посмотрите, вон он по трехрублевой бумажке прислугам дает. Уж они его и знают же... Ведь простые мужики-с, а как то есть скоро в понятие входят, особливо по части денег: по духу слышат, у кого радуга в кармане заведется.

Когда поезд двинулся, мой спутник с каким-то умилением воскликнул:

— Ах, господи, господи! Этакая красота... Ведь этаких городов поискать-с...

Действительно, Екатеринбург в последний раз мелькнул перед нами во всей своей красоте, утопая в мягком золотистом свете осеннего солнца. Скоро по сторонам дороги замелькали телеграфные столбы, сторожевые будки и редкий сосновый лесок, каким-то чудом сохранившийся здесь. Поезд с подавленным грохотом и монотонным постукиванием мчался по низкой равнине; на западе едва виднелись неясные силуэты Уральских гор. Промелькнула красивым извивом р. Исеть, на которой построен Екатеринбург; вдали блеснуло на солнце большое озеро. Близость Урала чувствовалась во всем; но особенно резко проявлялась она в характере лесных пород: сосна быстро исчезала, уступая место траурным еловым лесам, пихтам и рябине. Екатеринбург составляет вообще самую резкую кли-

матическую границу: на запад от него идет угрюмая неприветливая северная природа — почва глиниста, песчана или камениста, попадает много болот и озер, хвойный лес господствует; на восток, всего на расстоянии нескольких верст, все кругом носит на себе совершенно другой характер — почва представляет из себя богатейший чернозем, о болотах и словых лесах нет и помину, кругом веселые сосновые боры, липа, береза и бесконечные пашни. «Точно ножом отрезало», — говорит народ.

— Не хотите ли шишечкой побаловаться, — предложил мне мой сосед. — Нынче им урожай — страсть... А позвольте узнать, вы до каких местов?

Я назвал конечный пункт своего путешествия.

— Так-с, — пытливо глядя на меня небольшими серыми глазами, проговорил мой сосед. — Далеконько... Конечно, по железной дороге это пустыки, а по-пешему очень далеко.

Мы молча несколько времени щелкали кедровые орехи; старик смотрел на меня пытливо и недоверчиво. Его, очевидно, занимала мысль о том, зачем я мог ехать так далеко, то есть в Москву, но предложить вопрос прямо он стеснялся.

— Это прежде от нас Москва действительно далеко была, — заговорил он после небольшой паузы: — а ныне что: пять ден проехал, и конец. Это мы так прежде до Перми езжали. Да нынче и между городами разницы, почитай, совсем нет, так разве, самая ма-

лость. А все это железные дороги, да пароходы, да телеграфы... Ей-богу! Возьмите наш Екатеринбург, что мы в нем прежде жили: как в лесу, и конец делу. А нынче, брат, не то... Не-ет! Не те времена: пожалуй, что Москва, что Екатеринбург — порядки одни; как и жить будем — одному царю небесному известно. Прежде, тридцать лет назад, мука ржаная стоила двугривенный или пятиалтынный за пуд, овес — 10—12 копеек, говядина 1 1/2 копейки фунт, дрова 50 копеек сажень, а нынче: овес 1 р. за пуд, мучка 1 р. 20 к., говядина 8 к. фунтик, дровца 4 рублика саженка. Как эту железную дорогу к нам подвели — шабан, как топором отрубили старое. Да-с.

Старик замолчал и весь углубился в процесс баловства орехами.

— Зато другие товары подешевели, — заговорил я. — Проезд дешевле.

— А скажите, пожалуйста, какие это такие товары подешевели? — прищуривая глаза, с затаенной злобой спрашивал старик. — Это мы тогда, когда еще дорогу строили нам, радовались по нашему малодушеству: ситец будет дешевле, сахар, галантерейный товар... И точно, на копейчку с рубля подешевело кое-что, ну, фрухту навезли, а все прочее вдвое подорожало. Даже не смотрел бы... Вот шишечек господь уродил — я и рад: и дешево, и любопытно. Только и осталось у нас что шишечки, а все прочее, как вода, ушло. Точно плотину прорвало. А что будет, спрошу я вас, когда дорогу на Тюмень проведут? Мы преж-

де, когда помоложе были, все, бывало, над стариками смеялись, что они, значит, о последних временах рассказывали... А теперь выходит так, что старики-то, пожалуй, правду говорили. Да-с. Взять хотя нынешнее лето: урожай по нашим местам неслыханный, рожь, или овес, или пшеница так и стоит тын-тынном. Август стоял теплый, сухой, значит, хлеб отлично собрали. Хорошо. По-прежнему сейчас цена к половине августа, глядишь, и спадет, а нынче она еще в гору лезет... Вот тебе и урожай! Ну, как нам быть? Мужику, который пашней занимается, жить еще можно, а как будет жить заводский рабочий, мелкие чиновники, мещане: цена на все вдвое, а заработки те же. Нет, не глядел бы...

— Все-таки нынче народу больше в Екатеринбурге, чем прежде. Торговля бойко идет, промышленность.

— Пустое, — перебил меня старик с резким жестом. — Кто торгует? Кто наживается? Кто богатеет?.. Допреж того жили мы действительно потише, озорства этого не было, ну и, главное, все свой народ. Некоторые богатели, особливо кто золотом занимался или откупами... Только и богатели, и жили не понынешнему: ежели господь послал кому богатство, так оно из роду в род так и идет. Примерно, были у нас первые богачи: Зотовы, Харитоновы, Рязановы, Казанцевы, потом горные инженеры *светло* жили, а что прочие — все тихо. А теперь что пошло: другому вся цена два с полтиной, а он, глядишь, торговые бани открыл, али гостиницу с арфистками,

ссудную кассу — и пошел метать! Можно сказать, из грязи в золото лезут, не говоря уже, ежели кто водкой занимается. Это свои-то, а что чужестранного народу у нас живет: и евреи, и поляки, и немцы... Все так и рвут! Теперь вот хлеб взять... От одного нашего хлеба сколько они урвут. Так партиями и валят нашу пшеничку. У меня есть один знакомый мучник, так тоже с'ничего пошел, а теперь тысячами ворочает. Пьем как-то в трактире чай, болтаем, а он мне: «В прошлом году, говорит, под Петропавловском партийку пшеницы купил в 30 000 мешков, только она у меня лето и пролежала, а дело идет к осени. Думаю, спадет цена, — взял, да в Нижний и послал поверенного, по 9 рубликов и спустил всю партию. Ну, тысяч пять-шесть нажил. Только проходит две недели, а пшеничка вместо того, чтобы подешеветь, — на 11 рубликов заехала. Обожди, говорит, я эти две недели, за здорово живешь и положил бы шестьдесят тысяч в карман»... Смеется, рассказывает, точно шестьдесят орехов. Вот какие у нас дела нынче! Кто с умом — все на ноги встали, все в гору пошли. Уж на что ровно распоследнее дело — карты, а и картами живут, да еще как живут: дома имеют, на парах катаются, по пяти наложниц держат. Теперь рассудите: это ли не последние времена? А малодушие какое в народе относительно веры? Прежде староверы крепко держались древнего благочестия, а нынче и промежду староверами-то раскол пошел: что ни дом, то и своя вера. Одни австрицкого согла-

сия, другие — беспоповщины, третьи — часовенные, потом: поморцы, хлысты, пахтеи. Охо-хо, господи, господи! А что дальше-то будет? Не угодно ли еще шишечку?

Вообще мой спутник оказался очень разговорчивым стариком и в течение двух часов пути успел рассказать не только всю подноготную о себе, но успел по пути расспросить и меня: кто я, куда и зачем еду? Последнее было сделано таким безобидным образом и с таким детски-наивным любопытством, что, казалось, мы были знакомы десять лет. Старик оказался торговцем «в железном ряду» и ехал в Тагил купить партию железа. Расспросив меня подробно о всем, старик прибавил:

— Вот вы все так-то: пожили у нас годика три, а потом и поехали на другое место. Все равно, вы уж меня извините, как блоха: села на руку, поела и марш дальше. Вот вам и кажется все не так, как нам. Вам, может, оно и любопытно и приятно, а нам оно вот куда заехало (старик показал на свой короткий затылок). Да-с. А вот спросите его, как вот он живет?..

Наискось от нас, на одной скамье сидели двое мужчин: старик в поношенном коричневом халате с широким воротником (великороссийского покроя) и в рваной высокой триповой шапке; рядом с ним сидел молодой фабричный в казинетовом пиджаке¹, в заношенной ситцевой рубашке и в сукошной фуражке. Старик, особенно рядом с молодым фабричным, поражал всей своей фигурой чисто славянского, великорусского типа, открытым,

полным мысли и движения лицом, благообразной сединой, представлявшей рядом с убожеством наряда и неизгладимой печатью трудовой жизни в каждом движении, в каждом взгляде — поразительную картину. Это было исторически сложившееся, всевыносящее терпение, дошедшее под серебром седин до своего апогея. Каким-то философским спокойствием веяло от этой патриархальной фигуры. Если бы я был скульптором, лучшей модели для статуи русского пахаря я не пожелал бы: эта впалая широкая грудь, эти жилистые сильные, не знавшие устали руки, это удивительное лицо — все говорило само за себя. Мастеровой, тщедушная испитая фигура которого рядом со стариком казалась просто жалкой, был другим, еще находящимся *in statu nascendi** своей кристаллизации, типом русской истории. Испитое зеленое лицо, кривые ноги, узкая грудь и общий болезненный *habitus*** свидетельствовали красноречиво о работе с раннего детства где-нибудь в запертом помещении, о вечном проголодьи и, быть может, в кутежах с товарищами на последний грош. Я давно наблюдал эту интересную группу; когда мой собеседник ткнул пальцем на фабричного, я вполне понял этот жест.

— Нет, вы спросите его, как он живет, — продолжал мой собеседник. — Я вот вижу его в первый раз, а вперед скажу: кто он, куда идет и зачем? Вы думаете, что это заводский

---

* в момент зарождения (*лат.*).

** общее физическое строение (*лат.*).

фабричный, ан нет: посмотрите, какое у него лицо зеленое, глаза красные. Это — рабочий из Мраморского завода, — хоть спросите. А рядом с ним сидит кто?

— Переселенец.

— А зачем он обратно едет в свою «Россию», на осень глядя? Не знаете? А я вам все как по пальцам расскажу: это ходок от какого-нибудь села. Он ездил в Томскую губернию осматривать места, а на будущий год выведет за собой целую партию. Ох, много их, сердечных, прошло нынешним летом через Екатеринбург. Смотреть-то на них — так тошно даже; истинно сказать, голь перекатная, лыком подпоясанная. Да вот, мы их сейчас спросим.

Мой собеседник подсел на лавочку к старику и начал свой допрос. Действительно, старик оказался ходоком из Орловской губернии и возвращался из-под Томска от «наших»; до Екатеринбурга шестьсот верст шел пешком две недели, конечно, христовым именем, а на дорогу до Перми половину денег собрал в Екатеринбурге по грошику. Мастеровой оказался рабочим из Мраморского завода.

— От хозяина едете? — допрашивал рабочего мой собеседник.

— От хозяина... — вяло и апатично отвечал парень.

— Видно, насчет памятника пронюхали?

— Да...

Так-с. От кого едете: от Ивана Яковлевича?

— От него...

— Гм... Плохо дело. Подвел он вам все животы.

— Уж так подвел, так подвел, — неожиданно оживившись, заговорил рабочий. — Все у него, как рыба в неводу... Платышко какое у кого есть — от него, харч — от него, и все под книжку. То есть эти самые книжки для нас...

Рабочий только сплюнул на сторону и, бессильно махнув рукой, болезненно съсжился в своем углу. Только одни впалые черные глаза светились лихорадочным взглядом.

— Как по писаному все вам рассказал, из точки в точку, — не без самодовольства говорил мой собеседник, усаживаясь на прежнее место. — Про этих мраморских даже смешно и рассказывать. Так уж от бога они какие-то несчастные!

История Мраморского завода, который находится от Екатеринбурга верстах в тридцати, настолько замечательна, что я позволю остановиться на ней несколько подробнее. До 1858 г. в Мраморском заводе существовала казенная гранильная фабрика, которая производила выделку разных вещей из мрамора. Мраморные ломки находились недалеко от завода и принадлежали Кабинету². С закрытием гранильной фабрики все население, около 250 душ, принуждено было обратиться к кустарному производству и существовать исключительно одними частными заказами. Но дело в том, что заказчики обыкновенно живут в Екатеринбурге или только приезжают

туда, так что мраморские кустари получают работу не непосредственно, а через подрядчиков, живущих в Екатеринбурге. Таким образом, силою вещей мраморские каменные мастера очутились в лапах трех-четырех купеческих фирм. Вам нужно, например, заказать памятник. Вы приезжаете, конечно, в Екатеринбург как центр торговли каменными вещами и обращаетесь к одному из торговцев мраморными изделиями, где можете получить совсем готовую вещь или сделать заказ. Если бы вы поехали в Мраморский завод, то и там не миновали бы рук все сильного Ивана Яковлича, потому что, раз, — даже для выполнения самого выгодного заказа мраморскому кустарю, выражаясь технически, *нечем взяться*, то есть у него нет мрамора и нет «харчу» на время выполнения заказа (за тем и за другим кустарь должен обратиться к тому же Ивану Яковличу); второе — даже самый самостоятельный кустарь побоится конкурировать с Иваном Яковлевичем и навлекать на себя его неудовольствие из-за одного заказа, тогда как Иван Яковлевич всегда может пустить его по миру. Екатеринбургские купцы в случае особенно ценных заказов имеют дело опять-таки не с каменными мастерами, а с Иваном Яковлевичем, так что работа, прежде чем дойдет до кустаря, пройдет через двой руки. Понятно само собой, что в результате такого порядка вещей получается полное разорение мраморских рабочих, и они сделались на весь уезд притчей во языцех. Это самый живой и убедительный пример возмож-

ности русского пролетариата (на все население Мраморского завода отведено 26 десятин 1011 кв. сажен выгона и 177 десятин покосной земли). Интереснее всего то обстоятельство, что поистине вопиющее положение мраморских рабочих до сих пор не обратило на себя ничьего благосклонного внимания, хотя в Екатеринбурге существует *главный горный начальник* и уездное земское собрание. Мы полагаем, что бедственное положение мраморских рабочих вполне входит в рамку деятельности упомянутых административных единиц.

Меня давно интересовала судьба мраморских рабочих, и потому я поспешил воспользоваться словоохотливостью моего собеседника, который не заставил себя просить.

— Чего тут не знать — известное дело, — заговорил мой собеседник. — Я расскажу вам такой случай: одному тюменскому купцу нужен был памятник. Купец приехал в Екатеринбург, потолкался по каменным лавкам и отдал заказ торговцу каменными вещами Т-ву. Сошлись на 1700 рублей. Т-в вызывает из Мраморского завода Ивана Яковлича и передает ему весь заказ уже от себя за 400 рублей, а Иван Яковлич по мелочам раздает его рабочим. Понимаете? У Т-ва за здорово живешь осталось в кармане 1300 рублей, да Иван Яковлич утянет из 400 рублей половинку, а весь памятник рабочие и сделают за 200 рублей. Да еще Иван Яковлич деньгами-то не заплатит, а рассчитается харчем, одеждой, спишет в долг... И тут ему перепадет малую толику, потому что цены на все против

екатеринбургских Иван Яковлич ставит вдвое*.

— Вы цените работу, но ведь мрамор тоже стоит чего-нибудь, — заметил я.

— Для рабочего стоит даже очень дорого, особенно если белый мрамор, а Ивану Яковличу он ничего не стоит... Разве провоз что обойдется...

— Как так?

— Самое простое дело. Плохие сорта мрамора можно было добывать везде, а белый и голубой мрамор находится только в Гумешевской даче, которая принадлежала Кабинету. Ныне она отошла к Ревдинским заводам, кажется. Гумешевской дачей управляла екатеринбургская гранильная фабрика. Теперь, рабочим нужен мрамор, а разве казна будет его продавать, — ни под каким видом! Как делу быть? Тут и устраивали один фортель... Ха-ха! Грех и смех! Видите ли, гранильная екатеринбургская фабрика ежегодно была обязана представить в С.-Петербург к высочайшему двору сто яиц из белого мрамора. Вот о великом посте, по последнему пути, Иван Яковлич и ждет, когда гранильная фабрика вы-

---

* Последнее может показаться голословным, поэтому привожу слова официального источника, именно, в описании Мраморского завода, помещенном в Памятной книжке Пермской губернии 1880 г., издание Пермского статистического комитета, сказано (стр. 90-я): «В окрестных местностях цена на ржаную муку стояла летом 1872 г. 35—40 копеек за пуд, а в Мраморском заводе подрядчики ставили ее рабочим в 75—80 копеек». (Примеч. авт.).

даст позволение на добычу нужного мрамора в Гумешевской даче. У самого уж давно все готово. Как только позволение получено, сейчас весь завод на дачу, да в день-то и выворотят мрамору несколько тысяч пудов. А сто ячек своим чередом будут готовы. Теперь и выходит такая штука: у рабочих мрамора нет, а у Ивана Яковлича горы. Рабочие же от него и покупают.

— А что же смотрела екатеринбургская гранильная фабрика?

— Как вам сказать: как не смотреть, — смотрели, даже обыски делали насчет мрамору. Только тут все шито и крыто... Ведь, во-первых, и Иван Яковлич не прост: взял да весь мрамор к себе и притащил... Тут бы его и накрыли, голубчика! Не-ет... Иван Яковлич весь этот мрамор по лесу спрячет: в ямах, под дерном — поди ищи.

— Неужели один Иван Яковлич только и есть в Мраморском заводе?

— Нет, зачем же. Есть и другие, только те помельче. Теперь какое дело выходит: умирает богатый человек в Екатеринбурге, сейчас его будут хоронить, звон на церкви. А у Ивана Яковлича в городе уже свой корреспондент живет, который обязан по этому звону в церковь бежать. И у других такие же корреспонденты заведены. Теперь принесли покойника в церковь, по дороге хвоя разбросана, вот корреспондент сейчас по хвое и идет, где умер покойник. Только сейчас в дом ему идти нельзя, потому поминки, сутолока, пожалуй, и в шею... Другой раз по хвое-то корреспондента

три придут. Вот они друг дружку и обманывают: возьмет соберет хвою-то от дома, где, значит, поминки, да к другому дому и подбросит, а сам на другой день заказ получит. Так и отводят глаза один другому. Да вот, спросите его (мой собеседник указал на мраморского рабочего), он тоже корреспондентом едет от Ивана Яковлича в Тагил. Верно я говорю?

— Верно, — подтвердил рабочий, раскуривая крючок. — Все верно рассказываешь...

— И относительно яиц?

— И об яйцах верно.

Мы с намерением остановились особенно подробно на Мраморском заводе, чтобы показать, какую для себя почву встретит профессиональное образование на Урале. Кстати, упомянув о профессиональном образовании, мы не можем не остановиться на его истории на Урале — очень печальной истории, но все-таки истории, — ибо история поучительна: прошедшее чревато будущим. Петр Великий, насаждая горное дело на Урале, прежде всего заботился о распространении специального образования. Памятником этих усилий служили штейгерские школы и нынешнее уральское училище, которое влачит свое существование в Екатеринбурге и до днесь. Затем мы видим широкий период времени — от Петра до наших дней, на расстоянии почти 200 лет, в течение которого дело образования в смысле профессиональном так и осталось в зачаточном состоянии. Образовалась на Урале масса горных заводов (с производительностью, на-

пример, для одной Пермской губернии в 50 миллионов ежегодно), развились, усовершенствовались и встали на прочную почву промыслы — соляной, золотой, винокуренный, кожевенный и т. д., — и что же мы видим — на необъятном пространстве, например Пермской губернии, где природа с безумной щедростью рассыпала свои дары! Через 200 лет после Петра Великого мы видим всего-навсего жалких три специальных училища: Уральское горное училище в Екатеринбурге (говорят о его преобразовании), Демидовское реальное училище в Нижнетагильском заводе (даже ничего и не говорят о каком-нибудь преобразовании, вероятно, ввиду отчаянного положения дел) и открытое в 1877 году в гор. Кунгуре на средства купца Губкина техническое училище (стоит Губкину 800 000 рублей, но, как рассказывают, идет плохо). Насколько мы отстали от взглядов Петра, ставившего во всякой отрасли промышленности специальное образование альфой и омегой, показывает следующий факт: в Екатеринбурге несколько лет тому назад было открыто при местном детском приюте на средства земства, ассигновавшего ежегодно 1200 рублей, ремесленное училище, надзор за которым был поручен существовавшему в Екатеринбурге отделению императорского русского технического общества. Проходит несколько лет. Земство ассигнует и ежегодно выдает деньги. В сессию 1878 года на земском собрании кем-то из гласных был поднят вопрос о неудовлетворительном состоянии содержимого земством ремесленного учи-

лица. Вспомнили, конечно, что училище было поручено вниманию отделения технического общества, и, понятное дело, пожелали иметь мнение или отзыв по этому делу от кого-нибудь из членов этого ученого общества. Каково же было всеобщее удивление, когда после долгих справок и поисков ученое общество оказалось несуществующим, или, как доказывал один из гласных: «оно существует потому, что есть председатель...» Трудно представить себе что-нибудь курьезнее этого ученого общества без членов, с одним председателем. Воля ваша, господа уральские техники, подобные *случаи* относятся не к истории горного хозяйства на Урале, а во всей своей неприкосновенности входят в область оффенбаховских опереток!

Когда на первом съезде уральских горнозаводчиков в 1880 г. одним из членов съезда был возбужден вопрос о необходимости преобразования уральского училища, председатель съезда, он же и главный горный начальник, заявил прямо, что рассуждать об этом съезду бесполезно, потому что вопрос о преобразовании училища уже поднят и разрабатывается в соответствующем министерстве. Это, в связи с горестной судьбой екатеринбургского ремесленного училища, ясно показывает, что ждать чего-нибудь от горных заводов, то есть от их владельцев, поверенных, управляющих, ученых инженеров и прочей власть имеющей братии бесполезно; эти умные головы, поставленные на страже интересов уральского горного хозяйства, публично

умывают руки во всем, что касается интересов технического специального образования.

Итак, резюмируя все сказанное, мы неизбежно должны прийти к тому печальному заключению, что профессиональное образование не только не встретит поддержки или сочувствия, но, как семя, брошенное на каменистую почву, в буквальном и переносном смысле, должно заглухнуть. Это одна сторона медали; но, положим, что случится наоборот — чего на свете не бывает — профессиональные школы пойдут в ход, явятся подвижные музеи прикладных знаний и, даже предположим, что в Екатеринбурге будет основана постоянная художественно-промышленная выставка, где бы рабочие даром могли учиться новым приемам производства, изучать образцы, устраивать рисунок — что отсюда может впоследствии, читатель сам сообразит, припомнив все сказанное нами о Мраморском заводе. Следовательно, профессиональное образование, отличная вещь само по себе, должно лицом к лицу встретиться с глухой стеной в лице Иванов Яковличей и *tutti quanti** с их корреспондентами, и, конечно, рабочий ничего не выиграет, если самые условия его труда не изменятся.

Какой же выход из этого заколдованного круга?

Выход есть, он у нас на глазах... Мы отлично помним то недавнее время, когда еще

---

* им подобных (*лит.*).

только был поднят вопрос о ссудосберегательных товариществах и потребительских артелях, и, как это всегда бывает, новое дело вызвало много голосов против себя, как несбыточная мечта, химера и несомненное коварство запада; но в настоящую минуту мы с особенным удовольствием можем констатировать тот отрадный факт, что ссудосберегательные товарищества и потребительские артели — уже сама действительность: они не только прочно утвердились и пустили на Урале глубокие корни, но с каждым годом развивают свои операции все шире и шире и увеличиваются в числе. Мы можем указать на пример заводов гр. Строганова и Демидова, и только недостаток места не позволяет нам привести подробные цифры, чтобы осветить картину этих учреждений, целою сетью раскинувшихся по твердыням Урала. От ссудосберегательных товариществ и потребительских артелей — только один шаг до артельного производства и артельных лавок. Следовательно, если совместно с развитием профессионального образования на Урале рука об руку пойдет развитие ссудосберегательных товариществ, потребительных и производительных артелей и артельных лавок, тогда будут немислимы факты вроде Мраморского завода, где почти 300 душ работает на десяток купцов. Ведь подобное положение хуже всякого крепостного права, и в недалеком будущем грозит создать настоящий пролетариат со всеми его ужасами.

От станции Верх-Нейвинск начинается постепенный подъем на главную массу Уральских гор. По сторонам дороги попадаются крутые лесистые горки, а налево уже виднеются неясные силуэты того горного узла, который образует недалеко от Тагила известная здесь Белая гора. Около самой дороги во многих местах стоит обгорелый лес, — это остатки от летних пожаров, бывших почти на протяжении всей линии дороги. Подъезжая к станции Рудянка, я заметил по сторонам дороги, около завода, пруд и по течению выбегавшей из него речки отдельные группы рабочих, промывавших золото.

— Все старатели, — объяснил мне мой спутник. — По золоту едем...

Промывка золота совершалась самым первобытным способом: на берегу стоит деревянная площадка с чугунной продырявленной доской наверху (вашгерд), к ней проведена по канавке вода или накачивается при помощи ручной водокачки. Золотоносные пески подвозят к площадке на тачке или на рудниковой таратайке, сваливают на чугунную доску, пускают на песок струю воды и начинают растирать пески железными лопаточками. Вода уносит частицы глины и мелкий песок, крупные гальки сбрасываются, а золото падает через отверстие чугунной доски на деревянную площадку, где его уже и «доводят», то есть окончательно отделяют при помощи щетки от песку и шлихов. Такую работу мо-

гут производить, смотря по обстоятельствам, от одного до десяти человек на площадке. Обыкновенно эта работа выгоднее всего производится семьями: пески добывают мужчины, подвозят их на лошадях мальчики, а растирают на вашгерде женщины. Этот семейный характер старательских работ придает прииску самый мирный и оживленный характер, так что издали можно просто любоваться.

Мы еще будем иметь случай говорить подробно о старательских работах.

От Рудянки рукой подать до Невьянского завода, который известен у простого народа под именем Старого завода. Действительно, это старейший из уральских заводов. Первый чугун из невянской домны получен 15-го декабря 1701 г., а первое железо 8-го января 1702 г.; в 1702 г., 12-го мая, этот завод из казенного владения был передан верхнетурским воеводой Никите Демидову, родоначальнику нынешнего владельца тагильских заводов князя Сан-Донато. Таким образом, Невьянский завод является колыбелью всех зауральских заводов. Со станции железной дороги видна старинная покосившаяся башня, построенная еще знаменитым Акинфием Демидовым; по сохранившемуся преданию, из этой башни подземная галерея ведет в господский дом. Когда Акинфий Демидов открыл Колыванские прииски и первое время добывал серебро и золото без дозволения правительства, эта галерея, по рассказам, служила ему отличным средством скрыть многое, чего не должны были видеть государевы очи. В настоящее время Невьян-

ский завод пользуется на Урале очень плохой репутацией и больше известен тем, что самое существование его висит на волоске. Все, что можно было сжечь, Невьянский завод сжег и в настоящее время, только благодаря милости правительства, пользуется топливом из лесной дачи упраздненного в Екатеринбурге Монетного двора. Из всех лесных богатств, которыми когда-то славился Урал, сохранилась одна Монетная дача, служащая в настоящую минуту самым лакомым куском и яблоком раздора для многих уральских заводов. Если теперь разобрать основательно все вопросы, которые были подняты и разработаны первым съездом уральских горнозаводчиков, то, отбрасывая все несущественное, служившее для отвода глаз, в результате останется одно благочестивое желание во что бы то ни стало прикарманить Монетную дачу. Интереснее всего то, что, когда зашел вопрос о причинах истребления невяньских лесов, г. Котляревский, горный инженер и управитель одного из лучших заводов на Урале, не постыдился заявить, что невяньские леса истреблены... кем бы вы думали? *невьяньскими сундучниками*. Вот уж, поистине сказать, попал пальцем в небо, как тот мельник, который обвинял куриц, выпивших целый пруд.

II ТАГИЛ

Поезд медленно подходил к Тагилу, который широкой картиной развернулся у самого подножия Урала, как самое близкое и самое

дорогое его каменному сердцу дитя. С левой стороны от дороги тяжелыми силуэтами громоздились все знакомые горы: Белая, Острый Камень, Старик, Шайтан, Веселые горы; направо от Тагила одиноким пиком высился Медведь-Камень. В самом центре Тагила, на берегу пруда, стоит высокая Лисья гора с башенкой наверху: у ее подножия чернеют здания заводской фабрики, высокие черные трубы, доменные печи и угольные валы. Громадный заводской пруд со всех сторон обошли опрятные домики рабочих; кое-где мелькают белые каменные дома и зеленые крыши «богатых мужиков». Из этой пестрой массы заводских строений резко выделяется здание главного управления Нижнетагильских заводов. Несколько богатых церквей дополняют эту картину; из них особого внимания заслуживает церковь, построенная в память освобождения крестьян. На заднем плане виднеется знаменитая Высокая, или Магнитная гора, которая ежегодно даст до 6 миллионов пудов железной руды. В двух шагах от нее видны трубы не менее знаменитого Медного рудника, который ежегодно даст до 2¹/₂ миллионов пудов медной руды и, кроме того, служит едва ли не единственным местонахождением малахита. С именем Урала неразрывно связано представление о малахитовых изделиях, которыми щеголяют русские выставки и магазины; человек неопытный может подумать, что малахит на Урале валяется, как булыжник, а между тем добыча малахита производится в самых незначительных размерах,

как побочного продукта при добывании медных руд, и притом на страшной глубине — 80 саженей.

Самый лучший вид на Тагил открывается с Лисьей горы. Вообще окрестности Тагила принадлежат к самым живописным во всем Среднем Урале, а виды с Белой горы и Медведя-Камня замечательны по своей красоте. Можно удивляться, что наши русские художники так упорно обходят Урал, предпочитая ему южное море, уголки благословенного юга, Кавказ и Финляндию. Правда, несколько лет тому назад на Урал приезжал профессор Верещагин (не В. В. Верещагин, автор туркестанских видов и картин из последней восточной войны). Мне случилось видеть в Петербурге на выставке его виды Урала, но что это было: были рамы, было намалеванное полотно, на полотне красовалось имя профессора Верещагина³, и только Урала не было... Впрочем, профессор, кажется, и не затруднял себя поездками в горы; а в лучшем месте реки Чусовой, где она течет среди великолесных скал и утесов, именно между Межевой Уткой и Кыновским заводом, он и совсем не был. Таким образом, Урал еще ждет своего художника, который воспроизведет на полотне его оригинальные, полные своеобразной прелести и суровой поэзии красоты: кто раз видал, тот никогда не забудет чудные уральские ночи с их глубоким голубым небом, на котором лихорадочным светом горят серебряные звезды, точно в прозрачном воздухе высоко стоит алмазная пыль; живописные лесные ландшафты

иде-нибудь на дне глубокого лога или на шихане*; горные озера и реки.

Глядя на картину Тагила, мне каждый раз приходила в голову мысль, что, вероятно, уже недалеко то время, когда этот завод сделается русским Бирмингамом и, при дружном содействии других уральских заводов, не только вытеснит с русских рынков привозное железо до последнего фунта, но еще вступит в промышленную борьбу на всемирном рынке с английскими и американскими заводами. Еще Петр Великий сказал про Тагильские заводы: «А те заводы у таких построены добрых руд, каких во всей вселенной лучше быть невозможно; а при них такие воды, леса, земли, хлеба, живности всякие, что ни в чем скудности быть не мочно». Притом русское правительство со времен Петра потратило столько средств на насаждение горного дела на Урале; русский народ так много переплачивает за каждый гвоздь благодаря запретительному тарифу; наконец, мы видим такие трогательные усилия со стороны разных министров, горной братии, ученых инжснеров, знатных иностранцев, — видим целые горы исписанной бумаги. Можно же после всего этого надеяться, что вырастет, наконец, это излюбленное государственное дитя, которое ведут на помочах и кормят с ложки жеваным хлебом в течение двухсот лет. [...]

---

* Шиханами на Урале называют скалы, которыми увенчиваются вершины самых высоких гор, как, например, Белая, Медведь-Камень, Старик. (Примеч. авт.).

Самым крупным и без сомнения самым выдающимся моментом в жизни Тагильских заводов является 19 февраля, когда эти заводы с дарового крепостного труда должны были перейти на вольный труд за известную плату. Нужно отдать полную справедливость заводам, что они с честью вышли из своего критического положения, и дивидент владельца не пострадал при новом порядке вещей. С этого же момента Тагильские заводы делаются ареной, на которую силою обстоятельств разом была выдвинута целая серия самых жгучих вопросов. Первой крупной страницей в новой жизни заводов является вопрос об уставной грамоте, которая служит яблоком раздора между заводоуправлением, с одной стороны, и населением, с другой. Кем составлена эта грамота — неизвестно, но она смело может войти в историю как незабвенный памятник изворотливости человеческой мысли. И с юридической и даже с художественной точки зрения редакция уставной грамоты не заставляет желать ничего лучшего. Мы остановимся на ней.

По закону, горнозаводское население делится на два разряда: с одной стороны, мастеровые, с другой — сельские работники. Разница между этими разрядами заключается в том, что мастеровые получают от владельца *даром* усадьбы и одну десятину покосов (собственные рощи и купленные покосы не входят сюда); сельские работники, кроме покоса и усадьбы, получают еще в надел пахотную землю в очень почтенном раз-

мере с платой владельцу оброка и правом выкупа отведенной земли в известный промежуток времени. Кроме этого, и мастеровые и сельские работники имеют право на известные количества леса и выгона. Управление Нижнетагильских заводов при составлении уставной грамоты начало с того, что совсем не показало при своих заводах таких работ, которые давали бы право на звание сельского работника, а следовательно, и на надел пахотной землей. Все громадное население Тагильских заводов, достигающее до ста тысяч, было зачислено мастеровыми, и таким образом владелец сохранил за собой всю ту землю, которую обязан был выделить сельским работникам. Затем, разбирая каждый отдельный пункт уставной грамоты, мы видим, что это *chef-d'oeuvre** канцелярской казуистики и российского крючкотворства: именно, владелец Тагильских заводов, Демидов, *предоставляет* мастеровым в полную собственность их дома; из расчищенных покосов *предоставляет* по одной десятине на душу, а остальные покосы отдает желающим, если они не служат у него на заводах, по 30 копеек за каждую десятину, *впредь до усмотрения; впредь до усмотрения* владелец предоставляет мастеровым пользоваться лесом и конским пастбищем, содержит церкви, госпитали, школы, пожарную часть и т. д. Мы заметим относительно покосов, что по горному уставу и согласно решению главного комитета об устройстве

---

* образец (*фр.*).

сельского состояния, состоявшемуся в 1872 г., жители посессионных заводов, кроме одной десятины от владельца, получают в полную собственность все те покосы, которые приобретены ими куплею и по духовным завещаниям, а, между тем, составленная тагильским заводоуправлением уставная грамота совсем умалчивает о последних.

Мастеровые Тагильских заводов приносили жалобу на свою уставную грамоту, и губернское по крестьянским делам присутствие в 1865 г. признало ее незаконной, а в 1881 г. это же самое присутствие нашло ее вполне правильной. Пререкания между населением и заводоуправлением обратили на себя внимание высшего начальства, и из Петербурга приезжала в заводы одна высокопоставленная особа с специальной целью выяснить и устранить все эти печальные недоразумения. Но и особа, как раньше губернское по крестьянским делам присутствие, сначала признала уставную грамоту неправильной, а потом правильной. Так это дело о наделе мастеровых покосами, лесом и выгонами стоит и доднесь, как знаменитый «воз с поклажей». Больницы и школы по сие время находятся на усмотрении владельца Тагильских заводов; другими словами, за него отдувается верхотурское земство, которое, кроме того, что вместо г. Демидова содержит школы, ежегодно сбавляет с князя Сан-Дonato количество земских налогов, перенося их на крестьянские земли. Вероятно, недалеко уже и то время, когда, по усмотрению заводоуправления, и боль-

пицы свалят на шею земства. Как производится эта замысловатая операция, это другой вопрос, о котором мы будем говорить ниже. С своей стороны, мы глубоко убеждены в том, что сам П. П. Демидов, князь Сан-Дonato, даже не подозревает существования всех этих проделок, творимых его приставниками под его именем и якобы в его пользу. Мы позволим себе остаться в том убеждении, что П. П. Демидов не станет марать рук о какие-нибудь жалкие десятины покосов и наделы сельским работникам, а тем более не будет хлопотать о сложении с себя земской тяготы. Ясно, что вся эта история есть создание разных управляющих и поверенных, которые оказались *plus royalistes, que le roi* *, и, таким образом, сослужили своему патрону поистине медвежью службу.

Когда мы уже подъезжали к Тагилу, в нашем вагоне произошло довольно сильное движение. В нескольких местах раздались восклицания радости, и затем вопрос: «слышали?» Я заметил, что по рукам публики ходил номер газеты, и поинтересовался узнать, в чем дело. Газета оказалась последним номером «Екатеринбургской недели»⁴, в котором была помещена истинно-провинциальная корреспонденция. Читая ее, невольно чувствуешь, что писал человек, который терпел, может быть, целые годы, — терпел, терпел да разом и провалился. Корреспонденция была действительно чрезвычайно забористого характера и была

---

* более роялисты, чем сам король (*фр.*).

прямо в нос. Насколько она удержалась в моей памяти, содержание ее вертелось, главным образом, на г. Х., управителе Нижнетагильского завода, который обвинялся в громадных растратах чугуна, дров и даже каменного угля, а, главным образом, в том, что посадил козлов в тагильские домны. Самое пикантное место корреспонденции заключалось в известии о смене г. Х., который держался только благодаря своему родству с главным управляющим.

— Прочитали? — задыхавшимся голосом спрашивал меня небольшой человек, видимо заводский служащий*.

— Да.

— Ловко?! Я вам говорю, как приеду в Тагил, — сейчас молебен отслужу. Ведь эта колбаса сколько лет из нас жилы тянула; одних слез сколько из-за него, может, было пролито... Вот прочитайте: «управляющий в юбке»... Ха-ха!.. Теперь поняли?..

— Я не понимаю хорошенько, в чем дело, — проговорил я.

— Самое дело простое, — объяснил служащий, размахивая руками. — У нас главным управляющим N; он ничего не видит и не слышит...

В публике слышится недоверчивый смех.

— Ах, господи, да я же верно вам говорю! — горячился служащий. — Спросите кого

---

* Вся приведенная ниже сцена записана нами в том виде, в каком мы ее слышали; насколько она отвечает действительности — мы не беремся судить, а продаем за то, за что сами купили. (Примеч. авт.).

угодно в Тагиле... Вот в корреспонденции и написано, что все дело ведет «управляющий в юбке», то есть жена Н. Понимаете? А Х. женат на ее сестре... Вона куда пошло: значит, свояки! Да еще в Питере у них была рука, тоже свояк. Понимаете: сила!.. Хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю. Так-с... Теперь этот немец какие штуки выкидывал: не понравился рабочий — в шею, ступай на все четыре стороны, а то еще из своих рук поколотит.

— А каких это козлов посадил ваш немец в домны? — спрашивал кто-то из публики. — Неужели живых?

— Нет, это совсем особь статья, господа, — объяснил служащий. — Теперь если взять домну, когда она действует, да застудить в ней чугуна, вот вам и козел... Понимаете: домна стала, надо ее выдувать, вытаскивать козла, а потом снова задувать. Эта игрушка тысяч в пять и влезет, а главное — домна стоит, чугуна нет, заводу работать железо не из чего.

— А... как же это немец домны-то остудил?

— Видите ли, при домнах состоял один служащий, из молодых, дело знал отлично, и домны шли отлично. Только немцу не понравился этот служащий, ему и отказали, назначили другого, который умеет кланяться. А в заводе поклоны-то наши не нужны, нужно дело — вот низкопоклонник-то и засадил немцу козлов. Теперь обоих по шеям, а дела этим не поправишь. Говорят, что завода два или три на всю зиму будут закрыты. Рабочие-то куда денутся? Разве вот нового главного управляю-

щего назначат, тогда разве что поправится, а то беда. Теперь какое дело выходит: ни дров, ни угля, ни чугуна — одни козлы в печах остались, а на них недалеко уедешь.

— Так этого немца сменили теперь? — спрашивал кто-то из публики.

— Сменили.

— Слава тебе, господи! — разом проговорило несколько голосов, и несколько человек даже перекрестились. — Пусть едет на козлах-то...

Тагильский вокзал сравнительно с екатеринбургским поражает своим убожеством и в особенности производит неприятное впечатление своим желтым цветом, точно это дом сумасшедших. Кучка публики суетилась на платформе и с истинным провинциальным нетерпением забежала вперед, высматривая в окнах вагонов своих знакомых. Скоро приехавшая и встречающая публика слилась в одно шумевшее и галдевшее целое. Золотопромышленник Б. опять бежал по платформе своими коротенькими шажками, а за ним, как гончие, неслись служащие на вокзале. Магнетическая сила золота притягивала людей так же, как и на екатеринбургском вокзале. Я прошел в зал 1 и 2 классов, чтобы выпить стакан чаю. Б. стоял около буфета, окруженный целой толпой готовых на все услуги благоприятелей.

— Шампанского...

Меня поразили один седой старик. Он стоял немного в стороне и с таким умилением наблюдал торжество Б., точно частичка этого торжества перепала и на его долю. Всякий

успех производит подавляющее впечатление на окружающих, а на детей и стариков его действие неотразимо. Мне казалось, что старик испытывал отраженное счастье, может быть, вспоминая лучшие дни.

— Кто это такой? — спросил я своего соседа.

— Старик? А... это разорившийся золотопромышленник. Прежде гремел на целую губернию, а теперь банкрот. Ничего не осталось, все прахом пошло.

— Прииски неудачно шли?

— Нет, прииски шли хорошо. Так, случай один вышел, это было еще раньше, когда за золото в каторжные работы ссылали. Видите ли, старик попал за другого.

— Как так?

— Самая обыкновенная история. Был в Тагиле один купец, который бойко торговал золотом на сторону, т. е., видите ли, это только говорили, а знать это хорошенько, может быть, знали всего два-три человека. Дело вышло на Ирбитской ярмарке. Этого купца, который торговал золотом потихоньку, полиция давно уже выслеживала, а взять не может. Только разузнали, что он привез золотую самородку на Ирбитскую и караулили его. Раз сидят в трактире, — вот этот самый купец и старик, а полиция в другой комнате слушает. То-се, выпили, балагурят. Вдруг исправник и прямо к тому купцу. Парень был не промах, взял да под столом самородок старику и сунул, а сам поднял шум, дескать, как вы смеете честного человека беспокоить и прочее. Поли-

ция видела, что самородок у старика, стали его уговаривать отдать, а он, — выпивший был, — как грянет: «Что мне, полицию куплю за две сотенных бумажки и самородок не отдам!» Тут его, голубчика, и накрыли. Просидел года два в тюрьме, разорился, а теперь так и живет. За чужой грех человек пропал и всю семью по миру пустил. Будь это по нынешнему суду — ничего бы этого не было!

Выходя из буфета, я наткнулся на странную процессию: кого-то выносили из вагона. Я думал, что это несли больного или, может быть, раздавленного.

— Нет, это несут нашего мирового судью, — успокоил меня какой-то служащий. — Возвращается из уезда...

Старик-переселенец стоял на платформе и жевал сухую корку черного хлеба, обмакивая ее в воде. Он с каким-то особенным выражением смотрел на шумевшую вокруг него толпу, как взрослый на толпу играющих детей. Очевидно, его мысли бродили далеко от окружающей действительности, где-нибудь в Орловской губернии, где ожидала его, может быть, голодающая семья и не менее голодающие односельчане.

— Что больно далеко захал, дедко? спрашивал старика какой-то мастеровой.

— Нужда, милый, загнала...

— Плохо вам приходится в Рассе вашей?

— Уж и не говори, милый...

— За помещиком жили?

— Мы капитановы были... От артиллерии капитан — у нас барин.

— Ну?

— Ну, значит, как вышла воля, капитан и уговорил нас принять даровой надел, по осьмине на душу. Мы погалдели, погалдели на сходе, а потом и приняли. Обошел он нас, капитан этот. Теперь и платим ему за все: и за землю, и за выгон, и за лес. Мы, старики, пожалуй, и перетерпели бы, да молодые-то с пожом к горлу пристают. Зачем, значит, капитану поддались, а кто его знал... говорили тогда разное. Ежели бы все это знать.

— Обошел он вас, от артиллерии-то!

— По миру пустил. Вот теперь насчет земли в Томскую губернию меня мир и послал. Там наши хорошо живут.

Я залюбовался группой слушавших старика рабочих: это совсем особенный, уральский тип рабочего, который ничего общего не имеет с фабричными «расейскими». Стоит посмотреть на эти мускулистые руки, крепчайшие затылки и рослые, полные силы фигуры — так и дышит силой от этих молодцов, хоть сейчас в гвардию. Вообще на заводах Демидова сложился совершенно особенный тип заводского рабочего, о чем мы поговорим после.

— А мы, дедко, немца Карлу сменили, — говорили рабочие переселенцу: — еще хуже вашего капитана: вроде, как змей.

III

Не без некоторого внутреннего трепета переходим мы к описанию настоящего положения Тагильских заводов и злос его дня... Не-

ред нами длинный ряд таких солидных цифр, тысячных окладов, объемистых кушей — словом, мы погружаемся в сферу князей мира сего, дельцов самого высокого давления и тысячных интересов. Атмосфера грошей и копеек, в которой вращается обыкновенное «человечество», отходит на задний план, и мы лицом к лицу встаем с мыслями о тысячах и даже миллионах.

— Прежде эта тысяча, действительно, большие деньги были, — говорил мой спутник до Тагила: — а нынче это самое обыкновенное дело... Нынче счет на миллионты пошел.

Первая капитальная вещь, на которую мы наталкиваемся, — это, конечно, гора Высокая, или Магнитная. Она занимает площадь приблизительно в 225 десятин и разделена на 6 участков, сообразно делению наследства, оставшегося после Акинфия Демидова. Львиная часть этой горы принадлежит Тагильским заводам, так что им из всей суммы добываемой ежегодно железной руды (6 миллионов пудов) приходится на долю около 4 миллионов. Цифра тем более почтенная, что руда из Высокой горы содержит в себе от 63 до 67% чистого железа; руды с меньшим содержанием, например в 60%, считаются невыгодными для разработки. Кроме Тагильских заводов, из Высокой горы получают руду заводы Верхне-Исетские, Алапаевские, Невьянские, Ревдинский и Суксунский. Если бы П. П. Демидов, князь Сан-Дonato, ничего не имел на Урале, кроме своей части на Высокой горе, и если бы он не ударил пальца о палец, и тогда его

годовой бюджет выразился бы в таких цифрах: 4 000 000 пудов высокогорской руды, считая по 10 копеек за пуд *, принесут в год чистых 400 000 рублей. Но у г. Демидова, князя Сан-Донато, кроме Высокой горы, есть шестьсот тысяч десятин земли, медный рудник (дает ежегодно больше 2 500 000 пудов медной руды), несколько золотых и платиновых приисков (например, в течение 1879—1880 заводского года добыто было 14 пудов 36 фунтов золота и 69 пудов 32 золотника платины) и, кроме всего этого, есть еще главноуправляющий, который боится, как черт ладана, всяких налогов и, если бы было в его власти, он по всей вероятности устроил бы так, что даже и тень какого-нибудь налога не смущала бы покойного сна его патрона.

Производительность Тагильских заводов выражается в таких цифрах (мы берем 1879—1880 заводской год):

Чугуна выплавлено .		.2629 т. пуд.
Железа	»	. 2624 »
Меди	»	. 30877 »

Мастеровых при заводах и рудниках работало 14 996 человек, на золотых и платиновых приисках — 1446 человек, следовательно,

---

* Управляющий заводами князей Голицыных желал покупать у Демидова подрудок, который на Тагильских заводах считают невыгодным для плавки; главный управляющий Тагильских заводов назначил за подрудок плату по 10 копеек за пуд. Следовательно, мы ценим настоящую руду в 10 копеек за пуд *minim.* (*Примеч. авт.*).

вся живая рабочая сила выражается цифрой 16 442 человека.

Эти почтенные цифры красноречиво говорят сами за себя и не требуют пояснений. Мы теперь перейдем к самому больному месту в хозяйстве Тагильских заводов, то есть к вопросу о снабжении заводов топливом, — вопросу, который для них составляет гамлетовское «быть или не быть». Мы уже знаем, к какому печальному результату привело Невьянские заводы хищническое истребление лесов: они существуют только из милости правительства, которое отпускает им из Монетной дачи ежегодно 21 тысячу кубических сажень дров (Монетная дача занимает площадь 160 000 десятин, и ежегодный прирост леса равняется 31 тысяче кубических сажень). Тагильские заводы бойко шли по той же дорожке, как и Невьянские, и давно успели свести лучшие леса, так что пользовались и пользуются отпуском леса, как и Невьянские, тоже из казенных дач: из Илимской (ныне, кажется, воспрещено пользование этой дачей) и из Верхотурской. Но потребность в горячем материале для Тагильских заводов, при их громадной производительности, стоит неизмеримо выше, чем в каких-нибудь Невьянских; поэтому заводу управление давно уже озабочено изысканием средств для устранения грозящего краха. Судьба помогла тагильскому заводу управлению выпутаться из беды: открыты были в имении графов Всеволожских Луньевские каменноугольные копи, потом провели Уральскую горнозаводскую дорогу и да-

же, на счет правительства, была выстроена целая ветвь железной дороги к Луньевским копям, арендованным Тагильскими заводами, — оставалось только по готовой дороге везти уголь на заводы. И повезли... Вот здесь и произошла некоторая история; именно по расчетам и сметам ученых инженеров кубическая сажень дров заменялась 100 пудами каменного угля. Сажень дров стоила около 6 рублей, 1 пуд угля обходится с провозом до Тагила в 9 копеек, следовательно, 100 пудов стоят 9 рублей. Получается некоторая, довольно чувствительная разница в 3 рубля у каждой сажени. С этим Тагильские заводы помирились бы, благо деваться некуда; но когда начали заменять дрова луньевским углем уже не в виде опытов, а на самом деле, получился совсем неожиданный результат: вместо 100 пудов взамен 1 кубической сажени дров угля потребовалось чуть не триста пудов, т. е. вместо 6 рублей пришлось затрачивать почти 27 рублей. Да еще уголь оказался из рук вон плохой (до 36 процентов несоразимых остатков) и с содержанием серы, следовательно, и обработка при его помощи руд труднее и получаемые продукты хуже. В высшей степени поучительный пример для всех тех, кто свои личные корыстные цели, леность и отсутствие не только знаний, но даже и желания приобрести их путем опыта прикрывают жалкими фразами, вроде «посаждение промышленности», «общегосударственная польза» и т. д.; слишком старая штука, которою морочили добрых людей в течение двухсот лет.

Привожу образчик этой уральско-горнозаводской логики, ничего общего с законами логического мышления не имеющей. Вот подлинные слова, произнесенные главноуправляющим Демидовских имений пред лицом первого съезда уральских горнозаводчиков: «Вопрос об отпуске леса (конечно, из казенных дач) должен быть решен неотложно. Чем скорее будет он окончательно решен, тем больше получат заводы выгоды, и правительство скорее достигнет развития горного дела на Урале» (sic! *). И эта песня про белого бычка поется среди белого дня, и никто не краснеет за нее.

Мы уже сделали краткий очерк того, как тагильское заводоуправление наделило мастеровых по уставной грамоте. Для сравнения приводим пример Кыновского завода, принадлежащего графу Строганову, где мастеровые получили на каждую ревизскую душу по 5 десятин 667 кв. сажен с платой оброка 5 рублей 24 копейки с души. Ясно, что тагильское заводоуправление воспользовалось случаем поприжать своих мастеровых и проводит ту же политику далеко за пределы своих специально-заводских дел. Именно мы переходим к той интересной борьбе, которую заводоуправление ведет с Верхотурским земством уже не один и не два года. Это нечто вроде Семилетней войны, в которой «то сей, то оный на бок гнется». В Верхотурском уезде считается 194 000 душ населения и земский бюджет достигает цифры 280 000 рублей. Все имущество

Так! (лит.).

крестьян и мастеровых в уезде оценено в 2 800 000 рублей; все заводы Демидова с землями, лесами, приисками, заводскими зданиями и домами, поскольку они подлежат обложению, оценены в 4 574 988 рублей.

Теперь проследим колебание суммы сборов в том и другом случае. Сумма земских сборов с тагильских заводов равнялась:

в 78 г.	33 766 руб.
в 79 г.	45 115 руб.
в 80 г.	39 897 руб.
в 81 г.	29 000 руб.

С крестьян и мастеровых:

в 78 г.	25 179 руб.
в 79 г.	32 806 руб.
в 80 г.	29 487 руб.

Самый простой арифметический расчет говорит, что если имущество крестьян и мастеровых, оцененное в 2 800 000 рублей, несет земских налогов 29 тысяч рублей, то само собой разумеется, что Тагильские заводы, оцененные в 4 600 000 рублей, должны платить земских сборов не 39 тысяч рублей, как в 1880 г., и не 29 тысяч рублей, как в 1881 г., а 49 тысяч рублей.

— Как же это вы, господа, так сплеховали? — спрашивал я одного верхотурского земца, который сел к нам в вагон в Тагиле.

— Да уж так, сила солому ломит и выше лба уши не растут.

— То есть?

Да уж и рассказывать не хочется: са-

мое неприятное дело... Видите ли, наш уездный город Верхотурье уплачивает земского сбора всего-навсего каких-то рублей девяносто и притом ехать в него гласным далеко. Населена главным образом южная часть уезда, следовательно, и гласных большинство выбирается здесь, а тут изволь, за здорово живешь, ехать, куда Макар телят не гонял. Понятное дело, все и хлопочут о переводе земского собрания в Тагил. Хорошо. Теперь уж раза три было, что переведут собрание в Тагил, а потом опять в Верхотурье. Со стороны это кажется и глупо, и смешно, а на деле и полсмеха нет. Вся суть в том, что как только переведут собрание в Тагил, так и начнется такая каша, что боже упаси! Большинство гласных — демидовские служащие, вот они и гнут в его сторону. Одним словом: сила. А в Верхотурье не всякий поедет, особенно из заводских служащих, поэтому там нам не в пример легче. Наше земство, как журавль: нос завязит — хвост вытащит, нос вытащит — хвост завязит. Взять прошлый год: целых десять тысяч сбавили с Тагильских заводов за здорово живешь.

— Да, ваше положение незавидное...

— Помилуйте, чему тут завидовать! Радырадехоньки, когда в свое Верхотурье ноги уплетем... За Верхотурьем и собаки не бегают; оно и безопасно. Главное, то обидно, что с кого бы другого слагать налоги, а с Демидова просто грешно. Конечно, сам он в эти дела не входит, а тут всем верховодят два-три человека, чтобы выслужиться.

— Верх-Исетские заводы платят екатеринбургскому земству около 50 тысяч, — проговорил я.

— А Тагильские — 29 тысяч...

Нужно заметить, что деятельность верхотурского земства даже за очень короткий срок его существования принесла уже блестящие плоды. Именно, им выдвинуты и поставлены на твердую почву два капитальных вопроса: вопрос о народном образовании и вопрос о народном здравии. Конечно, мы не должны забывать, что верхотурское земство принуждено действовать в скромных рамках своего бюджета, который, за вычетом обязательных расходов, представляет сумму около 80 тысяч. Мы с особенным удовольствием останавливаемся на земских школах и учительских съездах, причем не можем не сравнить настоящее положение народного образования в Верхотурском уезде с тем, которое существовало в нем до открытия земских учреждений. Если бы верхотурское земство ничего больше не сделало, и тогда оно имело бы полное право на признательность и сочувствие не только всего местного населения, но каждого образованного человека, которому дороги истинные интересы народного просвещения. Мы берем одни тагильские заводы, в которых до введения земских учреждений едва влачили свое существование заводские школы под присмотром учителей из никуда негодных заводских служащих или заводских священников. Что это были за школы, теперь даже трудно себе и представить, а между тем нас отделяет от них кро-

шечный период времени в 10 лет. Мы уже не будем говорить о качественном различии бывших заводских школ и существующих земских, — это совсем несравнимые величины, — остановимся просто на количественных данных, именно на том, что верхотурское земство в одном Нижнетагильском заводе основало 4 земских школы и по одной школе на остальных восьми заводах, причем в Нижне-Салдинском заводе, например, основано двухклассное училище. При каждом училище, кроме учителя или учительницы, находятся помощники и помощницы. Нужно заметить, что верхотурское земство открыло широкий доступ в свои школы женщинам, и теперь в них почти половину учащего контингента составляют учительницы. Мы полагаем, что верхотурское земство не раскаивается в этом. Экономическое положение самых школ и учителей едва ли заставляет желать чего-нибудь лучшего, — по крайней мере, земство сделало все, что было в его власти.

Чтобы сравнить заводские и земские школы, нужно просто зайти в те и другие (в некоторых заводах еще существуют заводские школы; на все девять заводов их всего двести): разница поразительная. Но верхотурское земство не останавливается на этом; оно, создав в течение 10 лет больше 50 школ, идет дальше, то есть употребляет все усилия, чтобы предоставить учителям и учительницам возможность постоянно пополнять свои знания теоретически и практически, для чего земством периодически устраиваются учительские

съезды. В нынешнем году такой съезд состоялся в Нижнетагильском заводе под руководством такого корифея нашей народной педагогики, как П. Ф. Бунаков⁵. Можем указать на тот поразительный факт, что ни один из учителей демидовских заводских школ даже не заглянул на этот съезд. Тагильская интеллигенция отнеслась к съезду с таким обидным равнодушием, что не знаешь, чему удивляться: отсутствию ли всяких общественных интересов в этой интеллигенции или полному нежеланию хоть чем-нибудь высказать свое участие к благородным усилиям земства. «Съезд так съезд, а по нас хоть трава не расти», — рассуждала такая интеллигенция.

Нас удивляет больше всего тот факт, что владелец Тагильских заводов, в лице своих поверенных, доверенных, главноуправляющих, управляющих и управителей, совсем умывает руки во всем, что касается народного образования и школьного дела. Мы не говорим уже о том, что сам закон обязывает заводчиков заботиться об образовании детей своих рабочих, а обращаемся к простому человеческому чувству, к нравственной потребности помогать ближнему, тем более, что благотворительность в самом широком смысле этого слова и покровительство наукам и искусствам были родовыми добродетелями фамилии Демидовых. Нам нечего указывать на те сотни тысяч рублей, которые пожертвованы Демидовыми в разное время на русские университеты и разные благотворительные учреждения — эти факты всем известны; отчего же, спраши-

вается, почти все школы в Тагильских заводах и устроены земством, и содержатся на его счет, — отчего в центре этих заводов, в Нижнетагильске, едва показывают признаки жизни Демидовское реальное училище, Анатольское женское училище и какая-то народная школа, а для детей мастеровых земство принуждено было создать четыре школы.

Это же Верхотурское земство несколько раз поднимало вопрос о необходимости преобразовать Демидовское реальное училище, которое не дает учащимся ни знаний, ни прав, а служит, кажется, только доходной статьей для разных ученых и неученых дельцов; предполагалось преобразовать его в настоящее реальное училище с настоящими учителями, но где взять средства? Мы знаем, что покойным А. И. Кроненбергом был составлен подробный проект преобразования тагильского реального училища и что этот проект был утвержден самим владельцем, а потом пропал неизвестно куда. Из этого следует только одно, что настоящее из рук вон плохое положение реального училища для кого-то выгодно настолько, что даже теряются утвержденные владельцем проекты.

IV

Мы еще раз возвращаемся к вопросу о профессиональном образовании, центрами которого силою вещей должны быть на Урале — Екатеринбург и Тагил. По отзывам всех специалистов и неспециалистов педагогов, кото-

рым случалось бывать на уральских горных заводах, дети мастеровых просто поражают своей смышленостью, развитием и известным художественным вкусом. Мы уже упоминали о существовавшем в Тагиле живописном искусстве и исчезнувшей неизвестно куда живописной школе, — это такой факт, которым только стоит воспользоваться, и если, например, в других местностях может служить препятствием вопрос о средствах, то для Тагильских заводов при их громадной производительности, колоссальном дивиденде владельца, министерских окладах крупных служащих, наконец, при постоянном уменьшении земских налогов с заводов, доведенных в 1881 году до своего *minimum*'а, дальше которого, кажется, нельзя уже идти, — при существовании всех этих условий вопрос о средствах для профессиональных школ в Тагильском заводском округе просто смешон. Ведь нельзя же, в самом деле, как это делает тагильское заводоуправление, одной рукой урезывать земские налоги, а другой наваливать на него содержание тех школ, которые по закону должны содержаться за счет заводовладельца, да еще заставить то же земство основывать профессиональные школы, заводить музей прикладных знаний и т. д. Можно надеяться, что гг. Демидовы устроят все это без всякой внешней побудительной причины.

Что касается музея прикладных знаний и выставки художественных произведений, то для Тагильских заводов вся задача сводится только на приведение в порядок уже имею-

щихся на руках материалов и только отчасти придется пополнить их из богатого музея, принадлежащего фамилии Демидовых. Что стоит, в самом деле, П. П. Демидову уступить тысячную часть своих художественно-промышленных богатств, собранных его предками и им самим со всех углов Европы? Мы, между прочим, можем указать уже на существующий при Выйском заводе Демидовский музей, где собраны предметы, исключительно относящиеся к заводскому делу; затем, в Нижнетагильске в господском доме и в церквях существует несколько замечательных картин работы старинных итальянских мастеров. Конечно, большинству тагильских обывателей совсем неизвестно существование этих художественных богатств, но для будущего туриста они будут представлять значительный интерес. А propos * можем указать на великолепный памятник Николаю Никитичу Демидову, который стоит на главной площади; в числе русских памятников ему, без сомнения, принадлежит одно из первых мест как по его идее, так особенно по тонко-художественному исполнению целого десятка бронзовых фигур в человеческий рост. Мы еще будем иметь случай говорить о Николае Никитиче, который сделал для внутреннего управления своих заводов столько же, сколько Акинфий Демидов для их основания, внешнего распространения и, собственно, развития заводского дела.

Мы уже говорили, что тип тагильского мас-

---

* кстати (фр.).

терового невольно бросается в глаза, но нужно видеть этого мастерового в огненной работе, когда он, как игрушку, перебрасывает двенадцатипудовый рельс с одного вала на другой или начинает поворачивать тяжелую крицу под обжимочным молотом: только рядом поколений, прошедших через огненную работу, можно объяснить эту силу и необыкновенную ловкость каждого движения.

— Неужели для владельца заводов имеет такую важность вопрос о нескольких тысячах десятин земли? — спрашивал я одного заводского служащего, с которым у нас зашел разговор об уставной грамоте.

— Помилуйте, самое плевое дело, — отвечал служащий. — Тут дело выходит совсем особенное. Вы, может быть, помните, кажется, в прошлом году было напечатано в газетах известие об Уфимских горных заводах? Вот у нас та же самая история и подведена. На всякий случай обеспечить себя не лишне.

История Уфимских горных заводов очень несложна: всех заводов считается 11, с населением в 97 970 душ. Уфимские мастеровые, так же, как и тагильские, получили «в дар» свои усадьбы и ни клочка земельного надела, а потому пользование лесом, покосом, выгонами и пашней предоставлено только «обращающимся на заводские работы» и тоже «впредь до усмотрения». Это «усмотрение» в настоящую минуту значит вот что: производительность 11 уфимских заводов равняется 2 564 130 руб. и требует 8364 человека рабочих. Других работ, кроме заводских, не су-

ществует, поэтому между рабочими идет страшная конкуренция, и заработная плата доведена до своего *minimum*'а. За неимением других заработков, эти 8364 рабочих должны содержать все стотысячное население. Мастеровые много хлопотали о наделе их из свободных казенных или башкирских земель, но получили в ответ, что этот вопрос «рассматривается», а когда он рассмотрелся, все земли оказались уже занятыми представителями администрации и разными другими лицами.

— Для Тагильских заводов пока этот обдел землями еще незаметен, — объяснял служащий: — потому что заводы требуют много рабочих рук, это раз; а второе — существуют побочные промыслы: сундучный, старательский, отходный на сплав по реке Чусовой и т. д. Но в будущем, в случае какого-нибудь заводского краха, мастеровым придется жутко: они в ежовых рукавицах у заводоуправления. Вы знаете ли, что мастеровые много проиграли от освобождения? Да, им лучше жилось «за баринном».

— То есть?

— Собственно говоря, крепостным приходилось жутко у мелких помещиков, а из крупных разве только в исключительных случаях. По крайней мере, демидовским мастеровым жилось очень хорошо, хорошо не в единичных случаях, а в общем. Видите ли: теперь рабочим от 18 до 45 лет живет очень хорошо, — особенно холостым. Заработная плата в среднем составляет копеек 50, а подмастерья и мастера зарабатывают до 40 рублей в «выпис-

ку», т. е. в две недели. Следовательно, в месяц составит целых восемьдесят рублей. Хлопотые парни имеют в руках много свободных денег и привыкают к известной роскоши, а главное к разгулу и пьянству. Хорошо, если такой рабочий женится вовремя, и к тому времени, когда он уже не в силах будет работать, у него успеют подрасти на смену дети: в противном случае, ему грозит положительная нищета. На огненной работе в 15—20 лет вытянется какой угодно рабочий до того, что часто от человека остается одна тень. Вообще, при настоящем порядке, положение бездетных стариков и сирот самое печальное. Тогда как при крепостном праве взрослые рабочие, пока они были в полной силе, хотя и не зарабатывали, сколько теперь, но зато все сироты, престарелые и калеки существовали за счет заводо-владельца: развалилась изба — починят избу, пала корова или лошадь — купят другую. А нынче даже калеки, получившие увечье на заводской работе, и те находятся на «усмотрении» заводоуправления: дадут — спасибо, не дали — ступай на все четыре стороны. Обыкновенно от таких калек отделяются единовременными грошевыми пособиями, чтобы чем-нибудь заткнуть рот. У нас даже заводские госпитали на откуп у докторов. Читали, может быть, в «Екатеринбургской неделе», что в Тагильских заводах от всяких болезней рабочих лечат александрийским листом и что лихорадкой могут хворать одни управители. Прежде госпитали были поставлены отлично, а теперь все дело идет через пень-колоду: на

девять заводов два заводских доктора — разве есть какая-нибудь физическая возможность что-нибудь поделывать при таких условиях!

— Отчего же мастеровые, пока они в силах и могут зарабатывать очень много, не откладывают копейку на черный день?

— Как вам сказать, — это очень трудный вопрос. Кто-то сказал, что уметь хорошо израсходовать деньги гораздо труднее, чем нажить их. По моему мнению, нашего мастерового ближе всего сравнить с матросом: известно, что матросы целыми годами копят свое жалованье и потом спускают его в один день в первой гавани: они копят по необходимости, потому что некуда тратить, и спускают деньги по своей непрактичности. Эта непрактичность положительно заедает мастерового, а между тем разве можно требовать практичности от человека, который всю свою жизнь от 4 часов утра до семи дня проводит на фабрике и свободное время имеет только в праздники. Сравните любого крестьянина, который получит втрое-четверо меньше и проживет лучше. По-моему, причина лежит именно в тех исключительных условиях, которыми обставлена жизнь рабочего, а не в его индивидуальных особенностях. Теперь у нас бойко идут ссудо-сберегательные товарищества; может быть, они исподволь приучат нашего рабочего к бережливости.

Самая памятная страница в жизни Тагильских заводов связана с именем Николая Никитича Демидова. Это был, действительно, замечательный человек, сумевший встать целой

головой выше своего времени... Так, при нем вполне определилось положение заводских служащих, которые обыкновенно набирались из крепостных и при Николае Никитиче стали получать определенное жалованье. Затем особое внимание Николаем Никитичем было обращено на образование.

Человек пятнадцать из детей заводских служащих были отправлены на демидовский счет за границу для усовершенствования в заводском деле. Дети были размещены отчасти по европейским столицам, отчасти при лучших заводах, где выросли и выучились при самых лучших условиях: пользовались значительным обеспечением и были размещены в лучших семействах. Понятное дело, что, прожив лет 15 в такой обстановке и превратившись в молодых людей, «заграничные» сделались вполне европейцами и по образу жизни, и по взглядам, и по привычкам. Больше половины из них успели жениться, конечно, на иностранках; француженки и немки, выходя за демидовских воспитанников, конечно, были уверены, что их мужья там, в далекой России, на каком-то Урале, по меньшей мере будут инженерами и управляющими. Большинство этих девушек были из лучших семейств (одна, например, была дочь кассельского сенатора). Каково же было удивление и ужас этих пар, когда они, приехав на Урал, узнали, что во-первых, они крепостные Демидова, а во-вторых, сразу попали в ежовые рукавицы домопощенных управляющих. Разыгралась истинная трагикомедия; «заграничные» сделались

общим посмешищем, благодаря их европейскому платью, манерам и привычкам; но, как им ни приходилось тяжело, они не в силах были расстаться со всем этим. Доморощенные крепостные управляющие, конечно, не дали им ходу, затерли в низших должностях и постоянно держали в самом черном теле. Дело кончилось тем, что больше половины этих несчастных сошли с ума, спились или кончили жизнь самоубийством. Один, например, заморил себя голодом, — Швецов. Жены этих несчастных разделили их участь: одна вешалась три раза, но ее вынимали каждый раз из петли; другая сошла с ума; третья умерла от чахотки и т. д. Замечательно, что это сумасшествие передавалось и детям «заграничных»; впрочем, из них вышло несколько очень даровитых личностей. Невозможно слушать без смеха о бесконечных странностях, которыми отличались все «заграничные»; было жалким зрелище этих «заграничных», до конца своих дней разгуливавших в тех европейских старомодных костюмах, с которыми они не в силах были расстаться.

Не считая себя компетентными специально в заводском деле, мы обходим молчанием очень многие вопросы горного хозяйства Тагильских заводов; можем только сослаться на отчет г. Чернова, читанный им в Русском императорском техническом обществе специально об уральском горном хозяйстве и между прочим о хозяйстве Тагильских заводов.

Г. Чернов очень резко нападает на заводские порядки Тагильских заводов и указывает

массу вопиющих промахов и недостатков, которые проходят роковой цепью через все заводское производство, начиная с неправильного добывания железной руды из горы Высокой (эту последнюю г. Чернов сравнивает с куском честерского сыра, из которого вырезывали куски кто и как хотел) и кончая бессемеровским способом приготовления стали и железа, который существует в Нижне-Салдинском заводе. Насколько прав г. Чернов — мы не беремся судить, мы берем его отзыв, как отзыв специалиста, против которого тагильским заводууправлением пока еще не сделано сколько-нибудь веского опровержения; с своей стороны, мы можем только заметить то, что в интересах русских горнозаводчиков правительством постоянно поддерживается высокий тариф на привозное железо, лежащий на все население очень чувствительным гнетом, — отсюда, как необходимое логическое следствие, вытекает задача со стороны правительства строго следить за хозяйством горных заводов, которым принадлежат целые области земель, имеющих государственный интерес, как наши национальные богатства. Мы уверены, что рано или поздно этот капитальный вопрос нашего государственного хозяйства получит разрешение не в смысле только интересов одних наших горнозаводчиков.

V

В половине июня нынешнего года мне случилось по разным делам проехать через Тагильские заводы по направлению к Чусовой.

Раньше, года 3—4 тому назад, мне приходилось довольно часто бывать в этой местности, и я целые дни проводил на охоте в горах — под Белой, Мохнатенькой, Теплой. Воспользовавшись предоставившимся удобным случаем, я отъехал от Тагила верст за 30, оставил лошадей в небольшой деревушке, а сам с ружьем отправился в лес. Деревня 3. замечательна тем, что около нее разбросаны платиновые прииски. Целый день с величайшим удовольствием пробродил я по лесу, который здесь, в горах, необыкновенно хорош, особенно густые, темные ели и пихты. Изредка попадаются где-нибудь «на взлобочках» или на откосе горы небольшие сосновые бора, где дерево стоит к дереву, как восковые свечи; на местах, где лес вырублен, непременно растет светлый, как транспарант, березник. С именем «белого дерева», т. е. березы, у сибирских инородцев связано предание, что с этим белым деревом вместе идет и власть «белого царя». Действительно, если проследить исторически географическое распространение березовых лесов, можно вполне убедиться в верности этого предания: куда шел русский человек, — туда, как живая, шла за ним береза. На Урале громадные площади куреней затягиваются березовой порослью в несколько лет, и при рациональном хозяйстве ими можно было бы воспользоваться с большой выгодой. Я каким-то болезненным чувством люблю этот уральский лес, — может быть, потому, что оживаю в нем и душой, и телом от всяческой

суеты сует наших городов, от драм и тревожных
нений жизни.

Бродить бесцельно по лесу как-то целовко:
поэтому берешь на всякий случай ружье и по
пути «зацепишь» пару рябчиков, как говорит
один мой знакомый охотник. Но нынче я не
имел права зацепить даже эту пару, потому
что охота на птиц до Петрова дня воспрещена
законом, хотя на Урале этот закон и обхо-
дится всеми. К вечеру мне нужно было выйти
обратно в З., но я сбился с дороги, и впереди
представлялась довольно неприятная перспе-
ктива — одному ночевать в лесу. Меня сбило
с толку быстрое наступление сумерек, как это
бывает только в горах; мне оставалось одно —
идти по одному направлению, пока двигаются
ноги — может быть, и попаду на какую-ни-
будь дорогу или на прииск. Темнота быстро
сгущалась вокруг меня, и в лесу делалось
тихо, как в пустой церкви. Вдруг через эту
мертвую тишину пронесся звук человеческого
голоса... раз... два... три... Я притаил дыха-
ние, наконец, совершенно ясно расслышал: «Лу-
керка! Лукерка-а-а!..» Оставалось идти по на-
правлению доносившегося голоса, и через ка-
ких-нибудь полчаса я уже подходил к боль-
шому приску, о чем можно было судить и по
смешанному глухому гулу человеческих голо-
сов, и по отрывистому лаю собаки, и по дале-
кому мотиву уральской песни, точно застыв-
шей в ночном воздухе. Лес разом точно раз-
двинулся, и предо мной открылся длинный
глубокий лог, иллюминированный десятками
больших огней, горевших перед старательскими

палаустными* балаганами. В каких-нибудь двадцати-тридцати шагах от меня стоял высокий седой старик в белой холщовой рубахе; мне его было отлично видно при освещении ярко горевшего костра. Он время от времени прикладывал руку к щеке и начинал кричать: «Лукерка-а-а... бисова дочь!»

— Да это Хома!.. — вслух проговорил я, подходя к старику. — Здорово, Хома...

Старик из-под руки пристально посмотрел на меня, протянул свою корявую широкую ладонь и проговорил самым добродушнейшим тоном, точно мы вчера с ним расстались:

— А, паныч... Як же тебе занесло у нашу сторону?

— Видишь, с охоты иду.

— Идем до хаты, паныч. Заночуй у нас...

— Спасибо; а ты кого тут кричишь, Хома?

— А все ж дочку свою, Лукерцу... С парубками гуляе, бисова дочь, а Хоме треба паужинать: и грибы е, и сіль е, а Лукерци нэма!

— Зачем же ты отпустил ее?

— Да никто ж ее не пуцал: сама ушла. Треба гулять... Лукерца-а!..

Малороссия на Урале... Вероятно, последнее немногим известно, а между тем в Тагильских заводах можно насчитать больше трех тысяч хохлов, как здесь называют мало-

---

* Палаустными балаганами на Урале называют шалаши, устроенные наподобие крыши крестьянской избы, скатом на две стороны; они обыкновенно кроются дерном, берестой, еловой корой или просто хвоей. (Примеч. авт.).

россов; есть заводы и деревни, которые населены одними хохлами, например, Верхне-Салдинский завод, деревни Салка и Бобровка, а в других хохлы составляют только часть населения, как в Висимо-Шайтанском заводе. Я прошел в балаган Хомы, снял с себя охотничью сбрую и с особенным удовольствием присел к огню, около которого на обрубке дерева сидела старуха, жена Хомы.

— Здравствуй, стара.

Старуха безмолвно подняла на меня мутные большие глаза и плотнее закуталась полушубком, который был накинут у ней на плечах. Старая Марьяна так изменилась за эти три года, что мне бы не узнать ее, если бы пришлось встретить ее где-нибудь в другом месте, а не в балагане Хомы. По тяжелому удушливому кашлю можно было вперед сказать, что у старухи была чахотка в последнем периоде. Около балагана валялась конская сбруя, к одной стене были привалены рудниковые тачки, сломанное колесо; внутренность балагана представляла квадрат сажени в две, около стен была настлана свежая трава, прикрытая сверху широкими кафтанами из толстого крестьянского сукна и старыми шубами. С потолка спускался на цепочке небольшой чугунный котелок; над ним виднелось несколько пайм, т. е. переметных сум из бересты. В дальнем углу балагана и над входом в него висели два медных образа-складня. Я давно знал Хому, и теперь неожиданная встреча с ним была для меня особенно приятна. Мне приходилось не в первый раз ноче-

вать в балагане у Хома, и я всегда с удовольствием вспоминал об этих охотничьих привалах.

— А бисова дочь... Лукерка-а! — продолжал кричать старик.

— Иду... — донесся откуда-то мужской голос. — Казак идет...

— Подходи, вот я тебе задам.

Через несколько минут к балагану, пошатываясь, подошел сын Хома, Макар, молодой мужик лет под тридцать. Одна половина чекменя у него свесилась с плеч и тащилась полой по мокрой сырой траве, суконная фуражка была надета козырьком на затылок; он сильно пошатывался и разговаривал сам с собой: «Я — казак... запорожский казак. Ну... ну, тату поколотит казака... ну!»

— И поколочу, бисов сын, — проговорил хладнокровно Хома.

Действительно, как только Макар подошел к отцу, старик взял его одной рукой за волосы, а другой отвесил несколько здоровенных ударов черемуховой палкой. Макар со смирением принял это наказание и повалился отцу в ноги, благодаря за науку.

— Сховалась, — коротко проговорил Хома, как ни в чем не бывало подходя к нам.

Старик сел к огню и рассеянно наблюдал перебегавшее пламя. Его высокая широкоплечая фигура дышала еще силой, хотя он был уже сед лет десять; на голове была целая копна вечно всклокоченных седых волос, борода лезла в разные стороны отдельными космами, а из-под громадных усов беспрерывно

шла тонкая струйка синего дыма, потому что без тютюна и люльки Хома был немислим. Исчезновение дочери Лукерки, видимо, сильно опечалило старика; он любил ее после своей люльки больше всего на свете и под веселую руку постоянно кричал: «Го, та моя ж Лукерка — ведмедица!» Уральские хохлы окрестили медведя ведмедем. Макар после отцовской науки несколько минут безмолвно лежал на траве, а потом поднялся, почесал бока и проворчал: «Ишь, сивый ведмедь, как больно отколотил»... Действительно, Хома сильно смахивал на седого медведя. Желая чем-нибудь развеселить старика, я попросил Макара добыть где-нибудь горилки; это поручение пришлось ему как нельзя больше по душе. Он долго ухмылялся, потом как-то забавно крутил своим длинным сизым носом и все время думал вслух:

— И чего старый бьется... Шукай ему Лукерцу, а Лукерца у кержака* сидит в балагане!.. Кричит, как журавель на заре.

Минут через десять Макар явился с горилкой, которую принес в небольшом деревянном ведерке. Хома молча выпил первых два стакана, а на третьем повеселел и проговорил: «Макарка, дойди до кума». Пить горилку без кума для Хома было каким-то святотатством, и кум явился. Это был небольшого роста худенький, сгорбленный беззубый старичок, смотревший постоянно моргавшими и слезив-

---

* Кержаками на Урале называют раскольников. (Примеч. авт.).

шимися глазами — словом, это была полная противоположность с сивым медведем, и трудно было сказать, что связывало этих людей. Кум Хома, кажется, даже не имел собственного имени, а был известен просто как кум; говорил он редко, отрывистыми короткими фразами, почему прослыл «немножко за колдуна». Впрочем, водку пил он вполне основательно, как воду; она не действовала на него. Макар был давно женат на дочери кума, но Хома не хотел по своему упрямству звать своего друга сватом, а по-прежнему величал кумом. «Нехай для других будет сват, а мне — кум», — говорил упрямый старик.

— Дюже нехорошо, кум, — говорил Хома, подбрасывая несколько поленьев в огонь. — Ведь сховалась Лукерца.

— Сховалась, — как эхо, повторил кум.

— Нехорошо, кум...

— Нехорошо, Хома.

Этот интересный разговор был прерван появлением жены Макара — Ганны; на руках она принесла прехорошенькую двухлетнюю девочку, а за ней стоял мальчик лет двенадцати и исподлобья смотрел на меня. Ганна была великорусская красавица в полном смысле слова: высокая, статная, с замечательно красивым и серьезным лицом, в котором особенно хороши были большие темно-серые глаза и смело очерченные алые губы. Глядя на эту красавицу, никто бы не подумал, что она дочь тщедушного кума.

— Нейдет... — певуче и мягко проговорила Ганна, отвечая на немой вопрос старика. —

Сидит у него в балагане и нейдет... А Корней смеется... «Я, говорит, изо всей вашей семьи лучины нащеплю, только пальцем шевельните Лукерцу». Я и пошла, тату...

— Я его убью! — громко заявил Макар, вскакивая с места. — Он из казака лучины нащепать хочет... Зарежу, как курицу!

Макар без шапки и сильно пошатываясь побежал вниз по логу, в сторону светившихся огней; но убивать Корнея, по крайней мере на этот раз, он раздумал и вернулся часа через полтора, когда кум уже спал, свернувшись у огонька клубочком, а Хома спокойно беседовал со мной. Макар был, как говорится, пьянее вина и только мычал; бедная Ганна с трудом увела его в балаган, откуда доносился до нас ужасный кашель Марьяны. После оказалось, что Макар действительно был у Корнея, где и натянулся горилки вместо того, чтобы убивать кержака.

— Как дела идут на приисках? — спрашивал я старика.

— Богато... На Варламихе платина дюже идет. Висимские да черновляна * грошей много понадоставали.

— А у тебя хорошо платина идет?

— А бис ли мне в ней, в платине, — с досадой проговорил старик, махнув рукой; очевидно, он опять вспомнил про свою Лукерку, которая ушла к кержаку.

— За платину гроши получишь.

---

* Висимские — из Висимо-Шайтанского завода; черновляне — из Черноисточинского завода. (Примеч. авт.).

— А для чего мне гроши? Вот Лукерка сховалась, ушла к кержаку... Как вздумаю, точно вилами кто у сердце стегнет!.. И где она с ним снюхалась, бисова дочь... Приходит как-то Ганна и говорит: «Тату, а тату! Ведь Лукерка у кержака в балагане», — у меня ажно вольсья на голове дубьем повставали!..

— Ведь ваши хохлушки выходят за кержаков, чего же ты испугался?

— Выходят... Не слушают нас, стариков. А ты, паныч, подумай-ка: какой человек кержак? Теперь взять пса: пес хозяина знает, а кержак не знает. У них все по-собачьему, чтоб им пусто было! Мы у церкву идем, если кто хочет жениться, а кержак у церкву не пойдет... Он не знает хозяина. Теперь Лукерка ушла к кержаку, а того, бисова дочь, не вздумает, что ежели дите родится — дите некрещеное останется. Ох-хо-хо, Лукерца моя, Лукерца!..

Старик неожиданно заплакал. Крупные слезы катились у него по лицу, по усам и бороде. Несколько времени сидел он с опущенной головой, а потом проговорил:

— Вон Марьяна зачахла совсем, и мне пора помирать... Кум.

— Чего, Хома? — отозвался кум, поворачиваясь на другой бок.

— Хочешь горилки?

— А ты пьешь?

— Пью.

Кум беспрекословно выпил стакан горилки и сейчас же заснул, а Хома опять свесил на грудь свою седую лохматую голову, которую

теперь дюже одолевали «черные думки». Я прилег к огню, рядом с кумом, и долго не мог заснуть. Мне было жаль бедного старика, который никак не мог помириться с мыслью, что его ведмедица ушла за кержака и что будущее дите останется некрещеным. А летняя чудная уральская ночь была так хороша, была полна такого божественного покоя! Мягкий сумрак покрывал все кругом, придавая предметам самые причудливые формы, до каких не в состоянии подняться самая богатая фантазия. Со стороны лога, где бурлила какая-то горная речушка, тихо поднимался туман, струя холодного воздуха ползла по траве и несла с собой аромат ближайшего леса. А в бездонной глубине синего неба напряженным фосфорическим светом теплились мириады звезд, — Большая Медведица резко выделялась среди других созвездий. «Это очи божии», — говорил Хома, в хохлацкой натуре которого билась поэтическая жилка.

Хома Чапан был «пригнан», как он говорил о своем переселении на Урал, из Малороссии в конце двадцатых годов. Он был еще мальчиком и оставлял свою Черниговскую губернию с твердым намерением утопиться «у речки». Хохлы уверены, что они проиграны графом Разумовским одному из Демидовых. Насколько это верно, в настоящее время трудно сказать, но невероятного, собственно говоря, в этом ничего нет; если существовали проплеванные деревни и если крепостных меняли на собак, отчего же не существовать и проигранным. Вместе с хохлами были пригнаны

на Урал туляки, т. е. жители Тульской губернии. Завод, в котором жил Хома, представлял собой такую этнографическую картину: половину его населяли собственно старожилы, т. е. потомки убежавших за Камень раскольников, четверть — хохлы и четверть туляки. Таким образом, в одном заводе сошлись великая, малая и северная Россия. Понятное дело, что первое время этого сиденья не обошлось без некоторых печальных недоразумений, — так Хома «загубил» одного кержака из-за самых пустяков: работали на каком-то прииске вместе и хохлы и раскольники, Хома захотел напиться, пошел в общую казарму и напился воды первым попавшимся под руки ковшом; после оказалось, что этот ковш принадлежал раскольникову, который ел и пил только из своей посуды. Произошел крупный разговор, а потом драка, — Хома развернулся и ударом кулака положил своего противника на месте. Все это происходило в темные времена крепостного права, никакого суда, конечно, не было, а просто Хому разложили и отодрали тут же, на самом месте преступления. Тем все дело и кончилось, а Хома здравствует и теперь.

По внешнему виду с непривычки не отличить хохла от туляка или от кержака: те же кафтаны из толстого сукна, те же шубы и полушубки, шапки зимой и шляпы летом, даже женщины, за самыми редкими исключениями, почти бесследно утратили свой живописный костюм и щеголяют в русских сарафанах, подвязывают длинный передник под самые мышки и носят на головах платки. Только самые

«древние» старухи ходят иногда в белых рубахах с широкими рукавами, но таких нам случилось видеть всего раза два. Вся разница теперь между пригнанным населением и старожилами заключается только в языке. Многие старики, которые еще помнят Украину, говорят испорченным полурусским языком, а молодое поколение сохранило только несколько слов из малорусского языка да мягкое произношение букв «г» и «л». Таким образом, под нивелирующим влиянием новых условий и форм жизни, все особенности малорусского типа постепенно сглаживаются и исчезают, а русский человек остается во всей своей неприкосновенности.

Понятное дело, что хохлы ближе всего стояли к православному населению, особенно к тулякам, в судьбе которых было так много общего с судьбой хохлов. Эта близость прежде всего выразилась в смешанных браках: хохлы «брали за себя» тулянок, а туляки — хохлушек. Так, сын Хомя, Макар, он же и запорожский казак, женат был на дочери кума, а кум был туляк. И в последующей судьбе хохлов и туляков было много общего. После «воли», т. е. 19 февраля, пригнанное население Тагильских заводов сильно заволновалось; прошли темные слухи о каких-то свободных землях в Челябине, т. е. на реке Миасе, в Оренбургской губернии, и все в один голос заговорили о «своем хлебе». Особенно поучительна была в этом случае судьба Висимо-Шайтанского завода, из которого хохлы и туляки послали по ходуку, чтобы доподлинно разуз-

нать все на месте. Когда эти ходоки вернулись, произошло нечто совершенно особенное, как с еврейскими соглядатаями: один ходок хвалит Челябину и советует ехать туда, другой, наоборот, говорит, что ехать совсем незачем. Подумали, погадали, погадали, но желание непременно есть свой хлеб многих соблазнило, а в том числе Хому и кума. Несколько сот семей распродали свои дома, разный домашний скарб и двинулись в путь. Дело кончилось тем, что все семьи, которые только имели возможность, вернулись обратно, потому что раз — не оказалось свободными хороших земель, а второе и главное — хохлы и туляки совсем отвыкли от тяжелой крестьянской работы, особенно женщины, которые на заводах другой работы, кроме как «по домашности», не знают, а в Челябине крестьянские бабы работают, не разгибая спины. Много было смеху над бабами, испугавшимися «своего хлеба», а мужики долго почесывали затылки. История этого переселения ясно показывает, как и чем кончаются иногда истории подобного рода. Имей хохлы и туляки какую-нибудь возможность разузнать все подробности о Челябине, конечно, их не заманил бы туда и калачом, и таким образом, несколько сот семей не были бы разорены совершенно напрасно. Вернувшись обратно на свое пепелище, они должны были поднимать хозяйство сызнова, и хорошо еще, что на заводах всегда есть работа и, таким образом, явилась некоторая возможность не умереть с голоду на первых порах и поправиться впоследствии.

Мы уже сказали, что Хома с своим кумом был в числе этих переселенцев; он, конечно, разорился и вернулся из Челябины с одной люлькой. В самом деле, трудно даже себе представить положение мужика, у которого ни кола, ни двора, ни покоса, ни скотины — словом, ровно ничего, кроме семьи, которая просит есть. Хому спасли платиновые прииски, куда он пошел старателем вместе с своим кумом и со всей семьей. Старателями называются на приисках те рабочие, которые работают не из поденной платы, а от себя, т. е. по условию с хозяином прииска получают известную плату за каждый намытый золотник. Вероятно, очень многим приходилось встречать в ежедневной прессе слово старатель как синоним слова хищник; мы по личному опыту убедились в существовании таких доверчивых людей, которые, даже не видав ни разу ни старателей, ни старательских работ, приходят в некоторый священный ужас при одном слове старатель. По понятиям этих доверчивых людей, старатель — это что-то вроде колорадского жучка, филоксеры, гессенской мухи, знаменитого кузьки и тому подобных паразитов. Откидывая предвзятые мнения и ложный страх, подойдемте поближе к этому чудовищу и посмотрим на него не с предвзятой теоретической точки зрения, а во всей его житейской трудовой обстановке. Мы должны остановиться на старательских работах в особенности потому, что им одним платиновые прииски обязаны своим существованием: где старатель будет богат, там крупный

предприниматель разорится и пойдет по миру, потому что чужими руками легко только жар загребать, а старателя заставляет искать платину или золото в большинстве случаев самая горькая нужда. Ученые и переученные горные инженеры (большинство с немецкими фамилиями) прокричали на целую Европу о вреде старательских работ и даже добились изгнания самого названия этих работ, переименованных теперь в золотничные, но перемена названия не помешала этим работам не только существовать, а еще и развиваться с каждым годом шире и шире, ибо за них говорит сама жизнь. Это гонение на самое слово старатель, это прекрасное истинно русское слово, вполне понятно со стороны сытой и ученой братии, потому что этим одним словом метко схвачен тип человека, который действительно старается и для себя, и для других, а не получает громадных окладов, лежа на боку, как наши горные инженеры. Мы укажем только на тот факт, что из всего добываемого в России золота, несмотря ни на какие льготы и поощрения правительства, несмотря на все чудеса и покусы-фокусы современной техники, только 30% приходится на долю крупных предпринимателей, а остальные 70% добываются старательскими работами, т. е. виноват, золотничными. Надеемся, что этот факт довольно красноречиво говорит сам за себя, т. е. показывает ясно, кто лежит на боку и кто работает, следовательно, кто приносит государству пользу и кто вред. Представляем каждому, полагаясь только на свой здравый смысл, вынести

из этого факта соответствующее заключение.

Было уже довольно поздно, когда я проснулся, так что самое лучшее охотничье время я проспал самым бессовестным образом. Когда я вышел из балагана, предо мной открылась залитая солнечным светом картина громадного прииска; что-то такое хорошее, полное энергии и освежающего вольного труда невольно чувствовалось в этой картине. По течению небольшой горной речки земля была точно взрыта каким-то гигантским кротом, и везде были навалены неправильные кучи сероватого песку и крупных галек (перемывки); черного в стороне тянулись целые холмы этих же песков и галек — это свалки. Между свалками и перемывками, там и сям, мелькали небольшие прудки с мутной желтой водой, канавки, деревянные желоба, накатки для тачек и грохота, около которых толпились пестрые кучки старателей. Я отыскал глазами грохот Хомы и пошел к нему. У грохота стояли бабы, т. е. Ганна и Лукерка; они маленькими скребками проворно промывали пески, которые на небольшой рудниковой двухколесной тележке подвозил двенадцатилетний сын Ганны, Евмен. Кум суетился около плотины прудка, налаживая какой-то желоб. Хома и Макар добывали пески.

— Бог в помочь...

— Спасибо, — отвечала весело Лукерка, действительно походившая на медведицу: высокая, загорелая, с такой грудью, руками и ногами, какие изображают только на памят-

никах разных героинь. — Помогать нам пришел?.. Ганна, дай ему скребок, нехай поробит.

Я поблагодарил за это любезное приглашение и прошел к Хома, который вместе с Макаром сидел в глубокой яме, откуда время от времени показывался край железной лопаты и периодически взлетали кучки серого песка, падавшие около самой ямы, прямо на деревянный помост. Евмен накладывал здесь пески в свою тележку и отвозил их к грохоту. Мне нужно было сильно наклониться, чтобы увидеть Хому, который стоял посредине ямы и выбрасывал песок наверх; Макара совсем не было видно — у него выставлялись только голые ноги из какой-то норы, откуда, не знаю уж каким образом, постоянно летела земля, т. е. песок. Чтобы свод норы не обрушился, были подведены невысокие деревянные стойки с широкой перекладиной наверху. Вся механика оказалась самой простой, только где приходится добывать пески очень глубоко или где «одолевает вода», она значительно усложняется и требует значительных затрат и большего числа рабочих рук.

— А, паныч... — отозвался Хома, заметив меня. — Полезай к нам... Ноги у тебя длинные, как у журавеля: цап, цап, цап...

Хома показал в своей яме, как шагает журавель, и захохотал так громко, что кум счел своим долгом явиться к шахте и вместе со мной смотрел на Хому.

— Ого, и кум здесь, — добродушно басил старик. — Учужал, что Хома горилку буде пить... Макарка, бисов сын, шабаш!

Через четверть часа вся семья Хома сидела на траве, недалеко от шахты, и полдничала; на сцену явилось и вчерашнее деревянное ведерко, мужики выпили по стаканчику, причем Хома так крякнул, что даже испугал кума. Вообще старик был необыкновенно весел и все время шутил самым беззаботным образом. Его, видимо, одушевляло и радовало присутствие Лукерки, которую он все-таки сравнил, с своим хохлацким юмором, с той коровой, «що хаты своей не знае, а гуляе по чужим дворам». Я просто залюбовался на Хому; особенно хороша была у него загорелая могучая шея, покрытая целой сетью морщин, точно шагрень, лохматая седая голова и навислые седые брови, под которыми веселым огоньком светились его «невылинявшие казацкие очи». Запорожец сидел сегодня, повесив нос; очевидно, у него с похмелья крепко трещала голова. Недоставало одной Марьяны, которая одна оставалась около балагана; мне несколько раз приходилось замечать, что и русские и хохлы относятся с убийственным равнодушием к своим больным, точно к подержанным и уже никуда более не пригодным вещам. По всему руднику расположились такими же кустами полдничавшие кучки рабочих, как семья Хома; право, самый строгий моралист не нашел бы в этой картине ничего предосудительного, кроме крепкого русского слова, без которого русский человек никак не может обойтись. Скоро Ганна и Лукерка, целомудренно прикрыв ноги юбками, заснули на траве; кум, запорожец и Евмен последо-

вали их примеру, а мы с Хомой остались «гугторить». Вообще старательские работы можно ближе всего сравнить с кустарным промыслом: стараются в большинстве случаев семьями, и всякий член, сообразно своему полу и возрасту, находит подходящую работу: небольшие семьи прихватывают родственников или соединяются по нескольку семей вместе. Несемейный характер работ является здесь исключением, по крайней мере последнее справедливо относительно платиновых приисков. Если и говорят об упадке нравственности приисковых рабочих, то причины этого упадка всего меньше можно искать в старательских работах: бедность, неправильное распределение заработка, т. е. рабочие получают то слишком много, то слишком мало, — наконец, известный процент заматавшихся, гулящих, пришлых рабочих — все это вместе действительно сбивает рабочих с толку и заставляет «слабеть», но ведь старательские работы тут решительно ни при чем, тем более, что все эти явления присущи всем фабрикам и заводам. Нравственность, в тесном значении слова, опять-таки не только не теряет ничего от старательских работ, а даже выигрывает, когда, как в нашем примере, они носят кустарный характер.

— А что, Хома, я слышал, что ныне сильно воруют платину? — спрашивал я своего собеседника.

— Дюже воруют, — согласился Хома. — Принеси кошку с котятами да положи на гро-

хот, — так украдут, что ни одного волоса не найти.

— Для чего же воруют, Хома?

— А как же не воровать? — спрашивал меня Хома. — Барин у кантори дает 30 грошей за золотник, а у Тагили — купцы дают цалковый... И земля панская, и лес панский, и фабрика панская, — а то где ж наше, мужицкое? Нехай земля буде панска, а що у земли Хома горбом добыл — то Хоме. У Висими (т. е. в Висимо-Шайтанском заводе) у двух мужиков по пуду платины накоплено; ждут цены... Три тысячи с половиной давали купцы за пуд — не отдали... Богатый народ, — цену ждут.

Взглянув на кума, Хома громко расхохотался.

— Кум тоже торговал платиной, — говорил Хома. — Было у него золотников семьдесят накоплено... Вот он и повез ее продавать, а купцы напоили его горилкой, да пьяного в шею и вытолкали. Ах, бисовы дети!.. А платину не воровать не можно, паныч: бог послал мужику счастья, зачем же он понесет его пану.

Большинству образованных читателей, конечно, случалось иметь дело с платиновыми изделиями, которые, кроме своих отличительных качеств, огнеупорности и неокисляемости, замечательны страшной дороговизной: какой-нибудь платиновый тигель, величиной немного больше дамского наперстка, стоит 3—5 рублей; платиновая пластинка, тонкая, как почтовая бумага, по величине меньше квадратного вершка, стоит рубль; проволока вдвое меньше и тоньше дамской шпильки стоит

рубль. Специалисты-химики и техники хорошо знают цену этим вещам и их полную необходимость при работах в высокой температуре и с сильными кислотами. С развитием технических производств употребление платины, а следовательно, и запрос на нее возрастает с каждым годом. Мы видели, как Хома добывает платину, и слышали, как платина идет на «сторону», минуя пана, которому попадает в руки любая половина. По отчету г. Вальстедта за 1879—1880 гг. платины добыто 69 пудов; а по словам Хома, ее добыто вдвое больше. В последнее время служащие на приисках придумали запира́ть грохота на замки, но мы не думаем, чтобы этим можно было прекратить воровство платины. Выходит некоторая дилемма: без старателей нам не обойтись, а при старательских работах половина платины идет мимо, — как тут быть. Нам кажется, что самым естественным исходом в этом случае будет позволение работать старателям на дачах, принадлежащих владельцам на по-сессионном праве, на таких же точно условиях, как на казенных; тогда воровство старателей падет само собой, добыча драгоценного и полезного металла утроится, и государство, и промышленность, и частные лица, и сами старатели будут иметь громадные выгоды.

В начале августа я встретил Макара в Екатеринбурге. Он рассказал мне, что Марьяна умерла, а Лукерка вышла «сводом» за кержака. Таким образом, в одной семье Хома произошло соединение трех разновидностей великорусского племени, — эта комбинация в

миниатюре представляет целую этнографическую картину населения Тагильских заводов, где постепенно, шаг за шагом, путем житейских компромиссов, совершается медленное слияние таких разнородных элементов, как раскольники и малороссы.

VIII

ТАГИЛ — КУШВА

— Вот те и клюква... да-с! — медленно проговорил среднего роста господин, остановившись посреди нашего вагона. — Так-с... Клюква!

Он слегка пошатывался, отыскивая глазами свободное место. Неестественно красное, угреватое лицо, преждевременная обрюзглость и дряблость щек, воспаленные, слезившиеся глазки, лоснившиеся багровые губы и с красными жилками кончик носа — все ясно говорило о многолетнем употреблении спиртуозных напитков.

— Не хотите ли? — проговорил он, усаживаясь напротив меня и вынимая из кармана завернутые в бумажку пирожки. — Так, значит, не хотите... Вот те и клюква! У всякого свои желания... Да-с. Я предпочитаю всему на свете херес, тагильские мировые судьи — коньяк, заводоуправление пьет восьмирублевый портвейн, земство — очищенную... У всякого барона своя фантазия. Клюква!.. Позвольте отрекомендоваться: инженер в отставке, первый пьяница и единственный честный человек

на Урале. Получаю две тысячи пенсии, денег ни гроша не имею, хотя бы и мог иметь... Игнатий Черноногов имел бы деньги... да-с... очень большие деньги... если бы он хотел брать взятки. Черноногов пьяница, а взяток никогда не брал... Вот те и клюква! Охо-хо, всякая живая душа калачика хочет... Вот мы сейчас по английским рельсам покатым. Это между Высокой горой и Благодатью! Вот так клюква... Да-с.... И англичанам надо калачика, да и следует: везут на Урал свои рельсы... Чистые проказники!

...«Погоди, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие, — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором⁶.

Эта декламация была прервана шумом на платформе. Седой толстый старик, круглый, как мяч, напрасно старался вырваться из рук нескольких человек, которые тащили его в вагон второго класса.

— Не пойду... — хрипел старик, стараясь ухватиться рукой за колонну или перила нашего вагона. — Стал я деньги зря травить... И то в Екатеринбурге аблакаты совсем обезживотили. Отцы, ослобоните!..

— А... Ипат Евсеич Пудовиков, — проговорил Черноногов.

Выскочив на платформу, он схватил старика за пальто и потащил в наш вагон.

Ой, дубинушка, ухнем!

— запел кто-то.

— Ой, уморили, отцы... — хрипел Пудови-

ков, когда, наконец, пролез в двери вагона. — Вольготнее здесь не в пример.

— Наше глубокое почтение, Ипат Евсеич... вашей мощне, — говорил Черноногов, делая Пудовикову реверанс.

— Коли своей нет, так надо чужой кланяться, — хрипел старик, вытирая свое сыромятное опухлое лицо.

— Уж ты, пожалуйста, не рассуждай: ты — мешок с деньгами и больше ничего... да еще и деньги-то краденые!..

— О-ха-ха-ха! — залился Пудовиков хриплым смехом, причем его узенькие черные глазки совсем исчезли. — Отцы, испить бы...

«Отцы» представляли из себя самую пеструю смесь: было тут и двое судейских, и золотопромышленник Б., и доктор (тоже золотопромышленник), и какие-то потертые бесцветные личности. Все это группировалось около Пудовикова, как около центра. Скоро появилось «испить», то есть несколько бутылок коньяку, хересу и водки. Обер-кондуктор попробовал было протестовать, но Пудовиков на весь вагон закричал:

— Весь вагон за себя перевезу... За всех заплачу!

Начальник станции посмотрел в окно, покачал головой и умоляющим тоном проговорил:

— Ипат Евсеич, пожалуйста...

— Отец, не буду, ничего не буду, только вот испить... Надоело мне с вами судиться-то. Поэтому и во втором классе не езжу... В позанпрошлый раз собрался это мы с пр-

кутскими купцами в этот самый второй класс и такую обедню отслужили... Ха-ха-ха! Как приехали в город, сейчас протокол, потому дамы были и всякое прочее... Аблакату стравил две четвертных после; едва выправил. Вот те и второй класс!..

Пудовиков известен по всему Уралу как один из самых богатых золотопромышленников и как неутомимый скандалист. У него было несколько очень крупных историй, доведивших его до скамьи подсудимых в окружном суде, а мелким он и счет позабыл. Да и всесильная мошна помогала все замазать. Сдерут адвокаты, наложит мировой судья штраф в 25 рублей, — тем дело и кончится, пока Пудовиков снова не захочет утешить себя. Из пятидесяти тысяч годового дохода половина шла на безобразия и на спаивание толпы прихлебателей. Обыкновенно, слухи и рассказы об этих безобразиях никого не удивляли, а только заставляли пожать плечами или сказать: «Да ведь это Пудовиков»... Остальное было понятно само собой. Рассказы о бесконечных подвигах Пудовикова могут составить целый том.

— И ведь свинья какая, — объяснял на весь вагон Черноногов, усаживаясь напротив меня. — Начал с подлости... Ведь был просто мужик... Понимаете: порты, рубаха, пояс — и больше ничего. Потом попал на прииски... Сделали штегерем⁷. Стал производить разведки на счет компании, которой принадлежали прииски. Ведь мужик, простой мужик, а всю компанию по миру пустил... И даже как просто:

места плохие разрабатывал, а хорошие оставлял в запас. Компания, конечно, лопнула, а Пудовиков разбогател... Вот те и клюква!.. Уж на что проще этого?

— Расскажи, Ипат Евсеич, как тебя в Екатеринбурге-то тово... — пристаивал кто-то к Пудовикову.

— Совсем по миру пустили, отцы, старика... Ха-ха-ха!

— Так тебе и следует: не безобразничай.

— Да тут никаких и безобразий наших не было... За здорово живешь! Видал, как бабы капусту чистят — так и меня... По листочку всего раздели, разуй их горой!

— Да в чем дело-то?

— Дело-то... дело самое обыкновенное вышло. Старуху мою подговорили разводиться со мной... О-хо-хо!..

— Нно-о?

— Верно тебе говорю. У ней свой аблакат, у меня свой. Ах, будь они от меня прокляты!.. Только и народец: по перышку общипали... Лжесвидетелей привели, меня на подсудимую скамью запытали... ха-ха!

— Ну и что же?

— Выправился... А старуху-то, старуху-то как облапошили! О-хо-хо!.. В одной рубашке отпустили, как есть.

— А ты ее за косу, как домой приедешь?

— Для порядку следует и за косу... Пучим малость. Она у меня и то на одно ухо ничего не слышит от моих уроков-то: как будану, так неделю и не дышит... Ха-ха-ха!..

Пудовиков показал свою пухлую десницу.

Короткие толстые пальцы смотрели врозь, как это бывает у очень полных детей.

— Такого земляка поднесу, что оглобля заплачет, — самодовольно проговорил старик, сжимая кулаки. — Отцы, испить...

Поезд мчался. Тагил скрылся за синевшими горами. В стороне одиноко высился Медведь-Камень. Он стоит на реке Тагиле и, по преданию, служил местом зимовки для Ермака. То же самое рассказывают и про Ермак-Камень на реке Чусовой, но и то, и другое неверно, потому что завоеватель Сибири зимовал в Искере на Иртыше. Солнце тихо спускалось к горизонту. От гор падали и тянулись длинные тени. Воздух получил особенную прозрачность, и менявшаяся картина гор была особенно хороша при этом вечернем освещении, когда верхи гор были еще облиты солнечным светом, а по логом и горным котловинам уже ложились ночные тени. Особенно хорош был в эту минуту лес: можно было рассмотреть каждое дерево, даже отдельные ветви. Трава кое-где пожелтела, но сквозь нее все еще проглядывали бледными красками полевые цветочки бедной северной флоры. Эта бледная зелень еще протестовала против холодных объятий осени и напрягала последние усилия, чтобы выгнать там и сям зеленые кустики новой травы. Для чего пробивались эти зеленые усики сквозь остывшую кору земли? Один утренник, и они смертельно побледнеют... Что-то невыразимо грустное чувствовалось в этой картине медленно умиравшей зелени, и только одна осина, дрожавшая с вершины до корня

пурпуром и золотом, переживала свою вторую молодость. Дорога медленно начинала подниматься все выше и выше; впереди уже недалек и перевал из Азии в Европу. Горы поднимались кругом, точно старались загородить дорогу; попадались крутые подъемы, высокие насыпи и смелые повороты, которыми линия дороги обходила горы. Мы быстро приближались к вершине главной горной массы Урала.

— Ты ведь дурак, Ипат Евсеич, — говорил кто-то Пудовикову из его приятелей. — Ну, посмотри на себя: свинья свиньей.

Пудовиков несколько времени старается повернуть голову в сторону говорящего, причем маленькие черные глазки, кажется, совсем готовы выпрыгнуть из своих орбит, но это оказывается решительно неосуществимым за отсутствием шеи, и он принужден повернуться всем своим туловищем, вернее тушей. Несколько мгновений он смотрит в упор на назвавшего его дураком, потом, сделав бессильный жест рукой, начинает хохотать тонким залившимся смехом с хриплыми нотами, которые постепенно переходят в удушливый кашель.

— Нет, ты в самом деле глуп, — продолжал тот же голос, — ты думаешь, что мы тебя провожаем? Ничуть не бывало. Ты для нас все равно что буфетчик: когда водка выйдет — до свидания, Ипат Евсеич. Да и какой интерес с тобой ехать: посади свинью в мешок, она и будет хрюкать, — так и ты.

— Да еще и подлец первостатейный, — при-

бавил другой голос. — Компанию разорил целую... А?.. Давно в Сибирь пора...

— О-хо-хо-хо! Уморили, отцы... — хрипел Пудовиков, падая на лавочку, как опрокинутая бочка.

— И ведь нравится же человеку, чтобы его ругали, — говорит Черноногов. — Этакое животное!.. И ведь каких орлов подобрал себе; один лучше другого. Вон тот, высокий, красивый такой, — это бывший исправник: гроза, землетрясение, последний день Помпеи, а теперь чуть не на посылках у Пудовикова, которого прежде за бороду таскал по улице. Да-с. Вот те и клюква!.. Заметьте, как судейские облизываются... Чует их сердце, что будет пожива, вот и вертят хвостами. Из первых рук украсть — и на то смелости нет, а хватить патоки шилом охота смертная... Как шакалы, — плетутся за львами да остаточки подбирают. А доктор... разорится, сердяга! Я был на открытии прииска: обед, шампанское, нас, прихлебателей, человек двадцать набралось... Да мы самого Ротшильда разорим, если нас угощать!.. А жаль доктора, славный парень... Плохо, коль пироги начнет печь сапожник, а сапоги тачать пирожник. Да-с. Эта золотая лихорадка к кому привяжется — до суммы доведет. А вот, обратите внимание на этого приличного господина, который держит себя с таким тоном: это, батенька, первый разбойник!.. Ни перед чем не остановится. Жену убил, старика-отца по миру пустил, а другой рукой жертвует на построение храмов, участвует в благотворительных комитетах. Вы по-

смотрите на него хорошенько: это уж настоящий хищник, а не чета этим прихлебателям.

Хищник сидел скромненько в уголке и смотрел кругом ленивым равнодушным взглядом, как только что пообедавший ястреб. Иногда он раскрывал глаза и начинал улыбаться. Что-то роковое чувствовалось при взгляде на эти сросшиеся густые брови, на ввалившиеся глубоко глаза, на эти мягкие крадущиеся движения.

— И, заметьте, какая выдержка, — продолжал Черноногов. — Ведь из сидельцев⁸ вышел, из-за кабацкого прилавка... Приведите его в салон, он и там живо освоится. Да-с, и мы входим во вкус всеобщего хищения: не любим, где плохо лежит.

— Скажите, пожалуйста, — спрашивал я своего собеседника: — ведь вы человек бывалый и знаете все входы и выходы — что значит *дутые* золотопромышленники? Мне несколько раз приходилось встречаться с этим названием.

— Дутые? Гм... Это, батенька, вот какая штука. Возьмем, примерно сказать, прииски около Кушвы или на Миясе... Положим, золото встречается в такой-то даче, на таком-то пространстве, которое все разделено между золотопромышленниками на маленькие участки. Но ведь золото не везде идет одинаково: у вас в неделю выпадает по фунту, а рядом с вами пять-шесть золотников. Разница громадная. Кто успел захватить богатые участки, тот, конечно, разбогатеет, но таких участков немного, и много золотопромышленников

просто закапывают деньги в землю или бьются из-за хлеба на воду. Все-таки часто видишь, что человек берет заведомо плохой участок и начинает его разрабатывать. Работает месяц, работает другой — все пожимают плечами, а там, глядишь, и пошло золото. Вот здесь и задача: дутый это или настоящий золотопромышленник? Дутые делают так: сядет на такой участок, а потом, тайно образуя, и начинает скупать у старателей золото... Уж те свое дело тонко знают, их не поймаешь, а если и поймал — чего с него взять? Тащи его в окружной суд, нанимай адвоката — да черт с ним совсем, дадут в шею, и ступай с богом. А дутого не поймаешь: он золото ищет — значит, придрататься к нему трудно; второе то, что народ прожженный — ухо остро держит. Теперь, положим, приезжает на прииск горный ревизор; ему говорят так и так, есть подозрение на какого-нибудь Иванова или Степанова. Ревизор, между прочим, завертывает и к Иванову или Степанову: книги в исправности, кружки за печатями, золото из доли в долю... «У вас нынче золото порядочно идет?» — спрашивает ревизор. — «Пока ничего, ваше высокоблагородие, нечего господу бога гневить; не знаем, как напередки»... отвечает Иванов или Степанов, а сам и глазом не моргнет. — «А ты меня все-таки не проведешь, такой-сякой, — думает ревизор: — старого воробья на мякине не обманешь»... Пойдет ревизор взглянуть на промывки, как идет дело. Тут уж, кажется, деваться некуда: если пески пустые — мат, сейчас подозренье. Придет ревизор к вашгерду

и начнет наблюдать, как идет промывка. Дождется, когда станут доводить — смотришь, на сто пудов песков целый золотник выпадает. Прииск оказался богатым, потому что можно с выгодой разрабатывать пески с содержанием тридцати долей на сто пудов песку. Ревизор так и уходит, с чем приходил. А дело самое простое: пока он наблюдает промывку, кто-нибудь из старателей и подбросит на вашгерд золото... Где их поймашь, дьяволов. Ревизор-то еще идет на вокзал только, а дутые уж получают телеграмму, что так и так, ждите гостя. Где тут уследишь!.. Одним словом, прожженный народ, и конец.

— А свои — золотопромышленники — знают ведь все эти проделки?

— Как же не знать, не маленькие. Только посудите сами: знает, доподлинно знает, а доведись дело до суда — один свидетель врет то, другой другое... Да тут сам черт ногу переломит, а время идет, хлопоты, расходы. Богатый золотопромышленник не станет рук марать, кто победнее — тому забота о своей голове, а не то, что суды затевать. Конечно, бывают случаи... только редко! Под пьяную руку обругивают, тем дело и кончится. А, глядишь, человек капитал нажил и пошел в гору... Да-с.

Поезд подходил к станции Лая. Мой соседник начал застегиваться; он немного протрезвился и походил на человека, который только что проснулся.

— Вы, кажется, здесь выходите?

— Да... Нужно повидать кой-кого. Отсюда дорога на прииски, наших много. Хотелось

проветриться, только вряд ли, — с печальной улыбкой проговорил Черноногов, кивая головой на поднявшуюся кучку золотопромышленников. — Вон какая орда, разве тут есть какая-нибудь возможность не спиться порядочному человеку. Один пьет с радости, другой с горя или со скуки, третий за компанию... Так и плывем, выражаясь фигурально, по реке всероссийского забвения. А кстати, вы слышали об убийстве лайского управителя Копылова?

— Да, мельком.

— Вот всего в нескольких верстах отсюда это и произошло, в Лайском заводе.

— Вы знаете подробности этого дела?

— Даже очень хорошо знаю. Видите ли, покойный Копылов был из самоучек. Умница и честнейшая душа. Есть чем помянуть — только это так, к слову, потому был человек не чета нам, многогрешным. Вот он и задумал тогда эти отдачи общественных кабаков... Понимаете? Раньше три-четыре тысячи шли в карманы кабатчиков, а теперь они оставались у общества. Копылов на эти деньги задумывал основать постепенно и ссудосберегательное товарищество, и кассу для вспомоществования увечным рабочим, и т. д. Одним словом, если уже вы, дескать, трескаете эту водку, так пусть барыши с нее не попадают в карманы кабатчиков, а идут на доброе дело. Мысль здравая, как видите. Только, конечно, она не понравилась местным целовальникам, а они взяли да застрелили Копылова. Вечером он стоял у себя в комнате, его наповал

из окна и шарахнули. Заметьте, ставни были закрыты — в щель выстрелили. Ну, следствие, суд. Притянули и кабатчиков. Молодой парень, который стрелял, повинился, а старики, между прочим, отец убийцы, которые его подговорили на это дело, — заперлись. «Знать ничего не знаем, ведать не ведаем»... Всех сослали в каторгу. Да-с!.. Это было... позвольте... да, в 1878 г., следовательно, в последней четверти нашего просвещенного девятнадцатого века. Отчаянный народ. Слыхали про Лесникова? И его, голубчика, недалеко отсюда поймали. Однако я совсем заболтался с вами. До свидания, батенька!

— Ну, вылезай, Ипат Евсеич, — говорил кто-то Пудовикову, когда он подходил к двери. — Подбери утробу-то, а то, пожалуй, еще застрянешь...

Пудовиков, действительно, кое-как пролез в дверь, и вся компания повалила за ним по платформе пестрой галдевшей кучкой.

Подвиги Лесникова и сам он настолько типичны, что мы остановимся на этом исключительном явлении.

Мы приведем его подвиги в порядке времени их совершения:

а) 16 сентября 1878 г. был убит караульный при памятнике, поставленном на водоразделе Урала, близ деревни Кедровки; целью этого убийства было желание воспользоваться теми золотыми и серебряными монетами, которые были заложены под фундаментом памятника.

б) 21 сентября 1878 г. в 8 верстах от Ека-

теринбурга по Верхотурскому тракту был убит крестьянин Васильев и найден в бесчувственном состоянии другой крестьянин, Ладейщиков; крестьяне торговали арбузами и возвращались в Екатеринбург с деньгами, которые были у них отняты.

с) 26 сентября 1878 г. в Екатеринбурге в доме купца Петрова была найдена на дворе убитой кухарка Кривдина; много вещей было похищено у Петровых, потому что Кривдина оставалась в доме одна.

д) 29 сентября 1878 г. в окрестностях Екатеринбурга около Генеральской дачи был найден убитым крестьянин Волоковых.

е) в ночь на 14-е октября 1878 г. в Ревдинском заводе было убито целое семейство Козыриных, состоявшее из мужа и жены, двоих приемных детей и посторонней девушки; цель убийства — грабеж.

Лесников был задержан по обвинению в убийстве Козыриных, но 30 июля 1879 г. ему удалось бежать из екатеринбургского острога, и он был пойман только 14 сентября 1879 г. в селе Верхне-Туринском, Верхотурского уезда. В этот промежуток времени Лесников заподозрен и признался в нескольких кражах — у чиновника Бетева (на 114 р.), у купца Колчина (на 4000 р.).

Дело Лесникова слушалось в екатеринбургском окружном суде 25 июля 1880 года. Он предстал перед присяжными заседателями во главе своей шайки, главными деятелями которой были, кроме него, мещанин Максимовский, крестьянин Плюснин, извозчик Го-

ломидов, крестьяне Давидов и Сажаяев. Сам Лесников назвался мещанином гор. Свенцянны, родных никого не помнит, по происхождению — русский, по вере — старообрядец. Из взводимых на него обвинений он признал себя виновным в убийстве арбузника Васильева, кухарки Кривдиной и семейства Козыриных. На вид Лесникову можно было дать лет 30—35. Это был среднего роста очень красивый господин, одетый на манер купчика средней руки. Глядя на его красивое умное лицо с небольшой русой бородкой, никто не заподозрил бы в нем страшного преступника. Держал себя Лесников все время процесса с большим тактом, не затягивал дела пустыми вопросами, не сбивал свидетелей, не запирался. Видно было, что он желал только одного, — чтобы поскорее кончали дело и отправили его на место заключения. Впереди представлялась перспектива убежать откуда-нибудь из пересыльной тюрьмы или с этапа. Суд, на основании вердикта присяжных, постановил Лесникова и Максимовского сослать в каторжные работы без срока; первого, кроме того, наказать 45 ударами плетей; Плюснина — в рудники на 20 лет; Голомидова — на 13 лет; Сажаяева — на 7 лет и Давидова — на 10 лет.

По недостатку места мы не можем во всех подробностях представить эту картину непрерывно следующих одно за другим убийств, — одно число убитых в такой незначительный промежуток времени говорит уже само за себя. Но ведь это только приведенные в известность подвиги Лесникова, а что стоит там, прежде,

чем он совершил свое первое доказанное на суде преступление? Когда изверги, подобные Лесникову, находят возможность убежать из тюрем, — чем гарантировано достояние, честь и жизнь обывателей?.. По газетным известиям, Лесников опять успел бежать и опять был пойман где-то, кажется, около Москвы.

Х

КУШВА — ЧУСОВАЯ

Мы переваливали из Азии в Европу. Поезд спускался к реке Чусовой. По сторонам дороги те же горы, тот же лес. В вагоне пассажиры менялись: одни оставались на станциях, другие занимали их место. Один старик переселенец оставался на своей скамье и теперь, подняв воротник своего кафтана, дремал, покачиваясь из стороны в сторону.

— Не хотите ли полюбоваться? — спрашивал какой-то голос.

— А у вас что?

— Да так, для жены купил в Екатеринбурге...

Двое господ в европейском платье подходят к огню и рассматривают что-то завернутое в бумажке.

— Это хризолиты?

— Да. А вот это александрит: днем он, как изумруд, а при огне, как рубин. Очень интересный камешек.

— А сколько вы заплатили?

— За хризолиты по пяти рублей.

— Вы шутите?

— А за аметисты по пятнадцати.

— Не может быть! Да я на пять рублей целый десяток купил.

— Покажите.

Слышится торопливое развязывание дорожного чемоданчика, звон отпираемого замка. Скоро дешевые драгоценности появляются перед огнем и подвергаются самому тщательному осмотру.

— Ну, что? Даже больше ваших, — говорит счастливый обладатель дешевой покупки. — А вы, я думаю, прямо приехали в магазин, спросили показать, порядились для успокоения совести, а потом и заплатили дикую пошлину какому-нибудь Лагутяеву или Конасву. Ха-ха! Очень уж вы просты, батенька...

— А вы как сделали?

— Я сижу в своем номере; спрашивает лажей, не желаю ли я купить камней. Мужичок какой-то принес... А, подавай сюда мужичка. Входит этакой оборванный субъект, достает из голенища грязную тряпицу, а в ней так и горят аметисты, хризолиты, шерлы...⁹ У меня просто глаза разбегаются. Ну, понимаете, рублей на триста, а запрашивает полтораста. Я его, грешный человек, поприжал, потому ему деваться некуда: в магазинах дадут ему грош за них, а покупателей там жди еще. Я у него все камешки за 75 рубликов и купил! Ха-ха... Вот как, батенька, нужно делишки обделывать. И мне выгодно, и ему выгодно: бедный человек, а 75 рублей деньги. Стал прощаться, я и говорю: «Покайся: хапа-

ные камешки?..» Он посмотрел на меня и только засмеялся. Плут-народ. Кочнев купил у такого мужичка аметист с куриное яйцо за 10 рубликов. Теперь дают ему полторы тысячи: не берет.

— Послушайте, ведь вы накупили обыкновенных цветных стекол, — говорит кто-то.

— Не может быть: мужик, настоящий мужик и в грязной тряпице вынимает их из голенища.

— Да это самая обыкновенная история.

Завязывается спор, и камни еще раз подвергаются осмотру. На этот раз их пробуют о стекло, спускают в стакан с водой — действительно, камни оказываются поддельными. В вагоне раздается громкий хохот.

— Поздравляю вас с покупочкой, — говорит первый голос.

— Ах, подлец!.. Ведь, понимаете: самый обыкновенный мужичонка, да я бы его... Да это дневной грабеж! Семьдесят пять рублей как в собаку бросил... а?.. Уж именно, одно слово: Сибирь, — Сибирь и есть.

— Это очень просто делается, — говорит господин, обличивший подделку. — На Ирбитскую ярмарку привозят такие аметисты и изумруды пудами. Потом разные аферисты нанимают этих мужиков подходящих, завертывают камни в грязную тряпицу, потом за голенище и к покупателю. Вот, как с вами...

— Тьфу!..

— Обыкновенно приезжающих так обманывают, а то и своих подведут. Камни так же трудно покупать, как лошадей. Один мой зна-

комый торговец купил таким же образом изумруды, — отличные камни, и за бесценок. Тоже думал, что от бедности или хапаные. Покупка была сделана в магазине, вечером. На другой день смотрит: камни в трещинах. Значит, цена им грош расколотый. Это как по-вашему: сегодня нет трещин, а завтра они объявляются.

— Да черт их знает... Может быть, такие же стекла, как у меня!

— Нет, камни настоящие. Дело в том, что прежде чем идти продавать, их смазывают каким-то маслом, потом слегка нагревают — трещин как не бывало, особенно при огне.

— Чего говорить: прямые разбойники. Нет, вы представьте себе: ведь мужик, в грязной тряпице, из-за голенища... а? Видно, плакали мои семьдесят пять рубликов.

Слышится смех. Кто-то начинает утешать любителя дешевых покупок тем, что вот такого-то на столько-то надули, другого на столько-то.

— Можно сказать: утешили... Уж только и сторонка!..

— Это еще что: семьдесят пять рубликов — не велика важность, — говорит пожилой господин.

— Не желаете ли: уступлю за половину цены?.. Что же, по-вашему, еще можно сделать с человеком: голову ему отрезать только и остается.

— Нет, зачем же голову резать... Это в прежние времена действительно зверство большое было, за копейку душу губили. По-

ннешнему все это по-благородному, так что и не услышишь, как по миру пустят. Слышали, может, что Сергинские заводы продали?

— Да, мельком слышали.

— Вот это так дельце: чистенько сделано!..

— Именно?

— Да, видите ли, эти заводы принадлежали К. М. Губину. Он умирает. После него остается двое сыновей и жена. Заводы находились в отличном положении и давали громадный доход. Опекуном над детьми назначают некоего У-ва, за которого вдова вышла замуж. Этот У-в повел дело бойко: деньги, которые оставались, размотал, а потом ухитрился заложить в Государственный Банк несуществующий металл.

— То есть как же это так: слепоту, что ли, навел на всех?

— Да около этого. При участии горного исправника и некоторых других горных чинов У-в сначала закладывал в банк листовую болванку, потом первый передел из нее и, наконец, совсем выделанное листовое железо. Понимаете: три раза закладывать одно и то же железо. Только эта механика У-ва в 1863 г. и обнаружилась в Нижнем. Ну, пошло это самое дело гулять по судам, а в 1874 году вырешилось окончательно: У-в был лишен прав состояния, обвинен в мошенничестве и подлежит ссылке в Сибирь. Что же бы вы думали: решение приходит, а У-в лежит на столе. Денег забрал он в казне около миллиона, а с процентамиросло к этому времени целых два миллиона, которые нужно было взыскать с

его имущества, а он умер. Ну, соответствующее министерство и перевело долг У-ва на заводы: У-в же ограбил наследников, а они должны платить за него долг.

— Это ловко! — слышится в публике.

— На что лучше... Теперь дальше. С 1863 г. по 1865 г. назначается казенное управление над заводами. Горный инженер — управляющим и все такое. Управляющий забирает из государственного казначейства на усиление заводского действия 720 тысяч рублей. Усиления не произошло, инженер получил отставку, а долг перевели на наследников.

— Ха-ха-ха, — хохочет господин, купивший стекло. — А наследники малолетние? Ловко...

— После этого Сергинские заводы переходят к какому-то родственнику наследников, К. Он, видите ли, обязывался заплатить и долг У-ва, и долг казначейству. Два года управлял заводами, а потом захватил из караванной конторы 267 тысяч да и удул с ними за границу. Только его поймали, потом объявили несостоятельным должником, и все тут.

Около рассказчика собирается целая кучка слушателей. На всех лицах написано самое напряженное внимание, быстро сменяющееся улыбкой. Некоторые качают головами, другие хохочут, закинув голову назад. В воздухе отдаются отрывочные замечания: «Ловко!» «На что лучше...» «Вот так штука!»

— После самого этого случая, — продолжает рассказчик, — заводы передаются в опекуновское управление. Управляющим был назначен Т-ов. Он поднял заводы так, что они

давали дивиденд до 400 тысяч ежегодно. Только в 1876 году этого Т-ова устраняют. Видите ли, в это время старшего из братьев наследников подговорили объявить себя несостоятельным и над наследством был назначен конкурс. Понимаете?

— Обнаковенное дело, — проговорила какая-то чуйка: — ежели ты себя несостоятельным почувствуешь, сейчас над тобой эту самую конкуренцию и объявят.

— Теперь вместо Т-ова конкурс и выслал управляющим своего поверенного, И-ского. Из казаков он или из матросов, — не помню. Как И-ский поступил управляющим, на следующий же год дивиденд от заводов с 400 тысяч ухнул на 80. Наследники жаловаться. Доказывают, что и эти 80 тысяч облыжные: в них И-ский запятил неоплаченные земству повинности, тысяч 18, да еще железо, которого осталось от Т-ва тысяч на 25 с лишком. Ну, пока эта жалоба ходила и всякое прочее, И-ский успел похозяйничать в свою волю. Рассказывают, что в один вечер проигрывал тысяч по 40...

— А наследники-то чего смотрели?

— Говорю: жалуются. Хорошо-с. В 78-м году И-ский пермской дворянской опекой был уволен от своей должности, а через две недели опять воротили его на прежнюю должность. Одним словом, тут заварилась целая каша: в этой дворянской опеке председателем был В., старик 60 лет, из солдатских детей, членами — бывший стряпчий П., 78 лет, и бывший становой В., за подлог уволенный от

должности и просидевший в Ирбитской тюрьме 3 года. Вся эта компания получала жалованья по 28 рублей на брата. И-скому ничего не стоило поворачивать их, как он хотел. Только в это дело вступился губернатор. И-ского три раза сменяли и опять назначали, а в 1879 году его притянули в окружной за захват чужого имущества. За заводами одного казенного долга числилось около 4 миллионов, и они были назначены к продаже. Вот тут двое и хотели уцепить их: наш кунгурский купец Губкин, да еще барон Гинцбург. Тянулись, тянулись они между собой; Гинцбург перетянул.

— Значит, Сергинские заводы попали теперь в крепкие руки?

— А наследникам-то что досталось?

— Наследникам?.. Говорят, что им отступное дадут. Губкин обещал тысяч сто, а Гинцбург, может быть, и все двести отвалит.

Слышится смех, сожаления и тяжелые вздохи.

— Говорят, адвокат-то, который хлопотал по делу наследников, совсем разорился.

— Тут разорят... Вот какие все осетры сидели!

— Ах, господи, господи! — умиленно шептал седенький старичок, покачивая крошечной круглой головкой. — Оставил родитель деткам наследства, может, и все десять миллионов, а на вот, поди, получают — не получают каких-нибудь десять тысяч... Куда же остальные денжки ушли?

— Не знаю, правду или здря народ болтает, — заговорил купчик, хранивший все вре-

мя упорное молчание. — Мы года этак с четыре назад были на ярмарке, в Ирбите. Только зашли это мы своим опчеством в тياتр. Представляли уж не помню что, — не в себе был немножко. Только эдак сидим мы, а наш же купец, может, слышали Рубашкина? — и толкает меня этак локтем: «Смотри, говорит, в переднем ряду в креслах сидит И-ский»... «Знаем», — говорю. А Рубашкин опять: «И-ский опекуном от конкуренции, а вот сейчас, говорит, и наследник выйдет на сцену». Это они ему, то есть наследнику, значит, денег не выдавали, так он в актеры поступил. Наследник-то представление представляет, а опекуны ему ручками хлопают...

— Ах ты, господи батюшка! — стонал седенький старичок, покачивая своей головкой, как фарфоровый китаец. — Поистине сказано, что не копите сокровища ваша на земли, ибо их ржа поедает и татии подкапывают.

Воспоминания об Ирбитской ярмарке заслонили собой Сергинские заводы и судьбу их бывших владельцев. Преобладающий элемент составляли купцы и какие-то темные личности «из благородных»; те и другие, вероятно, были постоянными посетителями ярмарок, поэтому разговор скоро перешел исключительно на Ирбитскую ярмарку.

— Уж на что, кажется, Нижний, ярманка первеющая, а супротив Ирбита относительно этих безобразияев не бывать... Ведь и купцы-то одни ездят, а вот поди.

— В Ирбите начальства меньше и потом эти азняты всякие наедут. Другой такой, гос-

нодь с ним, уродится, что страсть на него смотреть... Попадет ему в голову-то, — он на стену лезет. Наш брат и то ума решается. Да вот Рубашкин, Иван Петрович, сейчас про него говорили: трезвый смиреннее курицы, а как вступило в голову — конечно, такую обедню отслужит, что на — поди. Как-то таким манером сидим в трактире, пьем чайшко — Рубашкин и вкатывается. Всселенько так поглядывает кругом и пальцами перебирает: значит, удивить хочет всю публику. Мы ждем, что дальше будет. Рубашкин сел посредине залы: «Человек!» «Что прикажете?» «Полдюжины шампанского». Приносят шампанское. «Тащи медный таз». Приносят таз. «Мыла»... Принесли мыла. «Теперь мой мне шампанским голову». И вымылся!

— Чудотвор...

— А которые восточные человеки да картежники, те насчет женского полу больше безобразничают... Возьмут кошевую, устелют ее коврами, посреди столик соорудят, выпивку поставят, да с женским полом и заберутся в кошевую. И чистый ад кромешный: песни, визг, крик, сквернословие!.. Так целую ночь и кружат в кошевой по ярманке-то. Даже смотреть неприятно со стороны, когда это образ и подобие божие люди теряют. Все равно, как зверь — увидал мясо и расстервенился. Тьфу! Будь они от меня прокляты.

— Нет, это что!.. Я вам расскажу об иркутских купцах, — говорит кто-то, сладко растягивая слова. — Вот уж когда это матушка Сибирь развеселится — всех святых вон по-

неси... Куда азиятам супротив иркутских купцов!

Начинаются рассказы про подвиги иркутских купцов, все оглядываются, нет ли где-нибудь женщин, потому что рассказы такого свойства, что в своей компании только и можно рассказывать. Седенький старичок благочестиво отплевывается, какая-то чуйка сдержанно ржет, закрывая рот рукой, господа, едущие с камнями, слушают с умилением. Рассказ прерывается только восклицаниями.

Поезд мчится в густом белом тумане. Кругом ничего не видно, точно мы плывем в облаках. Монотонное постукивание нагоняет дрему: стараешься уснуть, поудобнее протянув ноги, но ни то, ни другое не удается, и страшная усталость овладевает всеми членами.

Поезд начал замедлять ход. Скоро станция Чусовая, к которой проведена Луньевская ветвь. В двух шагах от станции проходит знаменитая река Чусовая.

— Это, значит, угольный камень отсюда поворачивают? — спрашивает кто-то в толпе, ожидающей у выхода на платформу остановки поезда.

— На заводах луньевский уголь зубным порошком зовут.

Слышится смех. Поезд останавливается. Толпа вразброд несется к буфету, как делают солдаты на ученьях атаку. Поезд стоит на станции около получаса. Время найдется и червячка заморить и побалагурить с публикой из других вагонов. Купечество навалилось на чай. Ташкентский офицер успевает сделать за-

раз два дела: пить чай и знакомиться с какой-то дамочкой, которую сопровождает толстый господин, обладающий счастливой способностью спать на ходу. Купцы перемигиваются и толкают друг друга коленками.

— Я думаю, как вы рады, что, наконец, возвращаетесь на родину, — говорит жеманно дама, раскрашивая одной рукой хлеб.

— И дым отечества нам сладок и приятен, — отвечает офицер, покручивая вытянутый в ниточку ус.

Один из купцов подавился сухарем. Публика смеется.

— Куда торопишься, ведь не каплет над нами, — усовещивает его сосед, обсыпая свою бородку крошками. — Мы еще успеем и безногого щенка подковать... Вам чего: очищенной или коньяку?

— Как, я думаю, страшно теперь в Ташкенте, — говорит один из купцов, обращаясь к офицеру.

— Почему вы так думаете?

— Как почему: а текинцы?

— Это совсем в другой стороне, — объясняет офицер. — Потом, текинцы давно уже помирились с нами.

Купец несколько времени смотрит, вылупив глаза; он, очевидно, подавлен собственной необразованностью. Тяжело вздохнув, он снимается с места и подходит к буфету, где уже целая компания подковывает безногого щенка — кто водкой, кто коньяком. Несколько облагороженных купчиков держатся в стороне от своего прототипа и стараются показать из

себя коммерсантов самой последней формации. В одном углу прижалась бледная раскрашенная кучка «прелестных, но погибших созданий», возвращающихся с Ивановской ярмарки. Эти «жертвы общественного темперамента» спешат в Нижний.

XI

РЕКА ЧУСОВАЯ

Река Чусовая, вероятно, будет в непродолжительном времени служить одним из любимых мест для русских туристов, ученых и художников. Немного найдется таких уголков на Руси, где сохранились бы во всей своей неприкосновенности суровая красота дремучего северного леса, где пред вашими глазами в такой величайшей панораме разворачивались бы удивительные картины гор, равнин и скал, где, наконец, самое население, образ его жизни, историческое прошлое, нравы, условия труда, — все было преисполнено такой оригинальности и своеобразной поэзии. Грядущий турист отдохнет в этих горах и лесах, художник найдет обильный материал для своих альбомов, ученый, без сомнения, встретит много интересного по части геологии, ботаники и этнографии в обширном смысле слова. Конечно, Чусовая — дикая река, и эта дичь пугает российских путешественников, художников и ученых. Они привыкли наслаждаться южным небом, красотами моря, а на Чусовой не встретишь шотландских коттеджей, ни швейцар-

ских шале, ни итальянских вилл, ни поэтических развалин старинных замков и крепостей, не встретишь, наконец, этих развеселых, излюбленных насиженных местечек, куда стекаются знатные иностранцы всех частей света. Кто чего, конечно, ищет и кому что нравится; у всякого барона своя фантазия...

Все течение Чусовой резко делится на две части — одна, когда она течет в камнях (горы здесь называют камнями), и другая, когда она выбегает из камней у деревни Камасиной, как раз в том месте, где ее перерезывает Уральская железная дорога. Самая интересная, конечно, первая часть. Тут вы встретите поразительные картины. Бойкая горная река вьется между высокими горами. Иногда кажется, что она течет по извилистой улице какого-нибудь средневекового города, — отвесные скалы стоят сплошной стеной сажень в 60 высоты, и вы можете при некоторой живости воображения различить даже остовы стен, обрушившиеся арки и своды, карнизы, амбразуры, воздушные башенки, летящие к небу колонны. Река постоянно делает крутые повороты и глухо шумит у подножия знаменитых бойцов, о которые разбилось столько барок. Тихие плеса, где вода стоит, как зеркало, чередуются с опасными переборами, где волны прыгают между подводных камней и с глухим ревом и стоном обгоняют и давят друг друга. Что ни шаг вперед, то новая картина: здесь скала нависла над рекой, и вода в почтительном молчании катится железной струей под каменной громадой; там боец¹⁰ по колена в воде

стоит где-нибудь на крутом повороте и точно ждет своей добычи; а вот на низкой косе рассыпалась русская деревенька, точно эти домики только сейчас вышли из воды и греются на солнце. Эти причудливые очертания скал, эти зеленые горы, эта могучая северная красавица-река, — все это складывается в удивительную картину, поражающую своими угрюмыми красотами. На ваших глазах совершается та тысячелетняя работа воды, которая по песчинке разрушает первозданные горные породы. Далее, вы видите, как лес отвоевывает себе каждый вершок земли у воды и голых скал. Отдельные деревья лепятся на страшной высоте, цепляясь за выступы камней и запуская узловатые корни в трещины и щели. Некоторые не выдерживают этой борьбы за существование и готовы упасть в реку.

Из отдельных камней, которые имеют свои названия, мы назовем: «Столбы» (на одном из этих столбов, т. е. отдельных утесов, можно рассмотреть сгорбленную старушку, которая точно читает книгу), «Кирпичный» (длинная и высокая скала, точно выложенная из кирпича), «Дружной» (обнаженные пласты расположены дугами), «Пять братьев», «Плакун» и т. д. Немного ниже железнодорожного моста на Чусовой, сейчас за деревней Кумышем стоят знаменитые бойцы «Горчак», «Молоков» и «Разбойник». В 1877 году из 523 барок, составлявших чусовской караван, об один только «Разбойник» разбилось 23 барки. По этому одному примеру можно судить, какие опасности представляет Чусовая для плавания. Ког-

да случится весна дружная, т. е. снега начнут таять быстро, вода против летнего горизонта подымается аршин на семь и более. Здесь совершается стихийная борьба, и река, как бешеный зверь, мечется в своих берегах, разрушая все на своем пути. Особенно страшен тогда боец Молоков, получивший и свое название от того, что под ним вода превращается в молоко, т. е. в пену. Молоков представляет собой скалу, которая обращена против течения реки косою плоскостью; вода взбегаёт по этой плоскости вверх и, отброшенная назад, с ревом и грохотом опять падает в реку. Этот страшный обратный поток образует майданы, т. е. гряду очень больших волн, которые перерезывают реку в косом направлении. Движение воды настолько здесь стремительно и неистово, что образуется даже так называемая суводь, т. е. обратное течение, отделенное от майданов резкой линией, рубцом. Майданы несут воду вниз от Молокова, а суводью часть воды опять возвращается вверх по реке, к самому бойцу. Страшно видеть эту резкую противоположность: майданы несутся с ужасающим ревом и стоном и сейчас же за ними начинается суводь, где вода движется вверх по реке спокойным и медленным током. Можно себе представить участь барок, которые проходят под Молоковым... Некоторые из них силой воды, при ударе о боец, переворачивает прямо вверх дном, а между тем барка имеет в длину 18 сажений и в ширину 4 сажени, в ней грузу 15 000 пудов и около шестидесяти человек бурлаков. Представьте же себе

эту картину, когда такая барка перевертывается вверх дном или когда в один сплав, продолжающийся два-три дня, один боец убьет 23 барки. Мы только можем еще раз пожалеть, что наши художники так упорно обходят такой благодарный материал: не знаешь, чему удивляться — силе водяной стихии, которая ведет борьбу со скалами, или смелости русского человека, который на сшитых на живую нитку суденышках борется с взбешенной водой и с бойцами.

На станции Чусовой в наш вагон сели два мужика, которые сразу обратили на себя общее внимание. Они, собственно, на обыкновенных мужиков не походили: среднего роста, плотные, с смышленными серьезными лицами; одеты в короткие полукафтаны, сверх которых широкие зипуны¹¹ из толстого крестьянского сукна. Один из них, с небольшой русской бородой и серыми глазами, оказался очень разговорчивым стариком и большим шутником.

— Вы откуда будете? — спрашивает кто-то.

— Мы-то?.. С Межевой Утки приходимся...

— В Пермь?

— В Пермь.

— А зачем больше?

— Да мы сплавщики, так по своему делу.

Утчане по всей Чусовой славятся как лучшие бурлаки, а уткинские сплавщики пользуются еще большей известностью, потому что знают Чусовую как свои пять пальцев. Тип чусовского сплавщика вообще заслуживает

внимания. Представьте себе простого безграмотного мужика, который вынашивает в своей голове все течение Чусовой на расстоянии четырехсот верст, с тысячами мельчайших подробностей, со всеми ее опасными местами, переборами, бойцами, ташами, мелями и т. д.

Нужно иметь колоссальную память, чтобы удержать все это в голове. Сплавщик, помимо знания реки, должен отлично знать свою барку, должен примениться в каждом данном случае к известному уровню воды в реке, быстроте течения, законам движения барки по речной струе. И все-таки, зная все это, часто сплавщик оказывается негодным, потому что у него недостает двух главных качеств: смелости и умения хорошо поставить себя между бурлаками. Последние качества безусловно необходимы.

Дело иногда в нескольких секундах: одно сомнение, — и барка идет ко дну.

— Отчего вы по планам не плаваете? — спрашивает кто-то из публики.

— По планам, сердечный друг, невозможно... Тут небо с овчину покажется, а ты: отчего не по планам. У нас один этак же думал, было, по планам-то плыть... Из приказчиков был. Ну, прямо в острожье и приехал.

— Отчего это барки разбиваются? — спрашивает какой-то наивный человек. — Ведь можно как-нибудь устроить так, чтобы обходить камни. Ну, там людей больше поставить на барку, паруса, руль. Уж неужели невозможно?

Сплавщики только переглянулись.

— Как это вы запоминаете столько разных примет? — спрашивает другой.

— Сызмальства привыкаем. У меня дедушка был сплавщиком и отец тоже. Ну, еще лет по двенадцати плаваешь по реке и запоминаешь, что и где. Сидишь рядом с отцом на скамеечке, он и показывает. А после в учениках уж плаваешь... Да по вешней воде не больно мудрено плавать, тут много нашего брата сплавщиков, а вот по межени, осенью значит, ну, тогда не всякий поплывет. На другом переборе вода в шести вершках стоит — ошибся на волос и посадил барку на таш (подводный камень) или на огрудок (мель). Тут поваландаешься с ней, с баркой-то... Другой раз осенью плывешь в сентябре, народ нейдет в воду, хоть ты што хошь.

— Как же вы делаете, если народ нейдет в холодную воду?

— Как делаем? А самое простое дело: купишь ведро водки, поднесешь по стаканчику — да тут зубами барку выволокут. Очень уж падок народ до этой водки... Голытьба, бедность, одежонки у него никакой нет на себе, а получил деньги — первым делом в кабак. Вот такой отчаянный у нас народ!.. Или тоже весной: обмелела барка... Тут два часа пропустили и шабаш: вода ушла. А надо лезть в воду, это в начале мая, когда лед ищо идет по Чусовой.

— Опять водка?

— Водка... Ей все сделаешь. Тут уж не мы орудуем, а караванные да приказчики.

— Ведь бурлаки могут простудиться в ледяной воде?

— Это уж ихнее дело: всяк Еремей про себя разумеет. Наше дело снять барку, а там, как знаешь.

— Куда же вы с больными девааетесь?

— Да куда с ними деваться: положат в лодку и везут в первую деревню, — там уж как господь подаст. Ежели ему жить, — так выправится, а если не жилец — так одна дорога.

— После сплава у вас на пристани, вероятно, очень много больных бывает?

— Бывают и больные, как не быть. Только ведь весной-то народ больше чужестранный; с разных сторон набредет такой народ, что страсть смотреть на них... Столь они худы из себя! Дома-то без хлеба зиму сидит, а тут его на сплавы за тыщу верст пригонят.

— Как пригонят?

— Да ведь весной надо народу на барки тысяч сорок, а нам где их взять? Своих чувовских наберется — не наберется тыщи три-четыре, да с заводов набежит столько же, а остальные все чужестранный народ. После рождества этак караванные и рассылают приказчиков по разным губерниям: в Вятскую, Уфимскую, Казанскую. Народ там совсем оглашенный живет, потому земля недородная, а промысла у них не обзаведено, — беднота страшная. Слышь, хлеб-то пополам с осиновой корой едят... Ну, где этакому мужику, ежели он, как заяц, осину гложет, — где ему подати выправить? Так все недоимки и оста-

ются, а взять не с кого: с голого, что со святого — взятки гладки. Ну, как наедет приказчик в ихнее село, сейчас к старосте или старшине там, а те уж дожидаются этого случая, потому им тоже лафа... Соберут сход. «У кого недоимки?» Всех и перепишут идти на сплав, а приказчик вперед задатки выдаст. Так дело и сладится. Эти подряженные люди уж должны будут сами прийти на пристань. Другому всего получать придется рубля два-три, а он, сердяга, до пристани идет тысячу верст, там ждет каравана другой раз с месяц, потом, если господь принесет, доплываст благополучно до Перми, ему опять пешедралом молоть до дому-то верст шестьсот. Так Христовым именем и бредут, а другому и это нельзя, потому много пригоняют татар... Страсть на них глядеть, как они придут на пристань-то: одна рвань!.. Сухонькую корочку добудет из котомки, размочит в воде да и ест... Вот и весь его харч. Да и корка-то у него далеко не родня нашей: половину отруби, половину осины. У нас по пристаням уж ждут их: зимой-то корочки там, ну, чего заведется — редька ли, капуста ли, заместо того, чтобы коровам травить, сваливают в кадочку, а весной бурлаки все съедят. Раскупают нарасхват все, только дай да еще спасибо скажут.

— А сколько они получают за сплав?

— Да рублей восемь — десять получают, ежели окромя штрафов.

— А за что же штрафуют?

Как за что: барку в воду сталкивают,

а он не придет, — ну, и оштрафуют. За все штрафуют.

— Это за десять рублей бурлак должен проработать месяца два?

— Два-то верных, ежели кто из дальних.

— И не бегут они с дороги?

— Невозможно, милый человек. И рад бы удрал, а невозможно. Ведь приказчики зря не будут давать задатков. Все по круговой поруке. Так из деревни артелкой и выходят: ежели один сбежал, другие платят за него. А куда он побежит? Ведь в свою же деревню, а там его так примут, что на край света пойдут. Так и дойдут они до пристани, честь честью. А вот когда беда приходит: ежели весна выйдет поздняя — ну, тут шабаш! Другой раз до 15-го мая нельзя плыть — или воды нет, или она одолит совсем. Вот тут задача выходит. Дело близко к Егорию вешнему, это значит на 23-е апреля, так вся эта голытьба и рвань на стену и полезет, а как наступит Еремей-запрягальник, первое мая значит, конечно — кто куда, так все и разбегутся. Тут и полиция и исправник, — шабаш, задувают домой и шабаш. Ведь дома-то у сердечных пашня ждет, а што, ежели он пропустит свое время, тут ведь прямо ложись и помирай. Так и разбегутся, чего с них взять-то, с оголтелых.

— Так, значит, если чуть что, сейчас водка?

— Первым делом. Ты вот ледяной воды испугался, это еще что — это так, из десяти человек двое без ног останутся. А вот когда надо снимать барку воротом — вот где

страсть-то настоящая. Барка обмелела. Столкнуть ее сила не берет. Вот и устроят на берегу ворот, а к нему от барки проведут снасть. Народ поставят к вороту, и пойдет работа... Человек сто начнут как поворачивать — сила! Ну, а грешным делом, оборвется эта снасть — сохрани ты, владычица небесная! Одним воротом захлестнет сколько человек, а кому руку переломит, кому ногу — это уж не в счет. Так сердечных точно ветром смахнет: все в одну кучу. А разве у бурлака ум-то черт съел? Его тоже не скоро поставишь к вороту, карачится... Вот тут водка и действует. Трезвого-то его ни за какие деньги не заставишь, а как с голодухи-то, да с холоду-то, да с этого измору стаканчика два он пропустит, — тут хоть веревки из него вей. Верное слово...

— Если убьет человека, куда вы с ним?

— А тут же на бережку похороним и крестик на могилке поставим.

Весенний сплав продолжается на Чусовой всего несколько дней. Своей воды в реке не достаёт или она высока, — приходится ждать в том и другом случае. Если воды мало, барки будут мелеть, если много — их будет разбивать о бойцы. Как река горная, Чусовая представляет громадные разницы в высоте своего весеннего разлива, который от 2—3 аршин над меженью поднимается иногда на страшную высоту 8 аршин. Самый выгодный для сплава разлив, когда он достигает 4—4½ аршин. Обыкновенно достигают его искусственным путем, именно выпускают большое количество воды из Ревдинского пруда, отчего об-

разуется на протяжении около 200 верст как бы один громадный вал. Вот по этому валу и спускают все караваны, около 600 судов. Давка между судами происходит страшная, и часто в этой суматохе они бьются одно о другое. Если одна барка загородит собой фарватер, тогда может обмелеть целый караван, как это было в 1851, 1866 и 1867 годах. Единственное спасение в таких случаях — сделать второй выпуск воды из Ревдинского пруда, что сопряжено с величайшими хлопотами, недоразумениями и требует самого энергичного вмешательства власти.

Число разбитых и обмелевших барок представляет большие колебания. Например, в 1871 г. — из 563 барок разбилось 33 и обмелело — 52; в 1872 г. разбилось — 22, обмелело — 129; в 1873 г. разбилось — 3, обмелело — 2 и, наконец, в 1879 г. разбилось — 5, обмелело — 20. Как приятные исключения, бывали и такие годы, когда не происходило ни крушений, ни обмелений, как, например, в 1839 и 1848 годах. Что касается причин, которые делают Чусовую крайне опасной рекой, то для сплава, помимо естественных затруднений, представляемых характером русла, берегов и быстротой течения, можно указать прежде всего на кратковременность сплава, отчего происходит настоящая давка между барками. Правительством много затрачено средств на улучшение Чусовой как судоходной реки: взорваны многие бойцы, устроены во многих местах заплавки из бревен, срыты выдававшиеся в реку мысы, углублен фарватер и т. д.

Но все это не может предохранить судов от крушения, потому что, при настоящем способе управления барок, они отданы в жертву тысячам случайных опасностей: плавание на потесах представляет мало средств для борьбы человека с разъяренной стихией. В настоящую минуту существует проект заменить плавание на потесах сплавом барок на лотах, т. е. чтобы уничтожить опасности, которым подвергаются барки от быстроты течения, будут с кормы каждой барки бросать лот, т. е. массивный кусок чугуна в несколько десятков пудов. Этот лот будет прикреплен к барке цепями или канатами, и таким образом заторможенная барка будет плыть несравненно тише, чем на потесах, а следовательно, избежит большинства опасностей, происходящих от быстроты течения. Это плавание на лотах было уже испробовано, дало блестящие результаты, но введение его на Чусовой может состояться только тогда, когда, при помощи устроенного в верховьях реки бассейна, явится возможность продлить самое время сплава. Если в настоящее время, при сравнительно быстром плавании на потесах, баркам не хватает места на сплавной воде, то, при значительно замедленном сплаве на лотах, сплавная вода опередит барки, и караван обмелест. По расчетам инженеров, устройство бассейна обойдется тысяч в двести.

Чусовая, до проведения Уральской железной дороги, служила если не единственным, то главнейшим путем для вывоза произведений Урала и некоторых сибирских товаров.

С проведением железной дороги Чусовая почти не утратила своего значения, потому что из 8 миллионов пудов груза потеряла только полмиллиона. Это и понятно, если принять во внимание, во-первых, относительную дешевизну сплава грузов по Чусовой, а затем и то, что Уральская дорога не может справиться с собственными грузами.

Когда наш поезд проходил по мосту через Чусовую, река была задернута туманом, и ничего нельзя было рассмотреть.

— Кормилица наша, — говорил сплавщик-рассказчик.

— А что, иногда и тебе бывает страшно? — спрашивал один купец.

— А как не бывает страшно... У каждого сплавщика своя заметочка есть: один у одного бойца бьет барки, другой — у другого. А уж как ежели ты раз убил ее, так в другой-то только еще подплываешь к этому месту, а духу в тебе нет, боишься, значит. Изо всех сил стараешься, а от этого самого барку и погубишь. Беда!.. Тоже и нашему брату не сладко приходится... Другой и знает все, и старается, а робость одолевает. По разным пристаням разные и сплавщики: кто у бойцов никогда не бьет, кто на огрудках не сиживал, кто по межени мастер плавать. Всякому свое, барин. По межени когда плывешь, бывает и так: барка плывет, а на берегу хоровод устроят или драку, чтобы отвести глаза сплавщику. А как сплавщик зазевался, глядишь, барка и навалилась на огрудок, значит, работа будет всем. Вот как, милый человек!..

ЧУСОВАЯ — ПЕРМЬ

Река Чусовая служит гранью для Уральской железной дороги: от Чусовой до Перми тянется слегка всхолмленная лесная равнина, главная масса гор остается назади. В русской истории эта река упоминается сначала как место основания строгановских городков, затем как арена борьбы первых русских поселенцев с вогулами и башкирами, как путь Ермака в Сибирь. Этим, собственно, историческая роль Чусовой и заканчивается, — впоследствии она является только как сплавная река, по которой утекли многие миллионы уральских строевых деревьев в низовья Волги и в заволжские губернии. В самое последнее время имя Чусовой встречается в газетных и журнальных статьях по поводу того обстоятельства, что в нескольких верстах от Камасина французская компания строит громадный завод для выделки железа и стали. Собственно говоря, в этом ничего особенного нет — отчего в самом деле и не выстроить завода, — но дело в том, что упомянутая французская компания по какому-то мудреному контракту взяла за себя все леса вниз по течению р. Чусовой, кажется, верст на полтора-раста, с правом свести этот лес на продажу. Вот это уже не понятно: ведь леса, помимо интересов владельческих, имеют громадный государственный интерес, потому что являются в системе государственного хозяйства не

только как строевой материал или как топливо, а служат в то же время как самый лучший регулятор водяных атмосферных осадков, предупреждают засухи, обмеление рек, умеряют суровость зимних холодов, защищают от ветров и, в конце концов, леса же служат источником того богатейшего слоя чернозема, которым выстланы плодороднейшие полосы нашей родины. Значение лесов во всех этих отношениях давно уже выяснилось в Западной Европе, где немыслимы подобного рода аренды.

— И завод-то строят только для отводу глаз, — говорил купец. — Дело даже обнаковленное самое: смотреть — быдто действительно завод устраивается, а на самом деле все это одна механика... Пока там што, пока валандаются с своим заводом, всю Чусовую оголят до последнего бревнышка.

— По перышку ощиплют, — согласился в темноте чей-то голос. — Плешь оставят... Ох-хо-хо!.. Все-то мы грешны, да божьи!

— А ведь этот самый французский завод нынешним летом сгорел, — заявил один из сплавщиков.

— Как сгорел?

— Да так... Пожары стояли ноне по дороге-то, ну, как, значит, подошло полымя к заводу — угольки остались одни...

Поезд несколько раз проходил по самому берегу Чусовой, которая течет здесь в отлогих ровных берегах. Глядя на эту неширокую полосу мутной воды, как-то не хочется верить, чтобы эта скромная река могла производить

такие ужасы там, в камнях. Попадаются озими; скот пасется на отаве, то есть щиплет пробившуюся осеннюю травку.

— Вон и пашенку разбили, -- любовно говорит сплавщик, в котором при виде полей заговорило чувство русского пахаря.

— А у вас там, на Чусовой, нет пашней?

— Которые пробуют, только места не те: либо тебе камень, либо лес. Снега долго не тают, а здесь вон все как на ладонке. Даром, что пиканники...

— Это что значит: пиканники?

— Да мы здешних так зовем, потому что они в неурожай пиканами кормятся... Так, народ болтает.

По мере приближения к Перми характер местности оживлялся. Деревушки попадались чаще, лес не выглядывал больше медвежьим углом; к линии железной дороги то и дело выбегали из стороны узкие проселочные дороги, по которым катились телеги в город. Тут уж нельзя было встретить ни уральского мастерового, ни старателя, ни пахаря по преимуществу: на сцену выступал мещанский элемент и «золотая рота», т. е. крюшники, которые грузили баржи. Скоро выглянула красавица Кама своим широким извивом. Что-то такое могучее чувствовалось в этой массе двигавшейся воды. Это была именно та широкая дорога, которая сама двигалась и манила вдаль, туда, куда бежали эти красивые раскрашенные, как игрушки, пароходы.

— Ишь, какую махину заворотили, -- удивлялись купцы, когда поезд проходил мимо

Мотовилихинского сталепушечного завода. — Страсть, какое обзаведенье устроено...

Завод Мотовилихи красивой панорамой рассыпал свои красивые домики по скату высокого берега Камы. Видно, что рабочим здесь живется порядочно. Попадались по дороге черномазые фабричные — что-то среднее между мастеровым и машинистом; это был уже другой тип сравнительно с уральскими мастеравыми. Народ там выглядел могучее, сильнее. Тип мельчал. По сторонам дороги торопливо бежали проворные бабы с берестяными бураками на коромыслах — это была утренняя порция пермских чиновников и купцов. Промелькнуло несколько свежих красивых лиц. Купцов больше всего занимало то обстоятельство, как у баб шевелится зад на ходу.

— Ишь, как лопочут, милые... Вон та, с бураками-то, Асаф Гаврилыч, ишь как пошевеливает! Ха-ха!..

— А этой Перме не бывать супротив Екатеринбурга, — говорил кто-то, когда вдали на высоком берегу Камы высыпали городские домики. — Так, одно название, что будто губерния... Вот наладят чугунку из Казани, тогда и собаки не будут бегать по этой Перме. Верно говорю: што в ней? Только одна соль и есть, да и та не в Перме, а вверх по Каме.

— А губернатор?

— Губернатор особь статья... Губернатор тут не при чем. Я говорю про место-то, умная голова. Што, ежели будем говорить на счет реки, так опять зиму-то она мертвая, а чугунка все пыхтит да пыхтит.

ПЕРМЬ — КАЗАНЬ

Едва ли где-нибудь в другом месте в России устроен вокзал так удобно, как в Перми: только перейти через дорогу — и на пароходе. Нас дожидался пароход американской системы «Березники»¹². На Каме это новое явление, сравнительно с прежними грязными парходиками. Через час пароход отходил. Публика кипела на пристани, но это была не екатеринбургская типичная публика, а проезжающий люд да парходная прислуга. Я думаю, никому даже и в голову не пришло пожалеть о том, что некогда было осмотреть губернский город Пермь, который замечателен тем, что в нем решительно нет ничего достойного внимания. Пермь — это искусственно созданная административная единица, которая скоро будет иметь только значение простого географического термина, — не больше того, то есть разделит судьбу всех других подобных ей административных единиц, где, по меткому бурлацкому выражению, губернаторы сами лапти себе плетут.

Когда пароход отваливал от пристани, всю публику рассмешила маленькая сценка во вкусе беллетристов наших последних дней. На пароходе у перил стоял какой-то мещанин, находившийся «в подпитии». На пристани осталась у него жена, которая сочла своим долгом поднести угол фартука к глазам, когда пароход отделился от пристани.

— Дарь..., а, Дарья! — кричал мещанин.

— Чего тебе?

— Будь, Дарья, в таком виде, в каком я тебя оставляю... Слышь?

— Будьте без сумления, Иван Сидорыч, — развязно отвечала городская косточка мещанка. — Беспременно буду содержать себя в сохранности!..

Публика осталась очень довольна этим ответом пермской Пенелопы. Купцы фыркали в руку и толкали друг друга. Пароход тяжело повернулся и ходко двинулся вниз по многоводной широкой Каме. На левом берегу раскинулся город, т. е. какие-то развалины около самого вокзала, затем какой-то деревянный балаган, несколько церквей и заборов; у самой воды стояли соляные магазины и толпились солоноски, — жалкие, оборванные создания. Правый, низменный берег был покрыт жалкими кустами*. Скоро пароход оставил далеко позади эту неприветливую картину.

«Березники» — пароход в два этажа и со всеми удобствами для путешественников. Я занял место в общей каюте второго класса. Там уже набралось человек двадцать. Одну половину сплошь заняли купцы, возвращавшиеся с Ивановской ярмарки из Шадринского уезда, «из Крестов», как говорят на Урале. Большинство составляли москвичи, фабриканты; между ними виднелась массивная туша на-

---

* Это тот самый дремучий сибирский лес, который привел в восхищение г. Немировича-Данченко, когда он любовался Камой. (Примеч. авт.).

стоящего шадринского коммерсанта, ехавшего с мальчиком-сыном в Нижний. Купцы сейчас же расположились, как у себя дома: натащили откуда-то узелков и коробков, разделись, умылись и расчесывали свои бородки. Особенно комичен был шадринский купец, когда он анфанчиком остался в одной розовой ситцевой рубашке, подвязанной под самые мышки тоненьким гарусным пояском. Круглый живот туго выпирал из-под пояса, как у женщины в интересном положении, когда она уже «на тех порах», как говорят на Урале про готовых разрешиться. Но всего замечательнее было лицо — медно-красное, пористое, отливавшее жирным блеском: нос «алапаевской луковицей», а по сторонам в две узкие щели, как попавшие в мышеловку мыши, выглядывали неизвестного цвета глаза. Волоса, конечно, в скобу и жирно смазаны каким-то особенным составом, — нечто среднее между деревянным маслом и колесной мазью. Москвичи фабриканты хотя были и «суздальского письма», но благообразны; только один, помоложе, выдавался своим длинным носом. Конечно, сейчас спросили чаю и познакомились.

— Из Крестов?

— Да. В Нижний?

— Да.

Потом сейчас же зашла речь об общих знакомых, которые в этих случаях всегда как-то находятся. Купцы попивали чай и беседовали самым мирным образом. Но это мирное настроение было неожиданно прервано сильнейшим криком: в углу общей каюты оказался

еще пассажир, присутствие которого с первого разу никто не заметил, потому что он лежал на своем месте, закрывши голову подушкой. Оставаясь в прежнем положении, пассажир неистовым голосом кричал:

— Ванька... пошел!.. Валяй!.. Ванька, закатывай...

Купцы переглянулись. Москвич с длинным носом нашелся первый. Он подошел к кричавшему и разбудил его. Поднялся среднего роста субъект с взъерошенными волосами и посмотрел на всех изумленно выкаченными глазами. Что-то неизмеримо добродушное светилось в этом заспанном измятом лице.

— Извините, господа... Это где же мы? — спрашивал крикун, протирая глаза.

— Как где, на пароходе.

— Ах, да... А ведь мне что-то приснилось: будто еду из Томска на тройке, а ямщик жарит, ямщик-то жарит. Только хотел подлецу на водку дать, — спасибо, разбудили.

Заметив улыбавшиеся лица, он уже для удовольствия публики еще несколько раз крикнул: «Пошел!.. Ванька, помешивай... Заж-жаривай!..»

— Видно, весело вы там ездите, в своей Сибири?.. — проговорил купец с длинным носом.

— А вы почему думаете, что я из Сибири?

— Да так-с... Обличье обозначает, и сон ваш. По коммерции-с?

— Купец второй гильдии, Касаткин. Позвольте познакомиться... Не помню, как доехал из Тюмени. Ей-богу!.. Сын со мной где-то

был. Это, верно, он меня на пароход доставил... Ха-ха!.. Осатанел.

— Чайком не хотите ли побаловаться?

— Ах, благодетели, — умилился Касаткин и еще крикнул: — Ванька, валяй!.. Пошел, разбойник!.. На водку дам...

За вторым стаканом московские купцы и сибиряк открыли общих знакомых и весело балагурили.

— А что, как Зотей Меркулыч? Здравствует? — спрашивал Касаткина один из московских фабрикантов.

— В яме...

— Как в яме?

— Вексель подделал...

— Ах, батюшки! Как же это так: обстоятельный человек такой был... а?.. Как же это вышло-то?

— Подделал вексель на родного зятя!..

— Вот поди ты... а?

— Домик у него в Томске: игрушка. Венскую небель выписал, орган, канарейки, а сам в яме... Только у нас это просто: он только числится, что будто в заключении, а сам проживает дома. Подумайте: обзаведение, жена молодая... Ха-ха!.. У нас это просто: золотым ключиком и тюрьма отворяется.

— Да ведь люди-то видят, что Зотей Меркулыч не в яме, а дома проживает?

— Ах, други сердечные, други сердечные!.. Да, ведь, начальство — поди живые люди, понимают: все видят, а спроси: «видел?» «Знать не знаю»... Да вот я первый: вот как с вами теперь, чай с ним пил перед отъездом, а спро-

си меня — нет, ничего не знаю! Ей-богу!.. Так, спьяна болтал... Ха-ха!.. Ничего не знаю!

— Вы до Нижняго?

— Подымай выше: в Питербурх... Дело есть.

— Подрядами, видно, занимаетесь?

— Есть такой грех... Вот болезнь такая у меня завелась в чреве — по пути к дохтуру забегу в Питере. Да...

Все время разговоры вертелись на Сибири, которую купцы постоянно сравнивали со своей Рассей.

— Вот теперь товары даже взять, — говорил один из фабрикантов: — к примеру, хоть наше дело: ситец провалялся бы по лавкам сколько годов, а в Крестах все расхватали. Право...

— В Сибири народ совсем особенный живет, — богатенный народ, справный. И земли у него, и скотина, и обзаведение, — вот он и покупает на ярмарках всякую всячину.

— Это прежде, действительно, боялись самого этого слова: Сибирь, а нонче уже не то. Вот у нас, по деревням: составит опчество приговор и вышлют человек пять несообразных, у кого, значит, ни кола, ни двора, а так — где день, где ночь. Что бы вы думали? Пройдет этак годика два, много три, высланные и присылают из Сибири письмо: так и так, благодаря господу бога, устроились. — Ей-богу. И денег пришлют, чтобы жен там али детишек тоже в Сибирь поднять; другие сродственников своих выписывают. Это последние-распоследние наши мужики да и удивят... Как это вам понра-

вится? Да чего, вот поше в Крестах, сидим это в лавке, вдруг шасть две бабы. Остановились, смеются. «Не узнали?» — спрашивают. А это из сосланных тоже. Так, самые мусорные бабенки, в кусочки целой деревней ходили, а теперь и в сарафанах, и тело пагуляли. Я по первоначально-то даже не узнал было их. «Нарошно, говорят, за сто верст приехали, штобы хоть одним глазком на своих московских посмотреть»...

— По-настоящему, — заговорил лысый старик москвич, — ежели взять дело по правде, так надо к нам в Расею ссылать в наказание, а не в Сибирь.

Кама, бесспорно, одна из самых красивых русских рек и представляет резкий контраст с Волгой по своему глубокому руслу и, особенно, по характеру своих оригинально-живописных берегов. Здесь нет белых песчаных отмелей, нет этих мягких очертаний береговой линии, нет этой далекой перспективы, которая поражает глаз на Волге; красоты Камы более сурового характера, берег значительно выше и даль заслонена холмами или хвойным лесом. Собственно говоря, Кама совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких, за исключением кой-где вырубленных лесов да двух-трех встречных пароходов. Изредка проползет утлая лодчонка с рыбаками, и опять кругом пустыня: вода, небо, траурный лес по берегам... А все-таки хорошо чувствуешь себя в этой пустыне, — отдельно взятые ее части не представляют, пожалуй, ничего хорошего,

но в своем сочетании они действуют на душу, как могучий, полный затаенной силы и суровой поэзии аккорд. Воображение рисует по берегам большие русские села, заводы, фабрики; эти пропадающие втуне силы природы начинают служить на потребу русского человека, и русское довольство широкой волной разливается по этим пустынным берегам.

От Перми до своего впадения в Волгу Кама не имеет никакой истории, — ее историческая часть выше Перми, где прежде стояли городки Искор и Урос, затем Канкор и Орел, а ныне Чердынь и Соликамск. Своими верховьями Кама почти соприкасается с верховьями Северной Двины — это и был первоначальный путь, которым шла колонизация Пермского края сначала новгородцами, а затем московскими выходцами. Может быть, нигде еще в такой неприкосновенности не сохранилась в своих обычаях, поверьях и обрядах Русь XVI в., как в каком-нибудь Чердынском уезде, население которого сложилось из пришельцев со всех почти русских городов. По писцовым книгам Кайсарова, 1624 года, жители Соликамска, например, обозначены только одними именами, а вместо фамилии — пришелец-вологжанин, москвитянин, повгородец, белоозерец, двинянин, чебоксарец и т. д. Исторические обстоятельства вконец изменили русскую жизнь в тех местах, откуда вышли все эти пришельцы; но какой-нибудь Чердынский уезд — совсем медвежий угол, обойденный всеми веяниями отечественной цивилизации. Благодаря своему счастливому географическому

положению Чердынский уезд в настоящую минуту представляет в бытовом отношении глубоко интересную картину: там еще живут и творят все обряды, живы все обычаи, существуют все поверья, какие занесли пришельцы на места своего нового поселения. Мы можем указать, как на пример, на свадебные обряды и целый, в высшей степени замечательный цикл свадебных женских песен. Даже в чтении эти обряды и песни производят потрясающее впечатление своей глубокой, выстраданной поэзией и исторической правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями, образами, не говоря уже о прекрасном старинном языке, каким они сложены; в них, как живая, встает неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины, выносившей на своих плечах тройной гнет византийско-татарско-московских основ семейной жизни. Если бы поставить на сцену эту чердынскую свадьбу без ученых и артистических искажений — вот наша глубоко национальная выстраданная целой историей опера, та русская правда, которая не нашла выхода... Мы даже не решаемся приводить выдержек из этих песен, чтобы не профанировать это самое поэтическое создание русской женщины, которое сложилось, конечно, не здесь, в Чердыни, а только было когда-то занесено сюда и сохранилось здесь.

Любуясь с трапа Камой, я встретился с седым, сгорбленным старичком. Мы с ним несколько времени сидели рядом на скамейке. Старичок был поразительно похож на одного

моего знакомого, из уральских лесничих; но у того не было бороды, а у этого борода, притом он совсем не узнавал меня. Это было уже на второй день нашего путешествия по Каме; пароход подходил к Сарапулу. Чтобы разрешить свои сомнения, я заговорил первый со старцем:

— Вы не служили ли в ...ском заводе?

— Служил.

Действительно, оказался старый хороший знакомый.

— Ведь мы второй день плывем вместе, — говорил я.

— Да, плывем... Что будешь делать: плохо вижу. Все на одно лицо выходят люди-то.

— Вы сильно изменились...

— Еще бы... На седьмой десяток перева-лило, да и обстоятельства тоже разные. Нынче как-то все не узнаешь... Вот тут в первом классе едет Н. Вместе учились, служили в лесничих вместе. Я уж по голосу-то узнал его... Подхожу, говорю: «Кажется, говорю, мы с вами когда-то были знакомы?» Хе-хе!.. Так он отперся... Ей-богу!.. Вот поди ты... Устыдился старого товарища, потому что, видите, костюм-то на мне немножко не того (старик оглянул с добродушной улыбкой свой, действительно, незавидный костюм). А он, приятель-то, так гоголем и ходит... Богат стал.

— Лесничих много богатых.

— Есть и богатые... И теперь вот плывем, а я мест не узнаю совсем: служил вот здесь пятнадцать лет, а точно никогда не бывал. Ей-богу! Совсем другие места: одна голь...

— Лесов не стало, а лесничие остались!

— Да, да, не стало лесов... А какие леса-то стояли здесь: зайдешь в него, в этот лес — в небо дыра; а теперь голее ладони сделали. Вот теперь в первом классе и ездят, как Н. Нагрели ручки...

На верхней палубе, кроме нас, толкались: ташкентский офицер, ехавший с нами до Перми по Уральской железной дороге; тот самый лесничий Н, который не хотел узнавать старого однокашника и сослуживца, и еще несколько усовершенствованных молодых купчиков, ломавших из себя джентльменов. [...]

— Вы больше не служите? — спрашивал я старичка-лесничего.

— Нет, не служу...

— По болезни?

— Нет, выгнали... А тут я уж как-то и ослеп, и поглупел. Ей-богу!.. Обидели меня на старости лет...

— Именно?

— Ведь я служил в ...ских заводах лет двадцать... Ну-с, оставалось мне до полного пенсиону дослужить три месяца, значит — до тридцати пяти лет беспорочной службы. Хорошо... Тут эту самую, прах ее возьми, дорогу железную стали подводить. В ...ских заводах, сами знаете, всем делом вертит жена главного управляющего... Вот около нее железнодорожные строители и увивались, чтобы насчет лесу и всякое прочее. Она там пообещала им с три короба, а я хоть и маленький человек, все ж обойти меня нельзя, потому как я от правительства и должен был следить

за лесами. Хорошо. Начали меня таскать, старика, по обедам, да в пикники, вином накачивают, а управительша чуть меня не цалует... Ей-богу! «Ах, грех вас бей, — думаю, — дело не ладно»... Только скоро и развязка у нас вышла. Эта самая управительша наша — отчаянная баба: в глаза свиньей обругает, подколенника даст незнакомому человеку... Ей-богу! При мне как-то... Уронила она платок, а один железнодорожный инженер и наклонился, чтобы его поднять. Ведь в первый раз человек пришел и в дом-то... Как она подскочила к нему, да киселя ему и поддала коленкой — бедняга так и растянулся по полу. Так растерялся, что не знает, что ему и делать, а кругом все хохочут. Ну, вот со мной такой же случай вышел. Начала она меня подговаривать насчет лесу, конечно, все это ловко так, и насчет благодарности намекнула. Я раза два отшутился, а она опять пристаёт. Хорошо. Сидим таким манером у ней в гостиной, — кругом, знаете, роскошь, ума помрачение. Сидят железнодорожные, кто-то из горных инженеров. А она, бесстыжая рожа, опять ко мне: «Что же, говорит, дальше-то? Вы не стесняйтесь, говорит, здесь все свой народ». Меня это как-то взорвало; я ей и говорю: «Не к лицу уж мне стесняться-то. Молодым не воровал, так на старости лет зачем грех на душу брать». Как это она услышала, — сейчас подскочила ко мне и хватить меня всей горстью за лицо... Ей-богу! Не ударила, а схватила, как коршун. У меня даже кровь в двух местах на

щеке из царапин побежала. Ведь при всех, все видели.

И вы не жаловались?

— Да советовали мне мировому судье на нее жалобу подать, и свидетели были, да право, как-то совестно, бог с ней! Она прилетела вечером, извиняется, что так неловко пошутила. А лес все-таки потащили на дорогу. Я не стерпел, да все, как было дело, владельцу заводов и отписал. Так вы что бы думали? Владелец же и обиделся, что я его интересы защищал, да на меня жалобу горному начальнику, а горный начальник меня по шапке. Ей-богу, так и вылетел в трубу без всякого пенсионера, теперь вот еду на подножный корм к сыну в Казань. Так мои тридцать пять годиков и ухнули: зачем не воровал, как вот N и другие.

Слишком обыкновенная история...

Сарапуль славится своими кожевенными товарами. На пристани, кроме сапог, продавали отличный мед. Сейчас за Сарапулем начинается получившая печальную известность Уфимская губерния. Мы не будем распространяться об истории хищения чиновниками земель уфимских башкир, — это слишком известная страница в уральской летописи, о которой вообще можно сказать словами Расплюева:

«Н-да, могу сказать: была игра»¹³.

Н. Д. Телешов

ЗА УРАЛ

Из скитаний по Западной Сибири

Очерки

II

ГОРОД ПЕРМЬ.

Что можно сказать о городе, проведя в нем несколько часов, если даже коренные жители на вопрос — что интересного в Перми, отвечают, что ничего нет.

— А куда следует пойти? На что обратить внимание?

— Некуда... Не знаю... Не на что...

Вот ответы, которые мне приходилось слышать в гостинице, в магазинах, даже в клубе от местных жителей, начиная с торговца и кончая офицером. В наилучшем книжном магазине не нашлось тоже ни путеводителя, ни исторической брошюрки и ни малейших сведений. Немудрено поэтому, что в Перми до прошлого года не было хотя бы маленького музея, какие существуют во многих уральских и сибирских городах. Общественная библиотека, куда вход учащейся молодежи воспрещается, получает от города средства незначительные, достаточные лишь на новые журналы, а новые книги приобретаются на доходы от публички. Невелики, вероятно, эти доходы, если в библиотеке, где из новых пи-

сателей лучшим спросом пользуется, как мне сообщали, Чехов, имеются этого автора только «Невинные речи», а других вещей, составивших Чехову имя, приобрести еще не успели.

Помимо церквей и школ, здесь немало благотворительных учреждений; существует театр, имеются клубы и летние сады, издаются очень тщательно «Губернские ведомости» и недавно положено начало музея, но он так еще мал, всего в две комнаты, что, кроме нескольких коллекций, как, например, камней, насекомых, древесных пород, яиц, монет и денежных знаков — почти ничего не имеет.

О происхождении самого названия города было много споров и разногласий. Одни говорили, что Пермь произошла от слова Пармия, то есть гористая страна*, а другие утверждали, что от слова раагна, что означает Украину, но более вероятное объяснение можно встретить в изданиях XVIII столетия**, где говорится прямо, что имя Пермь осталось от древней северной области Биармни, которая еще до Рюрика имела своих государей¹.

Первым селением на этом месте была деревня «господ баронов» Строгановых, пожалованная в 1558 году царем Иоанном Грозным; затем по открытии здесь медной руды построен был медеплавильный завод по повелению Петра I, в 1723 году. Получив назва-

---

* Древняя и новая Россия. Изд. 1876. — Т. 2. — С. 355.

** Географический лексикон Российского государства. Изд. 1773, собранное Ф. Полуниным, с пополнениями Герарда Миллера.

ине Ягошихинского, завод в царствование Елизаветы был пожалован графу Воронцову, но ввиду многих выгод от речного пути до Каспийского моря, ввиду возраставшей торговли и населения, в 1781 году завод был переименован и возведен в степень губернского города, а через пять лет в нем уже было основано главное народное училище, «в коем юношество всякого звания обучалось различным знаниям на природном языке», а также были назначены три ярмарки.

Такова в кратчайших словах история Перми.

Теперь это город с 35-тысячным населением, с судоходством по Каме и Волге и с железною дорогой через Урал до начала Сибири. Город служит складочным местом для товаров, которыми меняются Азия с среднею Россией, и на здешних пристанях грузится и разгружается товаров на десятки миллионов рублей.

Заговорив о городе, нельзя не упомянуть о заводе сталепушечном, который в значительной степени содействовал и продолжает содействовать благополучию Перми. Он, впрочем, имеет собственный интерес и свою историю, и деятельность его известна далеко за пределами России; но, не будучи специалистом, трудно передать что-либо о таком великане, где занято работою около трех тысяч человек. Завод расположился под самую Пермью, верстах в трех или четырех от города, при речке Мотовилихе, отчего и получил название Мотовилихинского. С одной стороны его проходит

русло Камы, а с другой находится станция Уральской железной дороги. Здесь выделяется много всевозможных вещей, начиная с гранат и пушек и кончая паровыми и паровыми машинами; кроме того, в конце восьмидесятых годов введена электрическая отливка по способу Н. Г. Славянова, применяемая для исправления машин и спайки колоколов.

Кто бывал на Урале и не видал заводов, — тот не видал ничего!.. По крайней мере, так говорят сами уральцы, и до некоторой степени они правы, потому что заводы эти поражают своею грандиозностью, и первый из них, который встречается на пути туриста, есть Мотовилихинский.

III

МОТОВИЛИХА. — СТАЛЕПУШЕЧНЫЙ ЗАВОД.

Я уже ранее слышал немало рассказов об этом заводе, слышал о знаменитом молоте, который весит три тысячи пудов и при работе потрясает не только здания, но и землю на несколько сажен вокруг. Взглянуть на все это, хотя бы и мимоходом, мне представлялось очень заманчивым.

Испросив разрешение на осмотр, я получил немедленно пропуск и провожатого, с которым мы несколько часов ходили по заводу, но, повторяю, без специальной подготовки трудно рассказать о том, что я видел, о всех

интересных подробностях, благоустройстве и деятельности этого «царства металла». Самый завод с его зданиями, разбросанными по громадной площади, и прилегающее к заводу село Мотовилиха с 12-тысячным населением представляют собою почти что город.

Сейчас же, едва входишь во двор, стоит на особом постаменте огромная чугунная пушка, отлитая в шестидесятих годах, заряжающаяся с дула круглым ядром. Это единственный экземпляр, оставшийся при заводе в виде памятника, потому что тип таких гладкоствольных пушек оказался неприменим к делу и был оставлен. Для более удобного передвижения тяжестей и доставки материалов по всему двору проложены узкие рельсы конно-железной дороги. Обходя все отделения, где производится сверление пушек, нарезка оружейных стволов, достигающая математической точности, изготовление шрапнелей, лафетов, паровых машин, котлов и т. п., я более всего заинтересовался грандиозным зрелищем, о котором ранее не мог составить никакого представления, хотя и слышал немало рассказов. Это кузнечно-молотовая и сталелитейная фабрика, составляющая одно из заводских отделений. Здесь, помимо гиганта, 50-тонного молота (тонна равняется 60 пудам), имеются еще несколько второстепенных молотов: в 15 тонн (900 пуд.), в 12, 8, в 5, то есть в 720 пуд., в 480 пуд., в 300 пуд. и т. д., кончая легким, 20-пудовым. Немудрено поэтому, что при действии всех молотов земля дрожит почти на версту.

Не говоря о других, главный молот оставляет на зрителя, не посвященного в заводские подробности, страшное впечатление, особенно если уже известно, что эта падающая и поднимающаяся масса равняется 3000 пуд., а при действии верхнего пара может быть увеличена сила удара вдвое и даже втрое, т. е. доведена почти до 10 000 пуд. Тогда под молотом можно ковать слиток в несколько тысяч пудов! Впрочем, эти страшные удары рассчитаны до такой тонкости, до такой мелочи, что тот же самый молот, который, падая на наковальню и потрясая землю, в силах сжать и сплюснуть 3-тысячный слиток, может ударить по карманным часам, положенным на наковальню, так, что разобьется лишь стекло, а часы останутся невредимы. Но можно ударить и так, что от этих часов не останется даже пыли.

Глубина фундамента под молотом достигает 16 сажен, а чугунный «стул», т. е. основание для наковальни, весит 40 000 пуд. Благодаря весу и тому, что стул этот отлит на здешнем заводе не частями, а целиком, устройство молота считается образцовым и первым в России.

Когда я вошел в это отделение, земляной пол уже дрожал под моими ногами. Повсюду зияли адские пасти печей, и удары нескольких молотов заглушали всякие другие звуки. Никогда в жизни мне не приходилось еще видеть такой силы, как этот гигантский молот, распоряжающийся формами металлического слитка чуть не в тысячу пудов с такую же лег-

костью, с какою ребенок распоряжается формами хлебного шарика.

Много разнообразных картин промелькнуло перед моими глазами; я видел, как текла, словно масло, шипящая и сверкающая расплавленная сталь, видел, как из калильной печи выдвигалось толстое металлическое бревно, как подхватывалось оно и на цепях подводилось к молоту, как молот при первом же ударе оставлял на этом гигантском слитке свой решающий след; видел зияющие пасти печей, перед которыми невозможно, кажется, пробыть и десяти минут, потому что лицо и руки жжет, как при сильнейшем пожаре, а между тем рабочие переносят это легко. Впрочем — легко ли?..

Печи отапливаются здесь четырьмя различными средствами: нефтью, дровами, каменным углем и газом, причем последние получают газ из 60 генераторов по трубам.

Обращаясь к историческим данным, мы узнаем, что завод был начат постройкою в 1736 году, на землях, принадлежавших Строганову, в 1738 г. пущен в дело, в 1757 отдан гр. Воронцову Михаилу Илларионовичу, а в 1780 поступил обратно в казну. В то время он именовался казенным медеплавильным заводом и вместе с соседним заводом, Ягошинским, выплавлял меди от 7 до 8 тысяч пуд. в год, которая преимущественно отправлялась в Екатеринбург на Монетный двор. Но в шестидесятих годах нынешнего столетия было решено его закрыть за истощением руды и

основать на его месте сталепушечный завод под именем Пермского или Прикамского.

В заводской конторе, между прочим, можно приобрести на память фотографические снимки различных зданий, подробностей и видов завода. Это небольшие рисунки, очень недурно исполненные, наклеенные на картон с отпечатанными, в виде виньетки, достопримечательностями завода; тут изображен и паровой большой молот, и река Кама, образцы изделий и пушек, и общий вид, так что туристу, желающему сохранить воспоминания о заводе, предоставляется возможность иметь наиболее интересные рисунки за крайне дешевую цену — 65 коп. за штуку.

Без особого разрешения публика на завод не допускается. Для обозрения, которое разрешают всякому желающему, необходимо запастись у горного начальника или секретаря пропуском, где на печатных бланках вписывается имя посетителя, год и день осмотра.

Торопясь покинуть завод, чтоб успеть до отхода поезда осмотреть город, я, может быть, не знал бы, куда деваться — до такой степени безынтересна Пермь, если б не была открыта выставка археологических коллекций и предметов древности пермского края. В видах ли научной цели или по каким-нибудь иным причинам, на эту интересную и обширную выставку публика допускалась бесплатно. Из всех выставленных предметов мне приходится указать лишь на три, именно на те, которые имеют непосредственную связь с моим дальнейшим путешествием. Это портрет основателя

Уральских заводов Никиты Демидова, бывшего тульского кузнеца (о нем еще речь впереди), изображенного в сюртуке и красном плаще, с строгим типичным лицом. Затем интересны чугунная доска и медный стол, временно взятые для выставки из Нижне-Тагильского музея, где они постоянно хранятся.

Громадный медный стол, раскидной, стремя растворами, интересен тем, что отлит в 1715 году и имеет на средней крышке следующую рекомендацию, которую привожу с подлинною орфографией:

«Сия первая в России медь от искана всибире бывшим камисаром Никитою Демидовичем Демидовым по грамотам великаго Государя Императора Петра Перваго в 1702—1705 и 1709 годах, а из сей первовыплавленной Российской меди зделан оной стол в 1715 году».

Чугунная доска с жалованной Демидову грамотой, отлитая в 1727 г., также представляет интерес старины и хранится вместе с столом и прочими вещами в музее Демидовых в Нижнем Тагиле, куда я в 9 часов вечера по железной дороге и направил свой путь.

IV

ЧЕРЕЗ УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ.

Говорят, что по Уральской железной дороге ездит преимущественно деловой народ, т. е. служащие или торгующие в Приуральском крае. Действительно, путешественники

здесь встречаются редко, хотя это одна из самых живописных дорог в России. Сначала по обе стороны пути видны леса, вспаханные поля и холмы, покрытые березой и елью, кое-где сверкают озера, но чем дальше, тем сильнее и резче начинает вступать в свои права горная природа. Вокруг все зелено, но уже кое-где заметны следы глины и плитняка, и художные деревья, ютящиеся по холмам на каменной почве, становятся длинными, тощими и, не выдерживая бури, тут же падают и лежат в оврагах, как трупы. Глядя на них, ожидаешь, что вот-вот прекратится сейчас и последняя зелень, омертвеет последняя былинка, и потянется сплошная долина серого мертвого камня.

Но нет, — перед глазами разворачивается внезапно громадное поле, все усеянное синими, красными, белыми цветами, и где-нибудь блестит и вьется горная речка. То видишь почти под собою страшные овраги, за которыми далеко-далеко вырастают гигантские холмы, покрытые лесом, то внезапно встречаешь у самой дороги дикие стены разрубленной надвое скалы, в которую поезд проскальзывает, как в ворота, и мчится среди зловещих изуродованных камней, сажени в три или четыре ростом, — и снова, опять внезапно, выносится на необъятный простор, и снова вокруг все зелено, весело, девственно.

Большинство пассажиров нашего вагона, отъезжая вечером из Перми, просило взаимно друг друга разбудить их, когда начнется горный подъем; повсюду только и речи было, не

проспать бы Чусовую! На всякий случай предупредили кондуктора.

Около двух часов ночи, когда забрезжил рассвет, меня разбудил мой случайный попутчик и проговорил, указывая в окошко:

— Поглядите!

Отсюда, еще не доезжая станции Чусовской, начиналась прекрасная панорама Урала.

Мы вышли на тормоз.

Было бледное серое утро, и утренний холодок бодрил и разгонял утомление. Страшная глушь, необозримая и безлюдная, но полная жизни, потому что среди стука и грохота поезда иногда можно было услышать пение птиц, потому что вокруг все было весело, зелено и красиво, — эта глушь раскинулась так широко, что не охватишь взглядом; с одной стороны возвышаются в беспорядке горные холмы, точно выглядывая друг из-за друга, а с другой стороны зияет страшный овраг, поросший то травой, то кустарником, постепенно поднимающийся вдалеке и становящийся высокою горой с лесною щетинистою вершиной; повсюду леса, леса и камни, и нигде не заметно признаков руки человеческой, кроме железнодорожного полотна; и с восторгом глядишь на эту девственную картину природы и с изумлением любишь человеческими трудами, этими пробитыми скалами, образующими целые коридоры. А поезд, поднимаясь в гору, идет медленно и осторожно, образуя собою все время дугу, то изгибаясь вправо, то влево, а в иных местах он изгибается почти в кольцо.

Станции здесь то и дело. Семь верст — и «Ермак», еще восемь верст — и «Архиповка»... На ста верстах находится девять станций. Извилистость пути особенно заметна по станционному домику «Ермак». Когда только что отъедешь от этой станции, то ее видно еще справа, затем, исчезнув на несколько минут, она показывается снова, но кажется уже не сзади поезда, а впереди его; еще минута — и станция исчезает. До такой степени извилист железнодорожный путь через Урал.

Относительно самого названия Урала существует два положения; во-первых, название производят от остяцкого слова *урр*, то есть цепь гор; во-вторых, что кажется более достоверным, от татарского названия *Арал-тау*, которым обозначалась вся южная часть хребта и которое потом переделано русскими в Урал для обозначения такого хребта, который в виде беспредельного пояса преграждает дорогу путешественникам. Это подтверждается и названием Аральского моря, как места, где кончаются горы... Богатства Урала неисчерпаемы и разнообразны: здесь добываются железные руды, медь, свинец, даже никель с 1885 года, соль, уголь и сера, фарфоровая глина, аметист, изумруд, малахит, мрамор, платина и, наконец, золото; жильное золото открыто в 1745 году, но добыча его началась в 1754; рассыпное золото начали разрабатывать только с 1814. Всех богатств уральских не перечислишь.

Но вот, наконец, и граница. Мы подъехали к станции «Европейской»; еще несколько верст, и мы на другом континенте — в Азии. Это ме-

сто (то есть протяжение среди двух пограничных станций) считается самым высоким; это и есть перевал; до сих пор поезд шел, направляясь в гору, отсюда он постепенно пойдет под уклон.

Небольшая станционная постройка стоит совершенно особняком, одиноко среди холмов и зелени. Горный воздух легок и чист; необыкновенная тишина и нелюдимость — все полно своеобразной прелести и какой-то непонятной торжественности... Подвигаясь вперед, мы проезжаем, наконец, на полном ходу географическую границу Азии и Европы. Несмотря на свою условность, это место вызывает некоторое движение среди пассажиров, даже, пожалуй, чуть уловимое волнение. Все выглядывают в окна, выходят на тормоз и так или иначе добиваются случая увидеть пограничные столбы, которыми, в подражание старине, на сибирском тракте отмечен конец Европы и начало Азии. Это две небольшие решетчатые башенки, сложенные из рельсов и окрашенные в белую краску. С одной стороны на них четко и крупно написано: *Европа*, а с другой стороны — *Азия*. Оба столба стоят по бокам железнодорожной линии и, правда, вызывают в путнике какое-то неопределенное чувство, похожее не то на смущение, не то на радость.

Близ станции Кушва, верстах в двух, находится магнитная гора Благодать, знаменитая по богатству своей руды; названа она так в честь императрицы Анны Иоанновны, имя которой по-еврейски значит — благодать. У подошвы ее раскинулся громадный Кушвинский

завод, а на вершине стоит памятник-часовня. Существует предание, что вогул, по имени Степан Чумпин, открывший в 1735 году магнитную руду и указавший ее русским, был за это принесен в жертву вогульским шайтанам своими соотечественниками и сожжен ими на вершине горы. За открытие русские вознаградили Чумпина при жизни и дали ему 24 р. 70 к., а в 1826 году поставили на месте его казни памятник.

Часа через два поезд остановился у станции «Тагил», знаменитого демидовского гнезда, которое, благодаря сорокатысячному населению, заводам, шахтам, памятникам и школам, не только не уступает любому городу, но даже и превосходит многие, хотя Тагил — не больше как заводское селение.

V

ДЕМИДОВЫ И ТАГИЛ.

Кто не знает, кто не слышал о Демидовых, простых тульских кузнецах, потомки которых располагают громадными миллионными средствами и носят титул князей Сан-Донато?..

Родоначальником этой фамилии был Никита Демидович Антуфьев, тульский кузнец, из крестьян. О первой встрече с царем Петром I, которая послужила началом его обширной деятельности, рассказывают следующие подробности.

Проездом через Тулу Петр велел починить испортившийся пистолет работы знаменитого

оружейника Кухенрейтера. Когда кузнец (Демидов) исправил его и принес к царю, тот обратил внимание на великолепную работу и пожалел, что у него нет мастеров, чтобы делать такое оружие.

— И мы, царь, против немца постоим! — сказал Никита.

Царь уже не раз слышал эти ненавистные слова, это «закидаем шапками» от своих московских бояр, к тому же он выпил анисовки и его ретивое не стерпело: он ударил в лицо Демидова и закричал:

— Ты, дурак, сначала сделай, а потом хвались!

— А ты, царь, сначала узнай, а потом дерись! — ответил Никита и подал Петру сделанный им новый пистолет, нисколько не уступавший по работе заграничному.

Горячий царь смилостивился и извинился перед кузнецом*.

Как бы то ни было, но достоверно известно, что Никита вскоре после первой встречи с Петром доставил ему в Москву шесть отлично сделанных ружей и назначил плату по 1 р. 80 к. за каждое, тогда как до этого казна платила за них за границу по 12 и даже по 15 рублей за штуку. Это было во время шведской войны, — понятно, царь обрадовался, что отыскал такого диковинного кузнеца у себя на родине, поцеловал Никиту, подарил ему 100 рублей и сказал:

---

* «Демидовы» — биографический очерк В. В. Огаркова.

— Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя.

И Петр приказал отвести Демидову в 12 верстах от Тулы несколько десятин земли. С этого и начинается деятельность будущего «Уральского владыки». Дальнейшая судьба его, в коротких словах, такова. Демидов не ограничился Тульским заводом, а стал просить у царя в аренду Уральские казенные заводы, которые и были ему отданы в 1702 году за ничтожное вознаграждение. Здесь главным деятелем выступает уже не Никита, а старший сын его, Акинфий Демидов, сумевший в короткое время увеличить производительность заводов против казенного управления — раз в триста.

И богатство, и положение Демидовых начали расти с каждым годом. Будучи уже потомственным дворянином, Никита в 1715 году нашел возможным преподнести родившемуся царевичу Петру Петровичу «на зубок», кроме драгоценностей и великолепных сибирских мехов, сто тысяч тогдашних рублей. Но русская пословица «от трудов праведных не наживешь палат каменных» нашла себе косвенное применение и в богатстве Демидовых, хотя к их услугам были всевозможные льготы и обеспеченный сбыт товара в казну. Им требовались «рабочие руки», но так как покупать крестьян или переселять их из внутренней России на Урал было вообще начетисто, то практиковался иной способ: заводы принимали к себе беглых каторжников и ссыльных, беглых крестьян, рекрутов и притесняемых раскольников;

все эти бесправные люди навсегда закабалялись во власть Демидова. Чтоб не отвечать за них перед законом, их запирали во время наездов ревизоров в подземелье Невьянской башни и спускали туда воду из пруда... Таким образом своею смертью выручали беглые своих покровителей из неприятного положения. В этом же подземелье Акинфий впоследствии тайно чеканил монету, а с мастерами поступал так же, как и с беглыми, то есть топил их во избежание доноса.

По поводу «демидовской» монеты существует рассказ о том, как однажды Акинфий, играя в карты за одним столом с императрицей Анной Иоанновной, рассчитывался за проигрыш новенькими монетами.

— Моей или твоей работы, Никитич? — спросила партнера с двусмысленной улыбкой императрица.

— Мы все твои, матушка-государыня, — уклончиво, но ловко ответил Демидов: — и я твой, и все мое — твоё! *

Дальнейшие потомки, благополучно продолжая блестящее дело отцов, богатели, входили в знать; один из них даже породнился с Наполеоном I, женившись на его племяннице; иные прославились своим самодурством, иные обширную благотворительностью; но как бы то ни было, Демидовы в лице своих родоначальников оказали громадные услуги русскому горному делу.

---

* Биографический очерк Огаркова.

Когда я вышел из вокзала, был еще только полдень. По случаю воскресного дня заводское население не работало и группами стояло на улице. Извозчик доставил меня в гостиницу, на центральную площадь, где за 75 коп. мне дали обширный номер и за 25 коп. накормили досыта.

Широко раскинувшееся селение изобилует хорошими постройками; здесь есть несколько храмов, единовременная церковь, даже старообрядческая часовня, есть училища, приюты, богадельня, обширный музей, заводской клуб, кроме того, поставлены два памятника: один Николаю Инкитичу Демидову, правнуку родоначальника, другой Карамзину, главноуправляющему заводами...

Аллегорические памятники русскому народу не по вкусу, и как там ни хитри, каких ни наставь фигур, народ объяснит их по-своему, попросту, и выйдет из этого такой курьез, что даже не ожидаешь. Именно это и случилось с демидовским памятником, который стоит на другой площади, по пути к шахтам. Благодаря присутствию на нем женской фигуры, никто не может объяснить настоящего значения ее, и говорят по-разному. Кто называет ее богиней, кто судьбой, кто счастьем, а рабочие объясняют проще:

— Это жена Демидова!

Памятник может считаться роскошным. Из-за чугунной решетки поднимается мраморный пьедестал, на котором находятся две фигуры: коленапреклоненная женщина в короне и древнегреческом костюме; ей протягивает

руку Демидов, одетый в придворный кафтан, с орденами и лентой. Эта женщина и есть, по народной молве, жена хозяина, которой тот оставляет наследство. По рассказам, только вряд ли достоверным, демидовскую руку однажды отвинтили и пропили, так как фигура состоит будто бы из составных частей... Внизу, по углам пьедестала, расположены четыре группы: та же женщина и возле нее мальчик с книжкой; этим изображается просвещение Демидова; на второй группе юноша-Демидов высыпает к ногам женщины плоды из рога изобилия; на третьей — Демидов является в военной форме пред вооруженной женщиной как защитник отечества, и, наконец, на четвертой — Демидов-старик как покровитель науки, художества и торговли.

Памятник Андрею Николаевичу Карамзину сделан из чугуна с орлами и барельефами по бокам и с воинскою каской наверху. О покойном управляющем идет добрая молва, и население отзывается о нем приблизительно в таких выражениях:

— Хороший был барин... Больше такого не будет... Под Севастополем голову сложил, царствие ему небесное!..

Такая молва не хуже любого памятника.

Местный музей занимает 5 больших комнат; здесь собраны коллекции уральских минералов, медной и свинцовой руды, образцы железа, мрамора, малахита, золотых песков и т. п. Здесь же находятся куски асбеста (горный лен, волокнистый минерал), из которого готовят негоряемые ткани, картон и

прочее. Никита Демидов в 1722 году представил Петру I образчики полотна из этого вещества и, хотя теперь разработка асбеста оставлена, но, введенная Демидовым в значительных размерах, она долго сохранялась в Сибири, где из горного льна приготавливались колпаки, кошельки, перчатки и шнурки; еще знаменитый Паллас видел работы, произведенные Акинфием в Шелковой горе, и нашел в Невьянске старуху, которая умела ткать полотно, сучить нитки и вязать перчатки из асбеста. Здесь же размещены всевозможные модели машин: для промывки золота и платины, для плавления чугуна и проч. Из старинных вещей обращают на себя внимание громадные часы здешней работы 1775 г., деревянный шкаф, привезенный в 1766 г., медный самовар и чайник — современники «тульских кузнецов», а затем некоторые предметы, о которых я говорил ранее и которые были отвезены временно на пермскую выставку (гл. III), т. е. медный стол, портрет и чугунная доска с жалованною грамотой. Впрочем, интересна еще большая масляная картина, очень давняя, изображающая Тагил, где женщины одеты в боярские костюмы, а мужчины — в цветные фраки, цилиндры и белые панталоны. В числе «раритетов», добывавшихся невяянскими владельцами, были куски руды, обладающие свойством магнитов; большие магниты довольно редки, а между тем у Акинфия был магнит в 13 фунтов, державший пудовую пушку, и два громадных магнита кубической формы были пожертвованы в тагильскую церковь для

престола, равных которым, вероятно, не найдется в целом свете. В музее помещен довольно крупный магнит, который держит на воздухе двухпудовую гирию и чашу в 35 фунтов. Остальная часть музея наполнена образцами заводского производства, среди которых встречаются толстые металлические прутья, завязанные (в холодном состоянии) прихотливыми узлами; но это уже виртуозность, и к производству отношения почти не имеет, равно как и самовар, выбитый из цельного листа железа, на котором нет ни спаек, ни заклепок.

Таков в общих словах тагильский музей.

VI

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Чтобы проникнуть в шахту, нужно иметь особое разрешение заводского начальства. День был праздничный, работы не производилось, и, рыская по заводу в течение нескольких часов, я нигде не мог застать того, от кого зависело выдать мне пропуск; даже, благодаря празднику, не от кого было добиться, кто именно заведует этим. Ни инженеров, ни управляющих не заставал я дома, а рабочие, единственные люди, которые мне попадались, направляли меня к какому-то «Смарагдычу», квартиру которого я наконец отыскал, но хозяин оказался тоже в отлучке.

В полдень следующего дня я должен был уже покинуть Тагил и, может быть, уехал бы, не побывавши в шахтах, если б не выручил

меня рабочий. Указывая на заводской клуб, он сказал:

— Идите. Все они здесь до единого!

Действительно, в клубе находилась вся местная интеллигенция: чествовали старого управляющего, который покидал свой пост, и, разумеется, все сослуживцы собрались на проводы. Здесь, при первом же заявлении о моей просьбе, заведующий медными рудниками любезно разрешил мне осмотр и предложил явиться к шахте в 4 часа утра.

Я уже слышал кое-что об этом подземелье глубиною в 113 сажен, и невольно воображал себе страшное удушье, тьму, и под этим впечатлением провел остаток вечера, бесцельно бродя по улицам.

В 3 часа утра я уже был на ногах. Утро стояло пасмурное, сырое, и моросил мелкий дождь. Было свежо.

Проехав все селение и спустившись к подошве Лысой горы, где на громадном пространстве раскинуты всевозможные заводские постройки, я скоро добрался до конторы, но так как приехал я раньше, чем следовало, и контора была заперта, то минут с 20 мне пришлось просидеть в экипаже и смотреть, как с разных концов завода собираются к шахтам рабочие.

Все они были одеты в пеньковые куртки серо-желтого цвета, в такие же штаны, в высокие побуревшие сапоги и подпоясаны ремнями; если б у каждого не висел за поясом фонарик и рукавицы, а на головах были бы надеты не картузы, а серые бескозырные шап-

ки, то рабочие ходили бы на арестантов. Все они были с бледными, изможденными лицами, без живых красок, и среди серого утра и серых костюмов казались тоже как будто серыми и вялыми. Не замечая ни одного свежего лица, ни одной богатырской груди, свойственной рабочему человеку, я спросил, обратясь вообще ко всей толпе, молчаливо стоявшей вдоль стен, трудна ли их работа в шахте.

— Кабы не трудна, — отвечали рабочие, — разве были бы мы такие!

И все они с видимым безучастием поглядели друг другу в чахлые, угрюмые лица, как на нечто, давно известное и неизбежное.

Не вспомню, пробил ли звонок, или штейгер («штыгирь» — как называли рабочие своего набольшого) подал сигнал, но только вся толпа начала зажигать свечи в своих фонариках и мало-помалу исчезать в низкую дверь шахтенной постройки. Кое-кто в ожидании очереди докуривал трубку, кто отдыхал на бревнах, кто лениво брел и надевал рукавицы.

Когда я снова вошел в контору, сторож уже проснулся и разводил самовар.

— А, вам на шахту? — добродушно приветствовал он меня, кивая головой. — Можно, можно, сударь: об вас уже есть и распоряжение. Сейчас смотритель придет, он вас и проведит. Обождите минуточку.

Продрогнув на холоде, я с удовольствием присел у окошка в теплой комнате, а сторож между тем, приговаривая что-то вполголоса, приносил и складывал возле меня одежду.

— Пока что, — обратился он ко мне, — переоденьтесь в наши мундиры, а то грязно там... живой нитки не останется.

Он подал мне такую же серо-желтую куртку и панталоны, какие я видел на рабочих, и спросил, глядя на мои высокие охотничьи сапоги:

— Не промокают?.. А то я и сапоги могу дать.

Я стал одеваться.

— Вот и не так! — остановил меня сторож. — Нужно спервоначалу все с себя снять, а потом надеть куртку, а не то, чтобы прямо на одежду.

Я послушался и снял пиджак.

— И опять этого мало! — не унимался сторож. — Все нужно снять, до самой рубашки, чтоб ничего не было!

Мне было слишком холодно, и я не послушался.

— Жарко будет! Жалеть станете! — упрекнул меня в последний раз сторож и помог мне одеться.

— А это вот вам ремень, потуже следует затянуться... А это вот фонарик за пояс да лишнюю свечку в карман возьмите, в запас. Потом рукавицы надобно захватить, да картуз сейчас на голову подберу...

Одетый в заводской «мундир», как выражался сторож, я взглянул на себя в зеркало. Толстый, нескладный картуз, тяжелый и несколько влажный, огромные кожаные рукавицы, тоже влажные и грязные, помятая рубаха, в рыжих пятнах, серые узкие панталоны, за-

правленные в голенища, черный фонарик за поясом делали меня почти неузнаваемым для самого себя. Взглянув на меня, даже сторож, улыбаясь, промолвил:

— Вот теперь, значит, по-нашему! Теперь можно и в шахту, а то нешто настоящая одежда здесь выдержит!

В контору вошел смотритель, молодой человек, поздоровался со мною и, видя, что я уже в «мундире», быстро переоделся в такую же куртку. Мы зажгли фонари, надели рукавицы и вышли на двор. Если я продрог в пиджаке и пальто, то в бумажной рубаше мне было уже вовсе холодно.

Идти пришлось недалеко. Провожатый ввел меня в какое-то крытое помещение, стоявшее среди двора, затем мы спустились по широкой небольшой лестнице ниже, где было уже темно, — только едва-едва проникал дневной свет, мешаясь с светом наших двух фонарей.

— Теперь спускайтесь за мною, — сказал мне мой спутник. — Держитесь крепче руками и берегите голову.

У наших ног чернела квадратная яма, приблизительно в аршин шириной, в которую как раз могла пройти человеческая фигура. В стену около ямы были вделаны две или три скобки, чтобы можно было за них ухватиться до начала спуска.

Мой провожатый ловко взялся руками за первую скобку и спустил ноги в яму, потом перехватился за нижнюю скобку — и скрылся в подземелье. Подражая ему, я сделал то же

самое. Ноги мои уперлись во что-то твердое; это была ступенька лестницы. Сначала я оказался по пояс в яме, а затем, переступив следующий порог, скрылся, как и мой провожатый, от последнего дневного света в сырой, темной яме, где было холодно, грязно и тесно. Перебирая мало-помалу ступеньки руками и ногами, мы скоро остановились на площадке.

— Осторожнее! — услышал я знакомый голос. — Беритесь опять за скобку.

Осветив площадку фонарем, я увидел ниже точно такое же отверстие, такие же скобки в стене и снова погрузился в черную яму, сначала по пояс, затем и с головой.

Через каждые 3—4 минуты встречались подобные площадки и скобки. Куда я спускался и долго ли нужно мне было спускаться, я не имел об этом ни малейшего понятия.

Лестницы, по которым я слезал, представляют собою самые обыкновенные, всем известные лестницы — деревянные, с узкими ступеньками, какие подставляются обыкновенно к домам, чтобы забраться на крышу. Лестницы были не длинные: ступеней 30—40, а затем площадка, с новой ямой и с новой лестницей. Все перекладины были сырые, на многих комками лежала скользкая жидкая грязь. Хватаясь руками, я промочил уже насквозь свои рукавицы, о которых сначала думал, что они лишние. Иногда пролезать в отверстие было довольно трудно, чтобы не коснуться спиной или головой о деревянные срубы, покрытые, как и ступеньки, влагой, грязью и, может быть, даже плесенью.

Чем дальше мы опускались, тем становилось мне жарче, и в то же время пронизывал холодок промоченную спину и колени. Нигде не слышалось ни голоса, ни звука, кроме шарканья наших ног, нигде не виделось ни света, ни простора, только и сверкали от фонаря две мокрые ступени лестницы, за которые хватался я уставшими руками, — все остальное было сплошным мраком. Откуда-то капала вода на спину и на лицо, откуда-то продувало ветром.

С непривычки я начал уставать и делал на площадках краткие передышки. Проходили минуты за минутами, за лестницей следовала лестница, и, казалось, не будет конца этому спуску, а между тем у меня дрожали уже руки и ноги, пот градом катился по щекам, а спина и колени были в жидкой грязи, и кожаные рукавицы промокли тоже насквозь.

— Скоро ли доберемся? — спросил я, наконец, своего провожатого, который ответил мне откуда-то снизу глухим, далеким голосом: — Еще лестниц пять осталось!

Продолжая спускаться среди мрака и какого-то неопределенного шума, точно вокруг нас или над нами бежала масса воды, я очутился, наконец, уже не на площадке с дальнейшим черным отверстием, а на твердой почве.

РУДНИКИ. — ДОБЫЧА МАЛАХИТА.

Мне несколько изменяет память, и я не могу сказать теперь, сейчас ли начался отсюда коридор, или мы подвергались еще каким-либо переходам и мытарствам. Помню только, что я стоял среди мутной лужи, так что ступни моей не было видно, и с любопытством озирался кругом. Помню, что это был узкий и низкий коридор, где нужно было стоять немного согнувшись и где с трудом возможно разойтись с встречным человеком. Стены мрачного коридора, а также и потолок были высечены из сплошной каменной глыбы. Это и были шахты.

Глядя на них, мне припомнилось, как в детстве я бродил с зажженной восковой свечкой по подземелью какого-то монастыря. Это был такой же узкий и бесконечный коридор, только значительно выше, так что монах в скуфейке² мог двигаться свободно, а здесь приходилось сгибаться, чтоб не удариться головою о бревна, подведенные под потолок. Там пахло елеем и ладаном, а здесь — сыростью, гнилью и чем-то еще, чего я уже не умею назвать; может быть, это были испарения от камня или металла, может быть, мне это и казалось только — не знаю. Там, в монастыре, указывая на двери, мне говорил проводник, что здесь вот жил схимник такой-то, здесь отец такой-то... А в шахте по коридору то и дело пробегали рабочие с узкими маленькими тач-

ками, наполненными кусками руды; здесь, на глубине 100 сажен, ежедневно работало 500 человек, безвыходно по восьми часов в сутки, и не по идее, не ради души, а просто — из-за насущного хлеба.

Освещая дорогу фонарями, которые уже вынули из-за пояса и держали в руках, мы двинулись по коридору вперед. В иных местах я шел, немного лишь нагнув голову, но преимущественно приходилось идти с согнутою спиною и все время по воде, которая булькала и брызгала под нашими ногами. Нередко вдали показывался огонек и, приближаясь к нему, мы слышали окрик и прижимались к стене, чтобы пропустить мимо себя рабочего с тачкой.

Я покорно шел за своим проводником, не зная ни пути, ни направления, и только изредка, перестав уже стесняться сырости, садился на мокрое бревно, если оно попадалось нам по дороге, и давал немного отдохнуть спине; а затем опять, сильно сгорбившись, продолжал путь. Не знаю, сколько времени шли мы по коридору; иногда попадалось нам похожее на пещеру углубление в стене, где добывают руду, взрывая гору динамитом или рубя топорами; эти обломки подбирают лопатами, ссыпают в тачки и увозят на «рудничий двор», где, посредством машины, добыча извлекается из недр на поверхность земли.

Здесь добывается медный колчедан, бурый железняк с содержанием меди, тальковые глины, оруднелые сланцы, малахит, медное индго, шлаковатая (очень богатая) медная ру-

да, магнитный железняк и проч. Всего разной руды около трех миллионов пудов в год.

Мы были уже довольно глубоко под землею. Не вспомню, в каком именно месте, я был удивлен шумом и спросил, глядя наверх, где что-то шумело и как будто катилось:

— Выше нас тоже работают?

— Нет. Это речка Рудянка протекает над нами.

Шахта, где мы находились, носит название Авроринской. Она ниже поверхности земли на 100 сажен, но нам предстояло опуститься еще глубже, в Северную шахту, глубина которой 113 сажен. Если нашу московскую Ивановскую колокольню считают вышиной что-то около 38 сажен и взобраться на нее считается чуть ли не подвигом, то выбраться из шахты было втрое труднее. Только теперь, найдя сравнительные величины, я понял, на какой страшной глубине я находился, если Кельнский собор имеет 73 саж., высочайшая египетская пирамида Хеопса имеет 64 саж., Исаакиевский собор около 59 саж., Петропавловский шпиг в Петербурге 65 саж. и только парижская башня Эйфеля возвышается на 143 саж. Но там, по крайней мере, имеются, не говоря уже о подъемных машинах, твердые, удобные ступени, а здесь не угодно ли взбираться по деревянным кровельным лестницам, ослизлым и грязным, цепляясь за мокрые перекладки руками! Каково это должно отзываться на людях, работающих в подземелье восемь часов?..

Когда усталый, с разболевшеюся от согнутого положения спиной, весь промокший и

грязный, я сел на мокрое бревно в Авроринской шахте и, поставив на колени фонарь, стал записывать в книжку свои впечатления, руки у меня отказывались работать, и я успел записать всего лишь несколько строк. Передо мною тем временем открылась новая картина. Откуда-то сверху на громадной толстой цепи спустилась железная бадья величиной с хорошую бочку, а от земли отделилась другая, точно такая же огромная бадья, до краев наполненная рудой, и, гремя цепями, тяжело поползла кверху и скрылась во мраке. Между тем рабочие все подвозили тачки, ссыпали руду в порожнюю бадью и, когда наполнили ее, она точно так же со скрипом и грохотом тяжело поползла кверху, а на ее место опустилась вторая — порожняя... Таким образом поступает на свет божий металл из недр земли, и невольно вспоминаются при этом слова Мефистофеля:

«Люди гибнут за металл...»

Несколько отдохнув, мы направились дальше. Потянулись опять мрачные бесконечные коридоры, но они стали еще ниже, так что приходилось не только сгибать спину, но даже в иных местах пробираться чуть не ползком, нередко ударяясь в темноте головой о деревянные бревенчатые оклады и подхваты шахты, и только благодаря толстому картузу не было больно, а в легкой шелковой фуражке, в которой я приехал в контору, можно было бы до крови разбить себе голову. Тут я снова оценил предусмотрительность, с какою исполнен весь шахтенный «мундир».

Северная шахта находится, как я уже сказал, на глубине 113 сажен. Когда мы вошли сюда, рабочие занимались добычей малахита.

Это была высокая пещера, освещенная двумя-тремя свечками, воткнутыми в пробоины. Задняя серая стена, избитая и изрубленная, сверкала мелкими, словно пыль, блестками, и местами по ней зелеными пятнами проглядывал малахит. Рабочие, сильно размахнувшись короткою киркой, вонзали острие в стену и опять вытаскивали и опять вонзали, пока к ногам их не падал кусок зеленого камня. Мелкие куски сбирались в общий мешок, а более крупные обломки откладывались отдельно, потому что они идут на разные изделия, а мелочь и россыпь продается для выделки зеленой краски.

За малахит, кроме обычной поденной платы, дается премия — по рублю с пуда. В общем ежедневный заработок заводского рудокопа выражается от 80 коп. до 1 руб. 10 коп., но иные добывают 2 и даже 3 рубля в сутки.

— Теперь отдохните, — сказал мне мой провожатый, который во время нашей прогулки по шахтам отмечал в тетради неявившихся рабочих. — Назад идти будет труднее... отдохните.

Пока я сидел на мокром бревне, рабочие выломали мне из скалы кусок малахита и просили взять на память. Я хотел дать им за это денег, но они отказались и еще раз подтвердили свой отказ.

— На память, мол... Может, когда, бог даст, вспомнить придется.

Теперь этот кусок лежит передо мною на столе, и часто, глядя на него, мне вспоминается мрачное подземелье, куда не проникал никогда луч дневного света, вспоминаются глухие удары молотков и глухое падение разбитого камня на каменный пол, вспоминаются вялые, изможденные лица рабочих и их простые, добродушные слова: «На память, мол...»

Минут через десять мы отправились дальше. Опять потянулись коридоры, опять заныла согнутая спина, и снова пришлось то нагибаться, то подползать под низкие бревенчатые рамы и шагать по грязи и лужам. Наконец, явилась возможность выпрямиться во весь рост: мы подошли к лестнице.

— Отдохните и полезем!

Я с удовольствием разогнул спину, немного постоял, отдохнул и, следуя за своим спутником, взялся за ослизлую перекладину.

Опять начались бесконечные лестницы, опять те же узкие площадки, та же жидкая грязь, по которой скользили руки и ноги; только подниматься было значительно труднее, нежели опускаться. Там были и свежие силы, и сухая куртка, тогда как здесь приходилось усиленнее напрягать ручные мускулы и стесняться в движении, потому что одежда, насквозь пропитанная влагой и грязью, прилипла к телу, и после трех часов ходьбы с согнутой спиной чувствовалось изнеможение.

Усталость возрастала буквально с каждой минутой; к тому же от усиленного дыхания

пересохло в горле и хотелось воды. Руки еле держались за скользкие перекладины, ноги еле переступали. Отдыхая чуть не на каждой площадке и медленно приближаясь к выходу, мы взбирались по лестницам уже около получаса. Я задышался.

— Долго еще?

— Пустяки! — небрежно отвечал мне спутник — Сажен тридцать осталось!

По-здешнему, 30 сажен — пустяки, а для непривычного москвича — это целая Ивановская колокольня!

Я помню, когда оставалась уже одна, последняя лестница и сверху падал уже бледный луч света, я изнемог до такой степени, что отдыхал на каждой перекладине и еле держался руками; в эту минуту за глоток свежей воды я отдал бы, кажется, половину жизни! Вот остается уже несколько аршин, несколько перекладин... Мой провожатый уже вылез и глядит на меня сверху, с твердой почвы; но руки мои перестают работать. Я хватаюсь за ступень, держусь за нее, но подняться уже не имею силы; дыхание мое прерывается; того и гляди, что опустятся руки, подкосятся ноги — и я полечу обратно по лестнице...

— С непривычки тяжело! — слышу я возле себя знакомый голос. — Ну, еще немножко!.. Еще!.. Еще!..

Я бессознательно лезу вперед, цепляюсь, словно раненый, за перекладины, и, наконец, меня берет за руку крепкая рука провожатого и извлекает из ямы.

Несколько секунд я сидел на полу, не имея силы подняться, потом, отдышавшись, нетвердыми шагами последовал за своим спутником и с трудом поднялся на какой-нибудь десяток порожков широкой лестницы и вышел на заводской двор, где ярко светило солнце, где дышалось снова легко и свободно. Вряд ли когда-нибудь я был так рад дневному свету!

Свежий воздух казался мне легким и ароматным, а голубое небо, зеленая трава на горе и белые облака казались необыкновенно гармоничною, необыкновенно прекрасною картиной!

Было уже 8 часов, когда я вернулся в контору, — следовательно, по шахтам мы бродили часа четыре. Сторож с добродушною улыбкой встретил нас на крыльце и спросил, прищуривая глаз:

— Чайку холодненького теперь, пожалуй, недурно?

Не дожидаясь согласия, он вынес мне стакан жидкого, остывшего чая, который я выпил почти залпом, и только тогда мог проговорить первое слово.

— Говорил, жарко будет! — упрекнул меня сторож. — А еще раздеваться не хотели! Эна, какая грязь — нитки живой не осталось!

Он стащил с меня почерневшую от грязи и воды заводскую куртку, подал мне умыться, помог надеть пиджак и пальто и, поднеся еще стакан холодного чая, хотел проводить меня до извозчика, но, вдруг что-то вспомнив, ударил себя ладонью по лбу.

-- Ах, ты, батюшки! Расписаться-то забыл

подать!.. У нас ведь это делается до спуска... иначе нельзя. Сначала подписку дай, а потом уж иди... потому что — вдруг какое несчастье?

Может быть, я и ошибаюсь, но только из его дальнейших слов я понял, что при конторе имеется книга, где дается подписка, что, опускаясь в шахту, я не буду винить никого, если в случае обвала или какого-нибудь несчастья мне не удастся выйти оттуда живым.

Не читая текста, я расписался в книге или на каком-то листе и поспешил домой, чтобы отдохнуть и переодеться, так как на мне, по выражению сторожа, не оставалось ни одной живой нитки; к тому же в 12 час. дня отходил из Тагила мой поезд.

VIII

НЕВЬЯНСКАЯ БАШНЯ. — ЛЕГЕНДЫ.

Я направлялся в Екатеринбург. В то время я еще ничего не знал о Невьянской башне и слышал лишь намеки на какие-то страшные легенды; но что это были за легенды и почему они могли сложиться, представлялось мне неразрешимым вопросом, потому что никто не хотел или не мог удовлетворить моего любопытства.

— Чем знаменита Невьянская башня? — спрашивал я у попутчиков.

— Да ничем! — отвечали мне просто.

— Я слышал, будто в народе ходят про нее какие-то страшные легенды.

— Никаких легенд не ходит!

Тем не менее, я слышал, что легенды есть,

и мне хотелось непременно дознаться, какие и по каким причинам они возникли; но к кому я ни обращался, ответы были одинаковы, что башня ничем не знаменита и что легенд про нее нет.

Попутная «интеллигенция» оказывалась в этом вопросе несостоятельной. Тогда я обратился к мужичкам, надеясь от них добиться правды. Поезд приближался уже к Невьянску, и спросить про тамошнюю башню было как раз кстати. Я подсел сначала к старику, на вид добродушному и простоватому, и задал ему вопрос о легендах.

— Мало ли чего говорят! — ответил он мне.

— А все-таки что говорят?

— Да так... ничего не сто́ит!

— Ну, про что однако? Чудеса, что ли, там какие бывают?

Старик нехотя махнул рукой и проговорил:

— Так... бабьи сказки!..

Но как я ни допытывался, ничего узнать от него не мог. Он твердо стоял на своем, называя все пустяками и сказками. Однако мне было уже ясно, что легенды существуют, и это меня заинтересовало еще более. Не предвидя от упрямого старика никакого толка, я перешел в противоположный угол вагона и обратился к другому, молодому человеку, с виду похожему на артельщика.

— Действительно... говорят. Только это все вздор! — отвечал и этот, умалчивая о самих рассказах.

— Рассказывают что-то страшное, — начал было я, надеясь вызвать на разговор своего

попугчика, но тот перебил меня возражением:

— Это нужно еще доказать!

— Да что доказывать-то?

— А вот про что болтают.

— Я не знаю, что болтают...

— И знать незачем! Пустяки одни! Говорю, сначала доказать надо!

Это становилось, наконец, крайне любопытно. Что за тайна? Что за рассказы, о которых никто не хочет сказать даже слова?.. Не было уже сомнения, что легенды ходят в народе. Но каковы они? На какой почве возникли, по каким причинам сложились?

Никто не давал мне ответа.

Между тем мы миновали уже станцию Невьянск, где тот же старик и тот же артельщик указали мне в окошко на гору и охотно, даже без моих расспросов, объяснили, что здесь был Демидовский завод и каменная башня, которая теперь служит каланчой, чтобы наблюдать за пожарами.

— Страшные слухи-то про нее какие ходят, вы так мне и не скажете? — спросил я, надеясь, что теперь они разговоятся.

Но старик отвечал по-прежнему, что все это «бабьи сказки», а артельщик настаивал на своем и говорил, что «это еще доказать нужно».

Так я и не добился до легенды.

По разным сведениям, собранным и прочитанным, я впоследствии очень заинтересовался Невьянском, и не столько заводами, сколько его знаменитою башней.

Оказывается, что Петр I, жалуюя Никите

Демидову Невьянские заводы, дал ему и право наказывать людей, но с тем, чтобы он не навел на себя «правых слез и обидного воздыхания, что перед господом грех непростительный...»

Я уже описывал, как отнеслись Демидовы к этому «праву». Никита построил каменный дом, замечательный в акустическом отношении: все говорившееся в доме было слышно хозяину, и виновных в непочтении постигала страшная участь. Акинфий построил башню, еще более знаменитую, высотой в 25 сажен, с потайными ходами и подземельями, где пытали подозреваемых, наказывали виновных и где потоплялись «беглые» во время ревизий. Эта же башня служила местом чеканки фальшивой монеты. По преданиям, здесь «своим судом» замуровывали людей и держали их в колодках и на цепях, и немало было пролито здесь «правых слез», о которых говорил Петр, и немало слышалось «обидных воздыханий»...

По словам Аф. Щокатова *, близ колокольни (башни) поставлен чугунный столб, который, «как сказывают, назначен был для статуи господина статского советника Акинфия Никитича Демидова».

Может быть, в связи с этим столбом для статуи и с жестокостями в башне над рабочими, возникли страшные легенды, реальность которых, конечно, «еще доказать нужно», но возможность их возникновения становится по-

---

* Географический словарь Российского государства. Изд. 1805 г.

нятною, и доказывать ее нечего. Тиранство, фальшивые монеты и уготованный пьедестал для собственного бюста — с одной стороны, и молчаливая гибель людей, угнетенных и бесправных — с другой, понятно, могли побудить народную фантазию к созданию «бабьих сказок», наверно, искренних, задушевных и карательных для грубого насилия, не щадящего ни права человеческого, ни жизни беззащитных людей во имя корысти и тщеславия.

Невдалеке от Невьянска существует местечко, называемое «Веселые Горы». По рассказам моих попутчиков, здесь ежегодно около 29 июня собираются со всего округа раскольники всех толков; иные приходят верст за 200 для поклонения могилам своих святых. Таких могил 7, одна от другой на расстоянии около версты, причем каждый «толк» молится отдельно. Молебствия на каждой могиле продолжаются по одному дню, следовательно, на 7 могил требуется ровно неделя. Здесь читают акафисты и проповеди, а раскольники иного «толка» торгуют в это время съестными припасами, поют песни и даже будто бы слегка опохмеляются. На следующий день, у новой могилы «толк» меняется, и те, кто пели и веселились, идут на молитву, а кто молился, идет петь, пить и торговать. В старину, во время гонения, эти горы были убежищем для раскольников; отсюда и получились могилы почетных «старцев», которых, считая за святых, нынешние раскольники поминают за упокой... Имен их я не запомнил, но, кажется, наибольшею популярностью пользуются: ико-

нописец Григорий, отец Павел, отец Максим, отец Герман и еще кто-то...

Слушая этот рассказ, мне не хотелось верить в его правдоподобность — до такой степени дико и несообразно это чередование молитвы с песнями, проповеди с торгашеством, акафиста с попойкой! Но, вслушавшись в разговор, мне подтвердил это русский священник, сидевший сзади нас, и сказал, что, к сожалению, нечто подобное случается еще и до сих пор. То же самое подтвердил и другой сосед, оказавшийся учителем.

От них я кое-что узнал, наконец, и о легендах Невьянской башни. Благодаря башенным часам, отбивавшим на колоколах половины и четверти, благодаря замечательной акустике в доме, казавшейся народу чуть ли не волшебством, благодаря, наконец, безнравственности, могуществу и жестокостям «уральских владык», моривших людей голодом в подземелье и пытками и потоплявших водой, сложились страшные рассказы о привидениях, которые бродят по ночам, плачут и передают о себе и о своих мучителях ужасающие подробности.

Только этими сведениями и пришлось ограничиться, но это было уже без того понятно. Ни один рассказ чисто народного характера с типичными положениями, возбуждающими фантазию, с его простотой и задушевностью, так и не дошел до меня...

Вскоре мы подъехали к Екатеринбург, который уральцы называют воротами в Сибирь. Поезд остановился; я вышел.

Н. П. Белдыцкий

В ПАРМЕ

Очерки северной части
Чердынского уезда

II.

ОТ ЧЕРДЫНИ ДО ТУЛПАНА НА «ОБВИНЦЕ»

«Обвинец». Пароходные нравы. Земство. и пароходство. Пассажиры 1-го класса; беседа в рубке. На трапе. Пассажиры 3-го класса. Разлив Колвы. Идиллия на трапе. Плоты. Лесопромышленность и лесопромышленники. Колвинские камни. Устье Вишерки. Плавающие бревна; объяснение мужика. Кикус и учитель Серебренников. Школа и церковь. Ночная беседа «интеллигентов». Вид верховьев Колвы; селения. С. Корепино; о. Алексей. Отзывы крестьян о пароходе. Ловля петуха. Тулпанская волость. Первое известие о Лукоянове. Приход в Тулпан; толпа. Тулпанцы и пароход. Отвал парохода.

«Сегодня в Колву» — так гласила доска, вывешенная на убогой конторке мелкого пароходовладельца Юрганова. Рядом с конторкой стоял и дымился небольшой, в высшей степени грязный пароходик «Обвинец», известный более под именем «Кособокого» или просто «Кособени». Прозвище это досталось ему недаром: во время хода он обязательно наклонялся в какую-нибудь сторону и шел боком. С целью «выпрямления» его на палубе держали бочку с тяжестью и перекачивали ее на поднявшийся бок. Но это плохо помогало,

и «Кособеня» ход в наклонном положении предпочитал нормальному.

— Скоро ли тронемся? — спросил я у лоцмана.

— Да вот, значит, как из земства пошту приволокут и председатель велит трогаться, ну и пойдем. Да вот только маленькая заминка есть в машине, так за кузнецом наши ребята побежали.

— Какая же заминка?

— Да все сшшо не можем по-хорошему наладиться, — улыбаясь, сказал лоцман, — хозяина-то у нас нсту, он где-то в Пожве другой пароход покупает, а здися хозяйка осталась, — ну, известно, бабье дело, где ей управиться! А меня хозяин на место командера оставил, ты, говорит, Иван Терентьевич, потрафляй, командуй. А мне што: я ведь Колву-то знаю, хоша в самых-то верхах не бывал, я все на Усть-Еловку ране ходил на «Покчинце» и командером быть завсегда могу. Только машинист, подлец, меня плохо слушат: вчера пьян напился, ну и ребята напильсь, а я хоша и выпил два штофа, да ведь я здоров пить. А пошту надо было везти в Ныроб. А как дошли до Покчи, машинист поломку воспроизвел и грубиянить стал. Вот я к председателю парошного послал. Председатель шутить не любит — живо скомандовал, другого машиниста нанял...

В это время «приволокли» из земства почту и пришел кузнец. Поломка оказалась незначительной, и всего на два часа позже против расписания оставили Чердынь.

В этом году чердынское земство сделало попытку установить пароходное сообщение от Чердыни до Тулпана. До сего времени ни один пароход не пробирался так далеко по Колве, русло которой в этих пределах совершенно не исследовано. Известно было, что в летнее время в верховьях Колвы много перебиров¹, настолько мелких, что даже лодки с трудом могут их одолевать. Еще зимой земство собирало сведения о русле реки, но собранные сведения оказались крайне сбивчивы и земство могло только убедиться, что все переборы имеют песчаное дно и, следовательно, легко расчищаемы. Основание же пароходного сообщения до Тулпана по многим причинам было весьма желательно. Не говоря уже о том, что в данном случае пароход исполнил бы цивилизующую миссию и явился бы пионером цивилизации в диком краю, он в то же время удовлетворил бы и экономическим интересам края, подвозя хлеб и другие продукты, кроме того, этот же пароход должен был развозить почту в северные волости: Покчинскую, Вильгортскую, Ныробскую, Корепинскую и Тулпанскую. На доставку почты в эти края обыкновенно тратилось земством за время навигации с лишком 2000 рублей.

Ввиду этих соображений земство и решило арендовать какой-нибудь небольшой частный пароход. Ильинский купец Юрганов, владелец «Обвинца», рейсирующего ранее от Чердыни до Вижаихи, заключил контракт с земством, крайне выгодный для последнего.

Мне пришлось попасть на «Обвинец», когда он совершал один из первых рейсов до Тулпана. В первый раз вода была еще не особенно велика, и он не мог добраться до своей конечной цели, но на этот раз Колва прибыла, и мы рассчитывали подойти к самому Тулпану.

Стояли последние числа мая. Погода была прекрасная, теплая. Колва выступила из берегов и широко разлилась окрест. Наш пароход тащил за собой небольшую баржу, нагруженную хлебом и семенами. Хлеб принадлежал Юрганову и предназначался для продажи «верховцам», а семена земство решило выдавать им же.

Так как окрестности Чердыни мне были хорошо известны, то я сошел в рубку, где, кроме меня, в числе пассажиров находилось два лесопромышленника. Достаточно было поверхностного взгляда, чтобы убедиться, что оба мои товарища по путешествию «в градусах». В особенности один из них, сильный брюнет, с всклокоченной бородой и волосами, с каким-то тупым, бессмысленным и мутным взглядом, был крайне неблагонадежен. Он все время тяжело икал и произносил ругательства неизвестно по чьему адресу. Другой был более приличен и не так пьян. Этот блондин с чисто русской физиономией все время уговаривал своего товарища на своеобразном, ему одному свойственном жаргоне.

Крохотная рубка была до безобразия грязна. На единственном столе с грязной скатертью находится графинчик водки и несколь-

ко огурцов. Мне пришлось присесть к этому столу. Я на самом краю его развернул карту уезда и углубился в нее.

— Ты убери свою гумагу! — вдруг испугал меня своим рычанием брюнет, — ты не один едешь, што стол-то занимаешь зря! Лучше выпей с нами!

— Киприяныч, не варгай! — примирительным тоном проговорил блондин.

Но брюнет не унимался.

— Да что тутока! — икая, продолжал он, — вот онолды тоже со мной сел в каюте училишка и тоже гумагу разложил, и не чувствует, што лесопромышленник с ним, стервецом, сидит. Вот я взял гумаги его и бросил в окно. Слова не смел цикнуть, потому я лесопромышленник, карман у меня не пустой, а он што — мразь!.. Я ведь три года служил членом управы, и толды училишкам страху нагнал! Одного шибко хорошо срезмизил! Приехал онолды в школу, ремонт производить, и тамока училишка такой неуважительный был; я полез к ребятам и спрашиваю: «А что такое есть земля?» Молчат варнаки! Вот я толды и сказал, а сам на училишку смотрю: «Земля — эфто планида!..»

После этой длинной речи брюнет опять икнул.

— Не варгай! — унимал его блондин. — Глотнем лучше скипидару!

— Давай!

— Эй, полупочтенный! — крикнул блондин в окно матросу. — Лезь сюды!

Полупочтенный залез.

— Скажи фурурше, шtbody скипидару пузырек дала.

Полупочтенный недоумекает.

— Экой бестолковый! Скажи хозяйке, что в рубку бутылку коньяку требуют.

Полупочтенный понял и исчезает. Брюнет посылает ему вслед крепкое ругательство.

— Да не варгай ты, Киприяныч, не варгай! Экой ты изумленный! Давай лучше шатнем по склянке! Вот так! Запировали робятки! Валяй Якимка Пасху!

В это время хозяйка, она же буфетчица и половой, принесла коньяк и, поставив его перед лесопромышленниками, удалилась.

— Пошто это она сама все робит? — сказал блондин, — жаль, видно, ей денег, а то держала бы каку-нибудь велосипеду, и пассажирам было бы сполисобнее.

Он налил коньяк в рюмки.

— А вы, господин, с нами не глотнете? — обратился он ко мне.

Я отказался.

— Не уважаете, значит. Ну, Киприяныч, стойкамся! — и они чокнулись и «глотнули».

— А позвольте осведомиться, господин, вы куда изволите ехать? — опять обратился ко мне блондин, разжевывая соленый огурец.

Я объяснил, что в верховья Колвы.

— К кержакам, значит, — икая, прервал меня брюнет. — Я тамока леса готовлю, меня кержаки страсть уважают. «Иди, — говорят, Серапиан Киприяныч, к нам в попы!», а я им говорю: «Жгу я вас!» Девки там больно хорошие и страсть уважительные!

— Ну, будто и годящие велосипедины есть? — с особенным любопытством осведомился блондин.

— Малина! — сладострастно прорычал брюнет и опять тяжело икнул, — меня шибко любят. Оденова приходит ко мне девка, такая толстая, и говорит...

Но я не дослушал рассказа почтенного лесопромышленника: атмосфера рубки до того пропиталась запахом сивухи, что у меня разболелась голова, и я поспешил выйти на трап.

Ввиду прекрасной погоды все пассажиры были наверху. Тут я мог рассмотреть всех своих спутников. Во втором классе ехал один земский почтальон; в третьем — несколько крестьян-верховцев, обитателей Корепинской волости. Одеты они были в свои характерные лузаны² и с любопытством оглядывали новую для них обстановку. Они возвращались из Усолья, куда плавали плоты дровяного леса. Жители Корепинской волости еще не особенно давно приняли православие и многие из них еще придерживаются раскола. Корепинская волость — соседняя с Тулпанской и много имеет с ней общего; но все же обитатели Корепинской волости более культурны; они главным образом занимаются лесным промыслом.

Между тем мы добрались до богатого торгового села Покчи, жители которой ведут торговлю с Печорой. Покча раскинулась на самом берегу Колвы и представляет из себя довольно красивое зрелище. Здесь пароход наш дал длинный свисток, на который явился во-

лостной писарь и получил земскую почту. После Покчи Кюлва течет среди обширных лугов, замыкающихся дремучим лесом.

Как широко разлилась теперь река и как отрадно в такой ликующий весенний день любоваться пробудившейся природой, хотя бы даже с такого парохода, каков наш «Обвинец»!

На трапе началась оживленная беседа. Вышла и хозяйка с чулком в руках и уселась на лавочку перед рулевым колесом, около которого стоял сам «командер» Иван Терентьевич. И он, благодаря царствующей здесь простоте нравов, устроился с полным комфортом: поставил около колеса столик, на нем самоварчик и бурачок с печорскими сига́ми. Поправит мало колесом, даст надлежащий ход по плесу и начнет закусывать свою ароматическую рыбку и запивает ее чайком. Лицо его при этом светилось бесконечным блаженством.

— Вот господа не уважают эту рыбу, — беседовал он с хозяйкой. — А по-нашему, по-христианскому, так лучше ее и нет на свете. Шибко в охоту пьется опосля ея, а особливо с похмелья она пользительна бывает. Эй, ребята, перекачивайте бочку!

Действительно, пароход уже чересчур наклонился, как будто хотел перевернуться. «Ребята» начали перекачивать тяжелую бочку, и «Обвинец» мало-помалу наклонялся на другой бок.

Я подсел к кучке крестьян и начал с ними беседовать. Они сообщили мне, что довольны

нынешним годом: лес сплавляли благополучно и расчет в Усолье получили полный.

— Вот только обсыялись-то мы поздно: с 15-го мая займаться-то полем зачали, а то все с лесом провозились.

— Ну, а насчет парохода, как вы полагаете — будет ли толк вам от него?

— Эфто дело хорошее, потому вот таперица и мы на пароходе домой бежим, да и земство хлебушко, почитай, к самому дому подвезет, а ведь раньше того мы купим куля два, да все в лодках доставляем — легкое ли дело! Только вот тулпанцы не уважают пароход, не по праву он им.

— Почему же?

— Да антихристом его считают.

— А у вас, в Корепинской волости, тоже ведь раскольники есть?

— Это старики, которы старой веры придерживаются, а мы крещеные, нас о. Алексий крестил, батюшка корепинский.

Навстречу нам начали попадаться плоты леса. На некоторых плотях людей не было, и такие плоты в известных пунктах хватают «ухватчики», т. е. рабочие, приставленные хозяевами для поимки плотов. Обыкновенно ухватчики, заведя пустой плот, выезжают к нему в лодке и смотрят на клейма, кому он принадлежит; если их хозяину, то посредством каната они причаливают плот к берегу.

В это время оба лесопромышленника вылезли на свет божий. Брюнет был окончательно пьян и кое-как держался на ногах. Крестьяне при виде его всклокоченной фигуры

почтительно сняли шапки. Бронет, как только увидал плот с людьми, схватил рупор и сильным голосом заорал:

— Эй, чьи плоты-те?

— Де — Ерупова! — донеслось с плота.

— Эва, мои плоты-те!

— Эх ты, изумленный! — укоризненно сказал блондин. — Своего добра не признал! На-лакался!

— А я думал, Еловкина, лешак его побери!

— И страсть наши хозяева не любят Еловкина, — обратился ко мне мужичок, — он с ло-нишнего³ года зачал по Колве леса готовить и рабочих к себе переманил, вот хозяевам-то и не любо.

Действительно, лесопромышленность, составлявшая прежде монополию чердынцев, в последние годы привлекла внимание и других предпринимателей, и в Чердынский уезд нахлынули лесопромышленники из других губерний и составили чердынцам сильную конкуренцию. Особенно в последние годы большую заготовку делает Еловкин, пользующийся особенной ненавистью местных лесопромышленников.

Умный и сметливый, он в самое короткое время создал себе солидный капитал и вытесняет чердынцев почти из всех урочищ. Насколько здесь солидно развилось лесное дело, можно усмотреть из того, что доход казны от него в Чердынском уезде достигает до 500 000 рублей в год.

Вечером мы прошли мимо богатого села Вильгорта, где расположен лесопильный за-

вод купца Тимохова. После Вильгорта через 2 версты идет богатое же село Кимгорт, жители которого занимаются постройкой барж в Чердынском уезде. В обоих этих селах мы сдавали земскую почту. Тихая, белая ночь достигла нас уже за большой деревней Бигичи. Лесопромышленники, к моему счастью, сошли еще в Вильгорте, и я мог спокойно предаться сну.

На следующий день мы уже вступили в Ныробскую волость. Село Ныроб стоит от реки в четырех верстах, и волостной писарь на берегу дожидался прибытия парохода, чтобы получить почту. Около этих мест Колва очень живописна, так как по берегам ее высится несколько отдельных скал, или по-местному «камней». Сначала идет Ветланский камень — громадный массив в виде стены, подошедший к самой реке. Затем следуют камни: Бабыка, Хивий, Боец. Выше этих камней Колва очень мрачна и имеет характер пармовой реки. Хвойный лес подступил к самым берегам. Местами вода залила лес. Встречаются небольшие луга, также залитые теперь водой. Масса куликов посилась в воздухе, но уток мы встречали мало: они в это время любят находиться в озерах.

Скоро показалось устье Вишерки, по которой купцы пробираются на Печору. Вода Вишерки разительно отличается от колвинской; она почти черного цвета.

— Чаю не надо заваривать в такой воде, — похвалил лоцман Иван Терентьевич, — беда, экономная вода. Я раньше все по Вишерке

ходил, так заваришь чаю немного, а напреет — черным-черно.

Вишерка служит истоком Чусового озера, лежащего в низине, в болотах.

Навстречу нам часто стали попадаться отдельно плывущие бревна. Множество этих бревен занесено разлившейся водой на луга и там они застряли в кустах; немало их было и среди затопленного леса. Один из мужичков заметил:

— Вот как ноница еловкинский лес сбросало, таперича собирай его! Ну да крестьянам работа будет, а у Еловкина толст карман-то!

Я спросил объяснения.

— Да вишь ты какое дело, — охотно отвечал мне мужик. — Значит, Еловкин этот лес на Березовой заготовил, а к весне и спрудил его на устье, чтобы, значит, плоты делать и сплавить опосля. А лесу-то тамока наперла сила. Канатом реку перегородили, штобы, значить, лес зря не уплыл. А тамока и другие лесопромышленники готовили, и их лес тоже тутюка сгрудило. А они злы на Еловкина-то, што он у их перебиват дело, вот они пожаловались лесничему барину, а барин кондуктора послал. Кондуктор приказал разсиччи канат, лес-то и поплыл по бревнышку. Вот теперя надо его собирать. А вода обсохнет, лес на лугах будет, надо лошадьми его таскать. Вот крестьянам опеть работа приспела...

От устья Вишерки верст 25 кверху нет и признаков человеческого жилья. Местность эта очень однообразная и унылая, тем более, что

Колва здесь катится среди низменных лесистых берегов. Но около деревни Кикуса берега становятся холмистыми и река принимает более веселый характер.

Деревня Кикус — одна из значительных в этой части Колвы и имеет 34 двора с 235 жителями обоого пола. Здесь находится земская школа и недавно отстроенная деревянная церковь. Оба эти здания возникли в этой глуши благодаря пропаганде и стараниям местного учителя В. А. Серебренникова...

...Когда наш пароход подошел к Кикусу, то толпа кикусян стояла уже на берегу. Многие из крестьян, услышав свисток, бросали свою работу на поле и бежали смотреть столь редкое зрелище.

Кикус, как и большинство колвинских селений, расположен на высоком холме и со всех сторон окружен пармой.

Пароход наш брал здесь дрова, и в распоряжении пассажиров имелось свободных часа четыре. Я с г. Серебренниковым, пришедшим за получением почты, начал взбираться по крутой тропинке в гору. Подъем этот очень крут и утомителен. Наконец, добрались мы до деревни. Несколько величественных кедров стояло на окраине. Избы разбросаны в беспорядке. Небольшая полоска вспаханных полей примыкала к дремучему лесу. С трех сторон подымались лесистые, крутые холмы. С четвертой стороны, внизу, змеилась Колва, с этой высоты — совсем ничтожный ручеек. За Колвой, насколько хватал глаз, шла парма. Среди леса сверкала молодая зелень берез-

ника, рельефно оттененная темными пятнами елей и пихт, а местами, в виде темных кудрей, шел сосняк. На горизонте фиолетовые тона сливались с голубым небом. Вид был дикий, мрачный, но не лишенный поэзии. Здесь природа еще всецело царствовала над человеком и подавляла его своим холодным величием.

— А вот и наша школа. Милости просим! — приветливо пригласил меня г. Серебренников.

Школьное здание, только что отстроенное, капитальной стеной разделялось на две половины: училище и помещение для учителя. Училищная половина представляет из себя чистую, поместительную комнату, вполне достаточную для 20—30 учащихся. По стенам висели географические карты, картины. Невыразимо приятно было видеть эту обстановку в такой глуши. В. А. объяснил мне, что учащихся у него около 20 человек и что вообще школа здесь прививается успешно.

Закусив и напившись чаю в уютной квартирке В. А., мы отправились осматривать церковь, стоящую в нескольких шагах от училища. В церкви мы также нашли примерную чистоту. Г. Серебренников передавал, что всю церковную утварь и иконы он завел на пожертвованные деньги, причем в числе жертвователей было много покчинских купцов...

...Около церковного и училищного зданий В. А. развел небольшой садик и огород. Много красоты придают этому месту несколько величественных кедров.

Поздно вечером возвратился я на пароход, и мы отвалили от Кикуса. Я уже расположился спать, как вдруг в соседней каюте раздались громкие голоса: то были новые пассажиры, два представителя чердынского бюрократического мира, объезжавшие этот край по служебным делам. Они говорили громко, перегородка, нас разделяющая, была тонка, и я поневоле должен был слушать их разговор. Один из бюрократов говорил толстым басом, а другой фальцетиком.

— Спасибо земству, — гудел бас, — основало здесь пароходство, а то ведь раньше все в лодках приходилось здесь таскаться, не дай бог чего натерпишься в дороге, а теперь благодать.

— Пароход только уж очень грязный, — жаловался фальцетик.

— Ну, вы, батенька, слишком много требуете! Вот поживете в наших палестинах, не будете так требовательны. Ну, что, какое впечатление на вас наша Чердынь произвела?

— А знаете, я о ней имел худшее представление! Между тем, это городок вполне порядочный, да и край оригинальный, хотя, конечно, глушь порядочная.

— Ну, а общество наше каково? Интеллигенция?

— И относительно общества у меня хорошее впечатление, хотя у многих и есть некоторые недостатки. Вообще мне кажется, что все здешние чиновники самолюбивы до болезненности и о своих прерогативах имеют слишком преувеличенное представление. Не-

которые либеральничают, но у них и это не выходит. Заговорит, например, такой господин с низшим, как с равным, но стоит только войти третьему лицу, и ваш либерал сразу теряется, видимо, боится уронить свое достоинство, меняет тон и становится невыносимо высокомерным. Мне кажется, что такой quasi-либерализм хуже всякого консерватизма. Консерваторы — люди уже с известным складом мыслей и никогда не поставят себя и собеседника в такое глупое положение.

— Ну да, конечно, вы правы. Но я про себя скажу, что терпеть не могу никаких либералов. Вообще либеральничанье — большая глупость. По-моему, были бы хорошие люди, чтобы можно было поговорить, в картишки поиграть, ну и выпить умеренно — вот и хорошо. А все эти либеральничания ни к чему хорошему не поведут...

— А скажите, пожалуйста, — прервал фальцет, — я часто встречаю в газетах корреспонденции из Чердыни, кто это у вас пишет?

— Вот вы задели мое больное место, — злобно зарычал бас, — от этих проклятых корреспонденций покою нет! Кто пишет? Вот либералы-то и пишут! Конечно, порядочный человек не напишет, ни я, ни вы не будем писать, а вот какой-нибудь учителяшко или неудачник — ну те и строчат! Да об чем строчать-то? Все ведь о чем-нибудь отрицателем, о какой-нибудь мерзости! О хорошем не пишут.

— Я сам против корреспонденций и имен-

но потому, что корреспонденты охотнее берут темами именно мрачные стороны жизни. Ну да, если это у вас какое-нибудь ничтожество пишет, можно бы принять и меры для охранения порядка; мне кажется, что это будет согласно и с этикой...

— Да уж мы принимали меры, да этим прохвостам нейдет!

Наступила пауза. «Спят», — подумал я.

— Ну да что тут толковать об этой мерзости! — вдруг опять загудел бас. — Поговорим о другом. А вы не обратили внимание, как Анна Петровна льнет к Ивану Петровичу?

— Как же, как же! Ведь это в глаза бросается. Что, это давно у них?

— О, тут целый роман! Вот видите ли, муж-то у ней тряпка, да и неспособный...

Но дальше разговор принял слишком интимный характер; я закутался в одеяло с головой и заснул.

На следующий день погода была по-прежнему прекрасная, что в здешних местах не часто бывает. На трапе царила та же идиллия. Бюрократы утром сошли с парохода в одной деревне, и я так и не видал их.

Теперь мы уже вступили во владения «верховцев». Все местные деревеньки, числом 9 (в Корепинской волости), расположены на высоких холмах и осенены кедрами. Удивительно, как эти жители по головокружительным тропинкам достают воду из реки. Вид был везде один и тот же: холмы, парма и изредка на верхушке холма приютилась деревенька.

Наш пароход и баржа возбуждали всеобщее волнение. Все обитатели деревенок бросали свои дела и глазели на нас. Свисток наводил ужас даже на животных, особенно на лошадей, и они мчались во весь опор в парму от невиданного зверя.

Колва становилась уже, и пароходу часто угрожали плоты и приходилось лавировать.

Наконец достигли мы и села Корепина. Оно, как и все местные селения, расположено на высокой горе. Все жители выбежали встречать нас. На пароходе давно уже вышли все припасы, и мы принялись закупать у жителей яйца и хлеб. Но бабы неохотно продавали свои припасы, и торговля шла вяло. Многие из корепинцев брали с парохода хлеб и на снях везли тяжелые кули в крутую гору. О телегах здесь не имеют и понятия.

В Корепине есть небольшая деревянная церковь и волостное правление. Я зашел к местному батюшке о. Алексею Чечулину.

О. Алексей — весьма чтимая здесь личность, и, действительно, его деятельность заслуживает полного уважения. Бессребреник, простой в обхождении и с любящей душой, он принес и приносит много добра для здешнего темного люда. Он многих обратил в православие, и в его приходе раскольников становится все меньше. Его не пугает жизнь в этой глуши, хотя он и обременен большим семейством; доходы же здесь ничтожные. Этот достойный пастырь так отзывался о жителях Корепинской волости: «На вид и на первый взгляд верховцы действительно дики, грубы,

а главное, безнравственны в семейных отношениях. Но надо принять во внимание их тяжелую жизнь и то, что им не с кого брать хороших примеров. А между тем сердца у них добрые, отзывчивые и при хорошем обхождении из них можно сделать добрых христиан. Вот, даст бог, разовьется здесь пароходство, да дорогу проведут, будем мы иметь общение с людьми, и тогда все пойдет лучше и дикость нравов исчезнет. Главное, необходимо дороги здесь проложить, хоть от селения к селению. Ведь здесь о колесах и понятия не имеют. Летом на гумна на санях ездят. Я первый завел здесь телегу, и когда привез сюда колеса, так вся деревня сбежалась смотреть их, точно редкость какую-нибудь».

О. Алексей основал здесь церковно-приходскую школу, но пока учащихся мало.

Толпа любопытных все время не отходила от парохода; несколько мужичков, из бывших пассажиров, слезли в Корепине и передавали толпе свои впечатления:

— Шибко сполисобно на эфтой машине бежать. Лежишь себе, не гребешь, а все вверх подымаешься.

— На вот! Эка тресья!⁴ Это, братцы, как же колеса-то вертятся? Люди же их вертят?

— Нет, паром, сказывают, действует; а надо полагать, што дьявол тутока руководствует.

«Спаси, господи!» — слышится в толпе.

— Ну, а яровы-то в миру каковы?

— Да не шибко хороши. Пожалуй, опять хлеб вздорожат.

Мне вздумалось купить здесь курицу, так как я давно уже не ел свежего мяса. Я обратился к толпе.

— Каки у нас куры! — сказала одна баба. — Самим надобны, помалу их держим.

Вдруг высунулся один мужичонко:

— А петуха тебе не надобно? У меня тутока один есть, такой стервец, кур не топчет, я бы, пожалуй, отдал его: вон он бегат!

— Давай, давай!

Мужичонко побежал за петухом. Но тот, верно, предчувствовал недоброе и скрылся под амбар. Толпа гоготала над опешившим мужиком.

— Што, дядя Спиридон, убег твой петух-то! Видно, почуял, што смерть ему приходит!

— Будь он трое проклят! Чивера ему в горло! — ругался мужичонко.

Так и не удалось мне добыть свежего мяса.

Долго толпа сидела на скате холма под тенью кедров и созерцала пароход. Тут же бродили овцы, мирно щипавшие молодую травку, свиньи, куры. Вокруг расстилался дикий северный пейзаж и раздавалось пение куликов. На пароходе в это время чинили колесо, сломавшееся о встречное бревно.

Проплывши Корепинскую волость, мы, наконец, вступили в Тулпанскую. Местность сделалась еще глуше, парма еще суровее, а деревеньки реже. Колва здесь страшно извилиста, и несколько раз мы видели, что она течет параллельно себе и прямца имеет расстояние несколько аршин, а круги приходилось делать в десятки верст.

Почти все местные селения носят по нескольку названий, одно официальное, а другие народные. Произошло это потому, что первые поселенцы селились отдельно и называли каждый поселок по прозвищу его обитателя, и произошли свои названия большей частью от имени первого основателя поселка, а потом уже разросшиеся деревни получили и официальные названия.

В Қорепине к нам сел приказчик одного из лесопромышленников и сообщил важную новость об открытии на р. Унье железной руды.

— Открыл ее, — говорил он, — ныробский мужик, Дьяков по фамилии, и показывал чердынским купцам, а те его прогнали, вот он и натакался на какого-то Лукьянова, тот нонича осмотрел гору и заявку сделал, хочет завод открывать.

— Балы (басни) все это! — авторитетно произнес лоцман-командер Иван Терентьевич, — како там по Унье железо! Пустые разговоры. Да и дело ли завод тамока строить! И не доберешься до места-то! Так здря волочат.

Наконец под вечер мы достигли конечного пункта нашего путешествия — села Тулпана. Тулпан открылся перед нами внезапно из-за леса. На верху холма мы увидали новенькую деревянную церковь, осененную несколькими величественными кедрами, а ниже церкви кучку жалких изб.

— Ликося, народу-то че высыпало! — раздался крик на пароходе.

В самом деле, на берегу Колвы, под двумя высокими кедрами, стояла кучка людей — почти все народонаселение Тулпана. Это была дикая, но оригинальная картина. Мужички были в полосатых лузанах, женщины и девушки — в платьях из холста домашнего изделия.

Все стояли молча и наблюдали со страхом надвигающееся чудовище.

В первый раз с сотворения мира проникал сюда пароход. Жители уже знали о его прибытии и караулили даже по ночам. Вот раздался свисток. Боже, как испугались эти дикари! Многие бросились бежать. Старики крестились старообрядческим крестом.

Мы пристали к берегу. Священник с семьей, писарь, объездчик — местная интеллигенция — с радостными лицами приветствовали нас.

— Наконец-то дожили и мы до парохода! — говорили они.

Местный священник, еще совсем молодой человек, весьма любезно предложил мне остановиться у него. Я воспользовался его любезностью, и мои вещи были перенесены в обширный священнический дом.

Пароход в Тулпане стоял несколько часов. Все время толпа с диким любопытством созерцала его, изредка обмениваясь впечатлениями. Редкие храбрецы решались взойти на пароход. Большинство же держалось дальше от дьявольской машины.

— Видно, уж конец миру близко, — слышалось в толпе. — До Тулпана экой зверь дополз. Видно, правду старые люди баяли!

Когда же из машины стали выпускать пар, то толпа с ужасом бросилась в сторону и не скоро опять подошла к пароходу.

— А у нас дедушко, — говорила одна девка; — как учуял, што пароход идет, толды же в голбец залез и топерь тамока сидит.

Хозяйка парохода объявила о продаже хлеба, и некоторые крестьяне купили себе несколько кулей. Кули были вытащены из баржи и положены на болотистую почву. Потом уже подъехали лошади и на санях началась возка хлеба в гору. Это очень тяжело для бедных животных, и они положительно выбивались из сил. А между тем будь хоть одна телга, как бы упростилось дело.

Наконец, почта была сдана и пароход издал прощальный свисток. Вот он тронулся, сделал поворот и потянул за собой баржу. Толпа с изумлением следила за всеми, новыми для нее явлениями. Особенно их поразило послушное движение баржи.

— Робята! Гли: баржа-то, баржа-то за им бежит. Вот смехота-то — ровно погонная лошадь! Го, го, го!.. — и дикий смех долго не смолкал.

Пароход исчез за извилиной реки. Вместе с ним исчезло и единственное звено, связующее меня с остальным цивилизованным миром. Вокруг меня стояла толпа диких «подлиповцев», с недоумением обратившая взоры на неожиданного пришельца...

III.

ТУЛПАН.

Село Тулпан. Окрестности. Отзыв жены священника. Отзыв священника о тулпанцах; их нравственность. Свадьба в Тулпане. Избы. Разговор о вере. Суеверия тулпанцев. Отношение к военной службе. «Еретники». Царство антихриста. Рождение тулпанца. «Перемененки». Детство тулпанца. Женильба. Старость и крещение перед смертью. Кладбища. Осмотр трупов. Принятие мученического венца. Праздники. Св. Варлаамий. Изуверство. Самосожигание. Роль церкви и школы в просвещении края.

Тулпан — название зырянское и означает буквально «основание кола». Тул — кол, пан, панны — плести основание. Село это, как и все селения Пармы, расположено по скату холма и состоит всего из 17 дворов с числом жителей около ста человек обоюго пола. Местные избы разбросаны без всякого плана и порядка; все нечистоты вываливаются и выливаются под окна, и потому грязь в селе непролазная. Избы большей частью — жалкие лачуги, грязные, почерневшие. Около изб небольшие огороды. Немного выше, на верху холма, стоит небольшая деревянная церковь, отстроенная года три-четыре тому назад. Против церкви прекрасный двухэтажный дом священника и рядом — волостное правление, только что оконченное. Несколько величественных кедров скрашивают неприглядный ландшафт. Со всех сторон, куда бы вы ни взглянули, раскинулась мрачная, бесконечная парма. Ни од-

ной лужайки, ни одного свободного от пармы местечка, на котором мог бы отдохнуть глаз, всюду лес, лес и лес. Он взобрался на соседние холмы, он расположился по обоим берегам Колвы и ушел далеко-далеко вдаль. Я всегда был защитником леса, и истребление его казалось мне чуть не святотатством, но при виде этой картины начинаешь понимать жителя севера, почему он так беспощадно относится к лесу. «Лес задавил», — говорят северяне и борются с ним. Тут происходит борьба человека с природой, пигмеев с великаном. Но природа сильна и могуча и смеется над усилиями пигмеев. И пигмеи пока бессильны, но вот придет к ним на помощь цивилизация, и великан будет сражен окончательно...

— Очень уж у нас здесь скучно! — говорила мне супруга о. Димитрия. — Выйти погулять даже нельзя: всюду парма, всюду болота, комары. А зимой еще того хуже: занесет сугробами снега и сидишь в четырех стенах. И поговорить не с кем, народ грубый, раскольники на нас смотрят враждебно... Уж так я здесь измучилась...

— Много ли народу посещает церковь? — спросил я о. Димитрия.

— И не говорите! Каждый праздник в пустой церкви службу совершаем. Церковь здесь воздвигнута на этих годах и еще не привилась. Местные крестьяне слишком враждебно относятся к храму божьему, а нас считают слугами антихриста. Первое время боялись мы, что подожгут храм, ибо были такие нечестивые речи, да господь не попустил. Ведь та-

кой подлый здесь народ, что когда идут мимо храма, так отплевываются. Старики ихние говорят, что если тень даже от храма на человека падет, и тогда ему ада не миновать! Вот каков народец! Это все несколько стариков здесь мутят. Вот когда умрут они, так лучше будет. Некоторые из молодых решаются посетить храм, только чтобы высмотреть. Стоят в теплушке без всякого благоговения, а потом смеются. К духовным лицам относятся непочтительно и терпеть нас не могут. В иные дома и с крестом не пускают. А в который придешь невзначай, так все старики и старухи в голбец попрячутся. Где-то там у них в самых верховьях Қолвы скиты построены и старцы живут. Особенно есть один старец по имени Костя, так он главный мутьян. А добраться до них нельзя, живут в дремучем лесу, если и отправишься к ним, так им дадут знать еще раньше, и они убегут в парму...

— А с другими раскольниками местные имеют сношения?

— Нынче стали иметь. Тут повадился в наши места ездить ихний поп Кустов, он возит с собой старинные книги и продает нашим верховцам. И ведь берет с них немилосердно: по сту рублей и больше за книгу. Его уже несколько раз ловила полиция и отбирала книги.

Когда я спросил у о. Димитрия относительно нравственности тулпанцев, то он махнул безнадежно рукой.

— Да и какая у них может быть нравственность, когда они не признают св. таинств

и не считают за грех несколько раз вступать в брак и разводиться!.. В последнее время все-таки встречались единичные случаи бракосочетания в нашей церкви. Некоторые женщины, более умные, не желали выходить замуж без церковного обряда, и я их венчал.

Как раз во время моего пребывания в Тулпане мне пришлось быть свидетелем такого брака.

Под вечер к священнику явился молодой парень лет двадцати, родом из деревни Пачгиной с Печоры, и просил повенчать его с девушкой из той же деревни.

— Я хочу уж в вашу веру перейти, потому нявеста пойдет так за меня.

— А в душе-то ты имеешь такое желание? — спросил о. Димитрий.

— А то как ино! Пошто не хотеть? Уж только ты, батюшка, поскорее обвенчай, мне завтра на Печору итить нужно. Мы с нявестой пешком пришли.

— Да тебя надо еще окрестить.

— На вот! Да ведь я крещеной!

— А кто тебя крестил?

— А бабушка Лукерья! Она значит всех у нас крестит. Родится ребенок, она в воду яго и окунет... Она старуха умственная. Стары книги знат.

— А все-таки тебя нельзя сразу венчать, я должен с вами обоими побеседовать, а потом обряд присоединения к православию совершить.

— Ишь ты! А нам беспременно надо итить домой, эка тресья!

Но о. Димитрий уговорил его остаться до завтра и велел обоим явиться для беседы.

На другой день вечером назначена была свадьба...

...Странное впечатление производила эта свадьба.

Молодой явился босым, в холстиновых штанах и рубаше без пояса. На груди висел медный православный крест. Невеста достала у подруги в Тулпане ситцевое платье, длинное, не по ее росту. Она была также боса, потому что с Печоры пришла в бахилах⁵. Церковь они видели в первый раз и дико озирались. Непривычная обстановка пугала их. Около десятка тулпинских баб пришли полюбопытствовать. Но в церковь они не вошли и выглядывали из теплушки, громко смеясь и разговаривая, так что иногда заглушали службу...

— ...На свечи вы должны дать что-нибудь, — сказал священник.

— Да у меня всего семь копеек! — отвечал молодой.

— Ну что же, и на семь копеек можно богу свечей поставить, это ничего, лишь бы от чистого сердца приношение было.

Неуклюже и с недоумением ходили молодые вокруг аналоя за священником. Невеста путалась в своем длинном платье... Обряд длился долго, и я зашел в теплушку. Но воздух там оказался так тяжел и удушлив, что я хотел удалиться на улицу.

— Постой, молодец! — крикнула мне одна баба, — посиди с нами, побалуй!

— Да разве в церкви можно баловать?

— Здися теплушка, ничего! Ты нами не моргуй (не презирай нас).

Я вышел.

Молодые в ту же ночь отправились в свое свадебное путешествие; им надо было сделать около ста верст через парму, не шутка!

Я начал знакомиться с тулпанскими обывателями и заходил к ним в избы. Это были большей частью невероятно грязные помещения со множеством ползающих по стенам тараканов и клопов. Многие избы черные, т. е. без дымовой трубы. Ко мне, как приезжему «мирскому» человеку, жители относились крайне недоверчиво, и особенно недоверчивость эта усилилась, когда я начал наводить справки относительно скитников.

— Не знаем мы про это, — говорили тулпанцы, — люди бают, што есть каки-то скиты, а мы не знаем.

Если вы спросите тулпанца о том, какой он веры, то он с недоумением посмотрит на вас и ответит:

— Как какой веры? Вера одна — хрестьянская, только быдто мы попов не признаем, да церквей, а вера завсегда одна. Только вот значит в других деревнях, повыше, есть Костина вера. Старец тамока в скитах живет, Костей прозывается, так иные его веры придерживаются, это значит таловцы, да в Дии, а мы хрестьянской веры.

Тулпанцы крайне суеверны. Они убеждены, что теперь настало царство антихристово и слуги его всюду расставляют «прелестные

сети» на пагубы человекам. От дьявола избавиться никак нельзя, слуги его вездесущи: в лесу — леший, в бане — банный, в воде — водяной, в доме — домовый. Леший — большой пакостник и норовит причинить охотникам как можно больше зла. То он их закружит в парме и они собьются с дороги, то начнет петь в парме же нехорошим голосом, так что дрожь пронимает человека. То распугает всех рябчиков и белок, и бедный охотник придет домой с пустыми руками... И не перечислить всех пакостей лешего: из «нечистых» это самый зловредный. Банный тоже пакостничает. Беда «хрестьянину», если он пойдет мыться в баню в третью очередь: задушит его банный и унесет душу в ад. Поэтому тулпанцы никогда в третью очередь не пойдут в баню и лучше останутся невымытыми, чем подвергнутся такой опасности. Подлец в своем роде и водяной — топит людей и души их представляет антихристу.

Всякие проделки выкидывает также и домовый.

От всех этих напастей можно избавиться лишь старинным перстосложением, а не тем, какое проповедуется попами в церквах, да чтением старинных книг. А уж если совсем хочешь спастись — беги от прелестей мира в пустыню, в скиты и молись богу.

Силен антихрист и несть числа его уловкам! Табак, чай, картофель — вот злые зелия и плоды, коими он нынче уловляет легковверных в сети свои. И уж среди тулпанцев появились проклятые табакуры и чаи начали рас-

пивать! Это все солдаты виноваты: «обмиршатся» на службе и несут домой заразу!

Солдатчины тулпанцы боятся страшно, и бывали случаи в здешней волости, что рекрута убегали в парму и скрывались в скитах. Даже в нынешнем году один парень скрылся перед набором и теперь находится в бегах.

Знают тулпанцы, что и среди них есть люди, продавшие душу свою черту. Эти люди называются «еретниками» и могут творить «хрестьянам» большое зло. Они могут напускать килу и другие болезни. Таких людей следует бояться и не задирать с ними. Вот, например, жители деревни Таловой почти все еретники и знают с лешим. Потому-то таловцы и удачливы так в добыче рябка и белки и деньги у них водятся.

Царство антихриста с каждым днем расширяется, и все труднее становится житье «хрестьянам». Вон раньше, в старые годы, и начальство в Тулпан не пробиралось, а теперь даже в селе живут лесники и носят на шапках орла, а орел-то ведь печать антихриста и есть! Об этом в книге Ездры прописано. А тут земство вздумало како-то школу заводить и по проклятой гражданской печати учили «робят» грамоте, да «хрестьяне» образумились и не стали отдавать детей в училище, и школа прекратила свое существование. А потом зачали попы ездить и беседы устраивать и — страшно вымолвить — «щепотью» заставляют богу молиться! Потом церковь выстроили, и поп поселился в Тулпане. А в заключение — дьявольская машина до самого

Тулпана добежала и будет все лето бегать! И сидит внутри ея «нечистый» и вертит колеса... Скоро, скоро настанет светопреставление!..

Вся жизнь тулпанца, от рождения и до самой смерти, представляет из себя что-то неустойчивое, шаткое, беспочвенное, какую-то игрушку нечистой силы. Ни нравственных устоев, ни духовной жизни, ни семейных начал — одно жалкое прозябание.

Тулпанец рождается в бане. Старуха его «крестит» в холодной воде и дает ему имя. Но крестят не всех. По убеждению многих тулпанцев, креститься надо перед самой смертью. Как только младенец появится на свет, «нечистый» начинает проделывать над ним свои шутки. Вот, например, младенец царапается и не берет соску. Это значит, что он «перемененок», т. е. дьявол во время родов взял «хрестьянского» младенца и подменил его своим. По этому случаю мать должна совершить обряд очищения. Она кладет младенца под поганое корыто и по верху корыта начинает стучать сечкой. Бабушка-повитуха ее спрашивает:

— Че ты сечешь?

— А перемененка секу!

— Секи его, секи, чтобы его вовек по веки не было!

Этим обрядом младенец очищается и становится «хрестьянином». И вот начинает он расти в дымной избе среди грязи. Тело его вечно в болячках и струпьях. Кормят его из хлебной соски «титька»; в эту титьку влива-

ют молоко, иной раз с тараканами. В виде разнообразия нянька, обыкновенно маленькая сестра, разжует черный хлеб и сует ему в рот. Захворает ребенок — его несут в жаркую баню и парят до бесчувствия. Оспа, скарлатина, дифтерит, сифилис уносят сотнями свои жертвы. Но вот ребенок каким-то чудом минует Сциллы и Харибды такого детства и вступает в отроческий возраст. Какие же примеры он видит перед собой? Его отец уже взял вторую, третью жену, он слышит постоянные сквернословия, ругательства, растет среди грубых суеверий. Ни одной капли разумных понятий, ни одной крупы нравственности... Он и сам выучивается циничным словам и пересыпает ими речь свою; еще отроком вкушает разврата и, пройдя такую школу, вступает в жизнь. Приходит и ему пора брать бабу в дом, и он «женится», т. е. выбирает девку, собирает других «хрестьян» и старичка-начетчика. Тот что-то прочитает по «старым книгам», и все начинают пить водку. Чем больше выпьют вина, тем почетнее свадьба. Крики, шум, циничные ругательства — и «свадьба» совершена. А там не понравится баба — долой ее из дому, другую свадьбу заводи. Баба тоже не горюет: и она в другой раз тоже выйдет «замуж»... Но вот настает старчество, а с ним и болезни. Если «хрестьянина» бабушка не крестила, то он обязан перед смертью совершить этот обряд. Сохрани боже умереть не «крещеным»! Несмотря на то, что стоит суровая зима и сорокаградусный мороз царит в воздухе — «хре-

стьянина» завертывают в холст и делают две проруби, в близком одна от другой расстоянии. Больного окунают в одну прорубь и посредством пропущенного полотенца вытаскивают в другую. После такого «крещения» «хрестьянин» отправляется *ad patres* * раньше срока.

Кладбищ у тулпанцев нет, и своих умерших они хоронят где попало: под овином, в лесу, около дороги; похоронивши, стараются позабыть об отошедшем в вечность, и никогда не поминают покойников. Могилу выкапывают всего глубиною до $\frac{1}{2}$ аршина, и звери частенько разрывают умерших и съедают их. Гроба делают деревянные и сшивают лыком, так как гвозди употреблять — великий грех. Бывают случаи, что иногда выкапывают покойников и смотрят, что с ним сделалось, особенно проделывают это с маленькими.

При мне одна баба рассказывала жене священника, как она смотрела своего зарытого ребенка:

— Наша-то вера оказалась лучше церковной, — закончила она. — Совсем мой Ванюшка мало попортился, а в вашей вере от него ничего бы не осталось.

Более фанатичные из тулпанцев во время болезни перестают есть и моят себя голодом. Иногда ближние заботятся о душе больного и не дают ему есть. Тоже баба рассказывала:

— Страсть умные девки у Авдотьи были. Она, значит, шибко занедужила, смерть за ей

---

* к предкам (*лат.*).

пришла, вот дочери ее и не стали кормить. Она просила, просила их, а они и бают: «Прими, мамонька, венчик мученический, пострадай!» Так и не дали ей до самой смерти есть и душеньку спасли. Вот какие умные девки! Нонича уж мало таких-то!

Посты тулпанцы соблюдают строго, и только мужчины во время охот, находясь в парме, в силу необходимости, вынуждены отступать от них. Во время праздников они предаются безобразному пьянству. Хотя здесь и нет винной лавки, но вино привозится заранее из Чердыни или Ныроба. Более состоятельные крестьяне запасают его много и с большим барышом продают неимущим.

Из летних праздников наиболее чтимым является праздник св. Варлаамия. Это наиболее популярный из святых, и тулпанцы празднуют ему в пятницу на первой неделе Петрова поста, не разбирая числа, в который она приходится.

Про св. Варлаамия существует в парме такая легенда.

В старые годы спасался в парме на болоте один благочестивый отшельник. Келья его стояла далеко от селения, и случилось, что хлеб у него весь вышел. Идти в селение он не мог, потому что болото было топкое и непроходимое в летнее время, да и силы отшельника истощились в посте и молитве. Вот к этому-то благочестивому отшельнику и явился св. Варлаамий. Отшельник начал просить у него прощения, что не может его покормить, ибо сам сидит без пищи и ждет голодной

смерти. Св. Варлаамий по повелению божью сказал отшельнику: «Завтра же у тебя явится хлеб, молись богу», — и после этих слов скрылся. Отшельник остался в недоумении: как это незнакомый человек летом по болоту непроходимому хочет доставить ему хлеб? Да, наконец, как и сам-то человек к нему явился? Уж не дьявольское ли это наваждение? Но вот настает следующий день и, несмотря на то, что стояла середина лета, с неба начинает сыпать густой снег, его выпало по колено. Вскоре показался св. Варлаамий, едущий на санях с хлебом. Только тогда убедился благочестивый отшельник, что это была божья помощь. Вот с той-то поры «хрестьяне»-тулпанцы и празднуют св. Варлаамию и просят его, чтобы он летом не посылал снегу, а приходил бы без него с хлебом и милостью божией...

Укоренившаяся вера в пришествие антихриста и желание спастись от его «прелестей» нередко заставляют добрых «хрестьян» предавать себя и своих близких смерти или, как они выражаются, «принять мученический венец».

Вот несколько красноречивых фактов, обрисовывающих степень изуверства, до которого доводит фанатизм «последних подлиповцев».

В 1881 году семейство крестьянина деревни Петрецовой Семена Терентьева Собянина, начитавшись и наслушавшись старинных духовных книг и желая спастись от прелестей сатанинских, удалилось в парму, «в пустыню» и поселилось в самом глухом углу пармы по

р. Пойвожу, в его верховьях. Всех отшельников было три человека: отец, мать и сын. Отец был одним из наиболее фанатичных начетчиков. Ему недостаточным казалось для спасения души жить вдали от людей, и он начал уговаривать жену и сына принять «мученический венец». Глухая парма, отсутствие людей, мрачная проповедь старика сильно наэлектризовали несчастных, и они согласились быть сожженными. Старик связал их, натаскал в избу горючего материала и поджег ее. Мать и сын сгорели. Сам же он себя умерил голодом.

В том же году крестьянин Иван Бодрцов обернул себя берестом и бросился в пылающий костер, где и получил желаемый «венец».

В одно время с крестьянином Семеном Собяниным удалился в пустыню, также с семейством, крестьянин Григорий Евдокимов Плотников. И его Семен Собянин уговаривал принять «мученический венец». Но трагическая кончина семейства Собянина навела на Плотникова панический страх, и он бежал из этого страшного места и поселился на северо-востоке от верховьев Печоры у подножия Урала в непроходимой парме, совершенно изолированной от всего мира. Он впоследствии передавал, что жутко ему там приходилось. Олени без всякой боязни подходили к его лачуге и чесались об углы избы. Нередко появлялись и медведи. Место было в высшей степени мрачное, и, наконец, он не выдержал и со всем семейством явился «в мир» и поселился на Унье,

вблизи деревни Бердыша. Слава о нем как о хорошем начетчике распространилась по всему верховью, и много ходило к нему людей послушать от св. писания, которое он толковал по-своему, т. е. проповедовал о царстве антихриста и о том, что спасение можно обрести лишь в мученической смерти или в подвижнической жизни в пустыне! Умер он летом 1898 года. Рассказывают, что он съел какие-то корни и хотел переправиться в лодке через Унью, как вдруг с ним случились судороги и он моментально скончался.

У крестьянина Ивана Русинова была сестра. Она захворала очень тяжело: Дело было поздней осенью; уже валился снег и по Колве плыл лед. Родные были уверены, что она умрет, а потому, как добрые «хрестьяне», решили очистить ее от мерзостей греховных и трижды окунули в холодную воду. А так как после крещения человек считается святым, то его не вводят в жилой дом, где он может вновь оскверниться от одного присутствия среди грешников. Сестру Русинова на этом основании положили в пустой амбар и двери заперли. Несчастливая после «крещения» была в беспамятстве. Настала ночь холодная, осенняя. Русинова очнулась и, собрав свои последние силы, доползла до дверей амбара и начала стонать. Некоторые «хрестьяне» услышали стоны, но старцы и старухи, по настоянию которых она была окрещена, не велели никому подходить к амбару, чтобы не осквернить ее. И, несмотря на усиливающиеся стоны, никто не посмел навлечь на себя гнева

начетчиков. Несчастливая жертва фанатизма к утру скончалась.

Одну женщину бросил муж и «женился» на другой. У женщины было несколько детей. Прокормить их она была не в состоянии и решила за лучшее избавиться от них и в то же время совершить дело, угодное богу. Она сначала пробовала заморить их голодом. Несчастливые дети, страшно истомленные, сидя в своей избе, умоляли мать и проходящих мимо дать им хоть кусочек хлеба и капельку воды. Но раскольники, желая доставить детям вечное блаженство, оставались глухи к их воплям. Все-таки мать убоялась, что кто-нибудь сжалятся над ее детьми, и потому заколотила наружные ставни, а двери заперла на висячий замок и сама поселилась в другой избе. Прошло несколько дней. Всякие стоны прекратились. Тогда мать решила взглянуть на дело рук своих. Ужасная картина представилась перед ее глазами: несчастные малютки расползлись по избе в разные стороны и еще дышали. Ужас напал на преступную мать. Она попробовала давать им пищу, но дети уже не принимали ее, и их рвало. В отчаянии мать собрала солому и подожгла избу вместе со своими детьми... В настоящее время женщина эта беспечно проживает с другим мужем и обзавелась новыми детьми...

Но довольно этих ужасов. Неужели же все это правда и происходит в наше время? Вот вопрос, который вправе задать читатель. Да, к несчастью, это правда и эти ужасы творятся в наше время. Чердынская администрация ни-

чего об этих вещах не знает да и знать не может, так как тулпанский край слишком изолирован от всего мира. В тулпанском волостном правлении даже нет верных цифр относительно народонаселения. Да и как достать эти цифры, когда число лиц, укрывающихся в скитах, совершенно неизвестно? И в деревнях-то трудно вести статистику: люди не венчаются, младенцев не крестят и волостное начальство только по слухам может заносить имена вновь родившихся в свои книги, и нет ничего мудреного, что многие ускользают из-под надзора.

Приведенные мною факты не единственны, и нередко в Тулпанской и даже Корепинской волостях случаются необъяснимые исчезновения людей, особенно стариков. При мне писарь села Корепина передавал, что старый крестьянин деревни Раската на днях исчез самым странным образом. Он был очень стар, плохо видел и предчувствовал скорую смерть. Даже в Корепинской волости некоторые старики предпочитают голодную смерть где-нибудь в лесной труппе. Старика этого ходили при мне искать в соседней парме, но безуспешно. Все убеждены, что он принял «мученический венец».

Но все же надо заметить, что случаи дикого изуверства нынче весьма редки. Культура начинает проникать и в этот дикий край... Меры строгости и нетерпимость лишь сильнее разожгут дикий фанатизм и окончательно сделают невозможным восприятие истины. История всех народов и всех веков красноре-

чиво говорит человечеству, к чему ведет нетерпимость и строгость в религиозных вопросах... Между тем кротость и братское отношение к ближнему делают чудеса. Пример корепинского священника о. Алексея Чечулина может служить ярким доказательством, каких благодетельных результатов может достигнуть истинно религиозный и кроткий пастырь...

Большую услугу в деле просвещения последних подлиповцев окажет и народная школа. Чердынское земство, всегда добросовестно и рачительно относящееся к великому делу народного образования, основало с осени 1899 года земскую школу в деревне Юзиме, в 7 верстах от Тулпана. Нельзя от души не приветствовать это благое начинание. По всем вероятностям школе этой суждено играть большую роль в насаждении здравых понятий о жизни и ее явлениях среди диких теперь тулпанцев. Конечно, земство не остановится на одной только школе, а раскинет их в недалеком будущем и по всей обширной «парме».

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ *Даниил паломник* — игумен Черниговской земли, путешественник, автор «Хождения Даниила Русьская земли игумена» (начало XII века, впервые было издано в 1864 г.). Подробно описана Палестина и страны, лежащие на пути к ней. Вплоть до XVII века «Хождения» считались образцом для описания чужих земель.

Никитин Афанасий (? — 1472) — тверской купец, путешественник. В 1466—72 гг. побывал в Персии, Индии, Африке, Аравии, Турции. Написанные им по следам путешествий «Хождения за три моря» — ценный литературно-исторический памятник.

² *Паустовский К. Г.* Коротко о себе // Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. — М., 1959. — Т. 2. — С. 214.

³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. — Т. 4. Статьи и рецензии 1856—1857 / Под ред. Б. П. Козьмина. — М., 1948. — С. 222.

⁴ См. *Маслова Н. М.* Путевые записки как публицистическая форма. — М.: Изд-во МГУ, 1977; *Маслова Н. М.* Путевой очерк: Проблемы жанра. — М.: Знание, 1980.

⁵ *Лепехин И. И.* (1740—1802) — русский путешественник и натуралист, академик Петербургской Академии наук (1771 г.). Руководил экспедицией Академии наук 1768—1772 гг. в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Основной труд — «Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина».

Рычков П. И. (1712—1777) — русский историк, экономист, член-корр. Петербургской Академии наук (1759).

Известны его труды по археологии, геологии, этнографии и истории Поволжья, Урала и Прикаспия.

Фальк И. П. (1727—1774) — шведский естествоиспытатель и историк, исследователь Урала. В книге «Полное собрание ученых путешествий по России», в томе 6 (Спб., 1824), где описано «Путешествие от Санкт-Петербурга до Томска», есть глава «Пермь».

Вагнер Н. П. (1829—1907) — зоолог, этнограф, писатель, профессор Казанского и Петербургского университетов. Во втором выпуске «Пермского сборника» (1860 г.) опубликован отрывок из его путевых заметок «От Чердыни до Ныроба», написанных по следам поездки по Чердынскому уезду в 1857 г.

Герцен А. И. (1812—1870) — знаменитый русский писатель, философ, революционер, издатель. В 1835 г. был отправлен в ссылку в Пермь. Хотя он пробыл здесь немногим более двух недель, пермские впечатления нашли отражение в ряде его произведений: «<Часов в восемь навестил меня...>», «Вторая встреча», «Записки одного молодого человека», «Былое и думы» и других.

Мельников П. И. (Андрей Печерский) (1818—1883) — известный русский писатель. Вскоре после окончания Казанского университета за вольные высказывания был сослан в Пермь, где в 1837—39 гг. преподавал в мужской гимназии историю и статистику. Много путешествовал по губернии, результатом чего явились его «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», печатавшиеся в журнале «Отечественные записки» в 1839—42 гг. Подробно и интересно описаны Пермь и губерния.

Брем Альфред Эдмунд (1829—1884) — немецкий зоолог, автор книги «Жизнь животных». В 1880 г. в 1 томе журнала «Природа и охота» был напечатан его отчет о работе экспедиции, организованной немецким научным обществом в 1876 г., — «Путешествие в Западную Сибирь». Есть материал о Перми.

Левитов И. С. (? — ?) — сибирский писатель, этнограф. В очерках «От Москвы до Томска», напечатанных в журнале «Русская мысль» за 1883 г. (кн. 7), описал, в частности, свою поездку на пароходе от Казани до Перми и г. Пермь.

Решетников Ф. М. (1841—1871) — писатель-демократ, автор таких произведений, как «Подлиповцы», «Ставленник», «Между людьми», «Горнорабочие» и др. Большую часть жизни прожил в Перми и Пермской губернии, почти все его произведения написаны на уральском материале.

Успенский Г. И. (1843—1902) — знаменитый русский писатель, творчество которого проникнуто демократическими, революционно-народническими идеями. Им написаны были путевые заметки «Поездки к переселенцам. От Казани до Томска», где описан и наш край.

Небольсин П. И. (1817—1893) — историк, этнограф. В «Отечественных записках» за 1849 г. печатались его «Записки на пути из Петербурга в Барнаул», где есть описание Перми и Пермской губернии. В 1854 г. в Петербурге его очерки о быте башкир, киргизов, калмыков, уральских казаков и др., напечатанные ранее в разных журналах, вышли отдельным изданием под заглавием «Рассказы проезжего».

Немирович-Данченко В. И. (1848/49 — 1936) — русский писатель, журналист, брат знаменитого театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. В 1875 г. побывал в Прикамье и подробно описал его в книге очерков «Кама и Урал», не утратившей интереса для читателей до сих пор.

Короленко В. Г. (1853—1921) — известный русский писатель. С сентября 1880 по август 1881 г. находился в ссылке в Перми. Довольно подробно рассказал об этом в автобиографическом произведении «История моего современника». На пермском материале им написан ряд произведений, прежде всего повесть «Табельщик».

Менделеев Д. И. (1834—1907) — великий русский химик, разносторонний ученый, педагог, прогрессивный общественный деятель, автор более 500 печатных научных трудов, в том числе классических «Основ химии». Открыл (1869) периодический закон химических элементов — один из основных законов естествознания. Начиная с 1857 г. неоднократно в своих трудах обращался к изучению природы, геологии и горнозаводского дела Урала. В 1899 г. под его руководством была ор-

ганизована научная экспедиция на Урал, результатом которой явился подробный отчет, изданный в Петербурге в 1900 г., — «Уральская железная промышленность в 1899 году». Описал Д. И. Менделеев и г. Пермь.

⁶ *Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири.* — М., 1977. — С. 14.

⁷ См. *Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири.* — М., 1977. — С. 65—114; *Татаринцев А. Г. Кунгурские встречи Радищева* // Урал, 1969. — № 7. — С. 160—168; *Татаринцев А. Г. Пермские знакомые А. Н. Радищева* // Русская литература, 1976. — № 1. — С. 113—123; *Татаринцев А. Г. По дороге в Сибирь (А. Н. Радищев в Перми)* // Звезда. — 1977. — 7 сент. и др.

⁸ *Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем* / Под ред. М. К. Лемке. — Т. 12. — С. 333.

⁹ *Герцен А. И. Былое и думы.* — М., 1969. — С. 197.

¹⁰ *Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.* — М., 1961. — Т. 21. — С. 42.

¹¹ *Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.* — Т. 2. — С. 717—723.

¹² Правда. — 1912. — 3 нояб.

¹³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* — Т. 3. — С. 488.

¹⁴ *Стариков В. Д. Д. Н. Мамин-Сибиряк* // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1980. — Т. 1. — С. 12.

¹⁵ *Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность, творчество.* — Свердловск, 1977. — С. 48.

¹⁶ *Телешов Н. Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом.* — М., 1966. — С. 74.

А. Н. РАДИЩЕВ

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ СИБИРИ

Печатаются по тексту Полного собрания сочинений А. Н. Радищева (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 3).

Возможно, сохранились не полностью, кроме того, в копии, сделанной лицом, не особенно осведомленным, —

отсюда некоторые неточности и более поздние исправления текста.

«Записки» впервые опубликованы В. В. Каллашом в «Известиях» отделения русского языка и словесности Академии наук» (1906. — Т. 11, кн. 4. — С. 379—399), «Дневник» — им же во втором томе Полного собрания сочинений А. Н. Радищева (1907 г.).

В рукописи путевые заметки Радищева не озаглавлены, названия их условны, даны авторами публикаций, встречаются разночтения.

¹ Заметки об Оханске очень беглы, записаны они позднее — уже в Перми. Прибыл Радищев в Оханск 17 ноября 1790 г. вечером, а утром 18-го уже выехал из него. Здесь он должен был встретиться с городничим секунд-майором Н. И. Маматказиным и исправником А. Грумилиным.

² В Перми Радищев пробыл десять дней, с 18 по 28 ноября. Надзор за Радищевым в Перми осуществлял городничий секунд-майор С. Н. Смирнов.

³ Комментарий к Полному собранию сочинений Радищева (М.; Л., 1952), не ссылаясь на какой-нибудь словарь, дает толкование этому слову как «темная». Думается, вернее дать толкование по словарю Даля: оследь, оследина — бревно (вятск.), т. е. отгородка, сделанная из бревен. На Урале из крепких бревен делали порою самые незначительные подсобные помещения и загородки.

⁴ В комментариях Полного собрания сочинений Радищева к Квинту Курцию дано такое пояснение: «Квинта Курция история о Александре Великом, царе Македонском... Перевел с латинского Степан Крашенинников, 2 части, СПб., 1750». Подтекст подобного пояснения ясен: сорок лет продают в далеком Кунгуре любопытную книгу и никак продать не могут. Между тем переиздания этой книги выходили в 1767—68 гг. и в 1787—88 гг. (см. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. — М., 1964 — Т. 2). В Кунгуре вполне могли продавать последнее, т. е. совсем новое издание.

⁵ Крайне странны комментарию вышеупомянутого Полного собрания сочинений Радищева к «Физиогномии»: «Физиогномия. Имеется в виду книга: «Физиог-

ном или Хиромантик совершенной или хиромантическое зеркало, открывающее таинственные секреты природы, как узнавать нравы и участь каждого, то есть щастие или нещастие человеческое и в каком роде жизни оно приключится, по членам человеческого тела, чертам лица и рук и прочим признакам, гравированными для ясности фигурами». — М., 1795. Как же могли продавать в 1790 г. в Кунгуре книгу, которая выйдет лишь в 1795 году? «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века» подсказывает нам, что это, скорее всего, было «Куриозное и краткое изъяснение любопытства достойных наук, физиогномии и хиромантии: перевод с немецкого с прибавлением и гравированными фигурами». Книга перепечатывалась довольно часто: в 1786, 1789, 1790 годах.

⁶ *Чугунник* (по Далю) — литой чугунный горшок для варки и других нужд, корчага.

⁷ *Кортом, кортомна* (по Далю) — наем, съем, прокат, аренда, оброк, откуп.

⁸ В Кунгуре Радищев пробыл с 28 ноября по 4 декабря 1790 г. Как пишет исследователь творчества Радищева А. Г. Татаринцев, говоря о Кунгуре, Радищев «словно бы изменил своему обычному правилу — давать скупые, сжатые, протокольно-перечислительные пометы и оживил повествование, сделав его более пространным и ярким в своей конкретности» (Радищев в Сибири. — М., 1977. — С. 96). Действительно, ни один город или населенный пункт не описан Радищевым так подробно и заинтересованно, как Кунгур. Видимо, повсюду в Кунгуре сопровождал Радищева недавно назначенный сюда городничим Б. И. Остермейер. Он и обратил внимание Радищева на все достопримечательности города.

⁹ Уездный город Екатеринбург, заложенный одновременно с Егошихинским заводом в 1723 году, во многих отношениях уже в конце XVIII века превосходил центр губернии — г. Пермь. Здесь проживало более четырех тысяч жителей, был один из крупнейших заводов — Верх-Исетский, единственное в Пермском наместничестве горное училище с 300 учащимися, монетный двор... К 1804 г., когда был составлен план г. Екатеринбурга, в нем насчитывалось 53 застроенных квартала

и 31 улица (см. Очерки истории Свердловска. — Свердловск, 1973).

¹⁰ Бесправный ссыльный, «государственный преступник», каждый шаг которого контролируется, Радищев тем не менее не может удержаться в своих записках от социальных оценок типа: «Язвы. Ходят в лохмотьях», «избы плохи», «расстояние столь дальнее делает заводские работы отяготительными» и т. п.

¹¹ Городничий — титулярный советник А. И. Булгаков.

¹² Очень любопытно упоминание А. Н. Радищева о язве сибирской. Это одно из доказательств того, как внимательно следил он в далеком Илимске за новой литературой, в частности медицинской. В середине 80-х годов XVIII века все чаще стали поступать в Сенат и Медицинскую коллегию сообщения о страшной болезни, уносящей в Сибири и на Урале людей и скот. Неизвестная ранее в этих краях, она стала настоящим бедствием. На Урал была направлена специальная комиссия, которая тщательно изучала болезнь. Лекарь С. С. Андреевский в сочинении, представленном в Медицинскую коллегию в 1788 году, подробно описал болезнь, впервые назвав ее «сибирской язвой», но его сочинение было похоронено на долгое время в архиве и увидело свет лишь в 1796 году. В 1790 г. в Тобольске вышла книга штаб-лекаря И. Петерсена «Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушною язвою» — в этой книге термин «сибирская язва» еще не фигурирует. В 1792 г. в Перми была напечатана книга штаб-лекаря М. Гамалея «О сибирской язве и о ея народном лечении», где уже упоминается термин, введенный Андреевским. Был ли знаком Радищев с пермской книгой? К сожалению, неизвестно. Но то, что он знал самые последние сведения об этой болезни, — очевидно.

¹³ *Бортъ* (по Далю) — дуплистое дерево, дуплистый пень; дупляк, в котором водятся пчелы.

¹⁴ Видимо, у городничего Кунгура Б. И. Остермейера, с которым Радищев познакомился по пути в Сибирь и который продолжал служить на прежнем месте в 1797 г., Радищев увидел копию своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

¹⁵ «...в доме И. Д.» — Ивана Даниловича Прянишникова. Радищев был знаком с Прянишниковым давно, возможно, они были земляками, в 1771—73 г. вместе служили в Сенате. В те же годы, что и Радищев, Прянишников участвовал в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». С 1781 по 85 г. Иван Данилович служил председателем Пермской гражданской палаты. Вначале в Перми Прянишников жил в доме вдовы Татьяны Кузнецовой на Набережной улице, затем приобрел собственный дом на улице Сибирской. Прянишников занимался литературной деятельностью, издал несколько своих сочинений, которые говорят о его патриотически-просветительских настроениях. Человек смелый, принципиальный, с независимым, оригинальным образом мыслей, он часто шел на столкновения с начальством. Дело дошло до суда. Тянулся он довольно долго. Оправданный И. Д. Прянишников был восстановлен на службе и назначен членом Комиссии составления законов почти в то же время, что и Радищев (Прянишников — 5 июня 1801 г., Радищев — 6 августа 1801 г.). В Комиссии они часто выступали как единомышленники.

А. И. ГЕРЦЕН

<ЧАСОВ В ВОСЕМЬ НАВЕСТИЛ МЕНЯ...>

Печатается по тексту собрания сочинений А. И. Герцена в тридцати томах (М.: Изд-во АН СССР, 1954. — Т. 1). Заглавие условно, дано по первой строчке сохранившегося отрывка.

Впервые это произведение Герцена было опубликовано в воспоминаниях Т. П. Пассек «Из дальних лет» (Спб., 1879. — Т. 2. — С. 33—40). Возможно, Пассек не просто сделала выписки из оказавшихся в ее руках ранних работ двоюродного брата, но и соладила вместе фрагменты из разных произведений, не оговорив этого.

М. К. Лемке в редактируемом им «Полном собрании сочинений и писем» А. И. Герцена напечатал это произведение под произвольным заглавием «Арест и высылка» (Пб., 1919. — Т. 1. — С. 180—186).

¹ Василий Васильевич Боголепов. В письме к Т. П. Кучиной (Пассек) от октября 1828 г. Герцен так охарактеризовал его: «Я вижу в Василии Васильевиче человека отличного, высокого, но увлеченного». И далее: «...Я смотрю на Василия Васильевича как на блестящий метеор, люблю его, слушаю et je passe outré*. Не настал еще час религии в душе моей». (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. — Пб., 1919. — Т. 1. — С. 29—30).

² Н. И. Сазонов.

³ Н. А. Захарьина.

⁴ 9 апреля, накануне отправки А. И. Герцена в ссылку, его в Крутицких казармах посетила двоюродная сестра Н. А. Захарьина. Добрые родственные отношения совершенно изменились после этой встречи. Наталья Александровна и Герцен считали, что их взаимная любовь родилась именно в этот день.

⁵ Терентьич — солдат Филимонов, участник войны 1812 г. См. о нем в XI главе «Былого и дум».

⁶ Типографский шрифт, кегль (размер) которого равен 12 пунктам (4,51 мм).

⁷ Через меня идут в город скорби (итал.) Цитата из III песни «Ада» Данте.

⁸ *Sosед* — Иван Афанасьевич Оболенский. Закончил Московский университет в 1833 г., был арестован по одному делу с Герценом, находился в заключении, как и Герцен, в Крутицких казармах (остальные арестованные содержались в других местах). Оболенский был сослан в Вятку, но так как в Перми жил родственник Оболенского — председатель уголовной палаты А. И. Девилье (в документах встречаются разные написания этой фамилии: Девилье, Деволлий, Девеллий, Деволейе), отец Оболенского выхлопотал, чтобы его сын и Герцен поменялись местами. 28 апреля 1835 г. Герцен прибыл в Пермь, думая, как писал он, «годы прожить в печальном городе» (Собр. соч.: В 30 т. — Т. 21. — С. 193), а вскоре пришлось перебираться в Вятку. Оболенский приехал в Пермь 11 мая. Губернатор Селастенник пытался не допустить нежелательной встречи и приказал Герцену выехать на другой же день. Герцен просил

---

* и прохожу мимо (*фр.*).

разрешения остаться еще на двое суток, чтобы хотя бы за полцены продать купленные в Перми вещи, дав слово не видеться с товарищем. Но все-таки они виделись. Герцен писал друзьям Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру 18 июля 1835 г. (уже из Вятки): «В Перми я видел Оболенского, дай бог ему здоровье!» (Собр. соч.: В 30 т. — Т. 21. — С. 46).

⁹ С некоторыми изменениями Герцен передает текст письма к Н. А. Захарьиной от 10 апреля 1835 г.

¹⁰ А. К. Лахтин. Он не был арестован, ссылка его в Саратов оказалась для него полной неожиданностью.

¹¹ С Герценом в ссылку ехал его камердинер Петр Федорович.

¹² Сопровождал Герцена до самой Перми жандарм Е. Васильев, сдавший его с рук на руки местному начальству.

¹³ Владимир.

¹⁴ Н. О<гаре>в, высланный из Москвы 9 апреля 1835 г. (фр.). Н. П. Огарев был выслан в Пензенскую губернию в имение отца Старое Акшено.

¹⁵ Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон (итал.).

Пер. М. Лозинский.

¹⁶ Герб Пермской губернии. Сравните эти строки с текстом письма, посланным Н. А. Захарьиной уже из Вятки 6—12 июня 1835 года: «Говоря о Перми, я вспомнил следующий случай на дороге: где-то проезжая в Пермской губернии, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна; на рассвете я уснул крепким сном, вдруг множество голосов и сильные звуки железа меня разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь; эти ужасные лица, этот ужасный звук, и резкое освещение рассвета, и холодный утренний ветер — все это наполнило таким холодом и ужасом мою душу, что я с трепетом отвернулся — вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 21. — С. 42).

¹⁷ Герцен пробыл в Перми с 28 апреля по 14 мая 1835 г.

¹⁸ Гавриил Корнеевич Селастенник занял эту должность в 1831 году, сменив К. Тюфяева. Вскоре после

отъезда Герцена в Вятку был уволен от должности и предан суду Сената — за нерешительность в подавлении крестьянского бунта.

¹⁹ Герцен прибыл в Вятку 19 мая 1835 г.

Е. А. ВЕРДЕРЕВСКИЙ
ОТ ЗАУРАЛЬЯ ДО ЗАКАВКАЗЬЯ,
юмористические, сентиментальные
и практические письма с дороги

Печатается по тексту: Вердеревский Е. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. — М.: Тип. В. Готье, 1857. — 245 с. Произведение не переиздавалось.

¹ Имеются в виду книги П. И. Небольсина «Рассказы проезжего» и М. В. Авдеева «Письма о поездке на кумыс».

² Коломенки — речные суда, поднимающие от 7 до 12 тыс. пудов.

³ Вергилий мой... *Вергилий Марон Публий* (70—19 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт, автор «Энеиды». Данте Алигьери (1265—1321) в «Божественной комедии» вывел Вергилия своим проводником через Ад и Чистилище к Земному Раю.

⁴ *Казак Луганский* — псевдоним В. И. Даля (1801—1872), русского писателя, лексикографа, этнографа.

⁵ *Гумбольдт* (Humboldt) *Александр* (1769—1859) — нем. естествоиспытатель, географ и путешественник, иностр. почетный член Петербургской Академии наук (1818). Исследовал природу различных стран Европы, Центральной и Южной Америки, Урала, Сибири. Екатеринбург посетил в 1829 г. См. кн.: Гумбольдт А., Эренберг С., Розе Г. Путешествие по Уралу в 1829 г. — Ч. 1 / Пер. с нем. и доп. примеч. Н. Чупина. — Екатеринбург, 1873. — XII, 23 с.

⁶ Lapis-lazzuli — ляпис лазурь, лазурит — красивый синий минерал, ценный поделочный камень.

⁷ Из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России». Цитировано не совсем точно. Нужно:

«...От Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды».

⁸ У А. С. Грибоедова в «Горе от ума» реплика Фамусова звучит: «...в глушь, в Саратов!»

⁹ *Сандо Леонард Сильвен Жюль* (1811—1883) — французский писатель, с 1858 г. — член французской академии. Был близким другом Жорж Санд (она обязана ему своим псевдонимом), в соавторстве с ней написал свой первый роман «Роз и Бланш». Автор многочисленных романов. Наиболее известные из них: «Марианна», «Наследство», «Скала чаек» и другие. Пытался приспособить принципы романтизма к требованиям буржуазной морали. *Бернар, Шарль* (1804—1850) — французский писатель.

¹⁰ Имеются в виду «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П. И. Мельникова (А. Печерского). В 1839—1842 гг. печатались в журнале «Отечественные записки». Мельников-Печерский подробно описал в них Пермь и Пермскую губернию.

¹¹ *Горлов И. Я.* (1814—1890) — профессор политэкономии и статистики Казанского, затем С.-Петербургского университетов. Сотрудничал в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Трудах вольного экономического общества». Автор программ и учебников: «Теории финансов», «Начала политической экономии», таких сочинений, как: «Статистические очерки Северного Американского Союза», «Описание Тагильского горного округа» и других. Сочетал крепостнические идеи с теориями буржуазной политической экономии.

¹² В «Рассказах проезжего».

¹³ *Авдеев М. В.* (1821—1876) — русский писатель, сотрудничал в журналах «Современник», «Дело». Известностью пользовались его романы «Тамарин», «Подводный камень» и другие. Подражая Лермонтову и Тургеневу, пытался дать портрет «лишнего» человека и показать трагическую судьбу женщины в дворянском обществе. В более поздних романах (например, в романе «Меж двух огней») выступал против передовых идей 60-х годов.

¹⁴ *Григорович Д. В.* (1822—1899) — известный русский писатель, автор таких произведений, как повести «Деревня», «Антон-Горемыка», «Гуттаперчевый маль-

чик», романов «Рыбаки», «Переселенцы». Оставил интересные «Литературные воспоминания».

¹⁵ *Дружинин А. В.* (1824—1864) — известный русский писатель. Сотрудник журнала «Современник». В начале творчества был близок к реалистическим традициям натуральной школы (повесть «Полинька Сакс»), позднее выступал против идей В. Г. Белинского, ратовал за «чистое» искусство.

¹⁶ Пароход «Стрела» начал плавать по Каме в навигацию 1851 г. (см. «Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишере с Колвой». — Пермь, 1911. — С. 27.).

¹⁷ Как и «Стрела», «Заря» и «Камышин» начали плавать по Каме в навигацию 1851 года (см. «Иллюстрированный путеводитель по реке Каме...»).

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ

ГЛУХИЕ МЕСТА

Из дорожных заметок

Печатается по тексту Полного собрания сочинений Ф. М. Решетникова, вышедшего под редакцией И. И. Векслера (Свердловск: Огиз — Свердловскгиз, 1937. — Т. 2). Видимо, первоначально очерк назывался «Забитые места» (см. указ. соч. — Т. 1. — С. 382). Впервые был напечатан в журнале «Будильник» в 1866 г. Вошел в первое издание собрания сочинений Решетникова в 1869 г. (Т. 2).

Решетников посетил родные места летом 1865 г. Побывал в Перми, Чердыни, Соликамске, Екатеринбурге. Главной целью поездки был сбор материала для романа «Горнорабочие». Серия путевых очерков складывалась попутно, как результат разнообразных дорожных впечатлений.

¹ г. Р. — город Пермь.

² Ф. М. Решетников уволился из Пермской казенной палаты в июле 1863 года, а 3 августа уже числился на службе в Петербурге.

³ Звездочками обозначена Пермская казенная палата. Суть истории с библиотекой такова. В марте 1861 г. по предложению председателя Пермской казенной палаты А. А. Толмачева была организована библиотека для ее служащих. Избрали для управления библиотекой особый совет, библиотекаря, его помощников. Выписали произведения В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других популярных авторов, наиболее передовые журналы того времени: «Современник», «Русское слово», «Искру» и т. д. Решетников написал и опубликовал в газете «Пермские губернские ведомости» (1861. — № 52. — отд. неоф.) статью «Библиотека для чтения чиновников Пермской казенной палаты». В январе 1862 г. его избрали в совет библиотеки, в марте — кандидатом в помощники библиотекаря, в сентябре — помощником библиотекаря.

Но вскоре после отъезда Решетникова в Петербург библиотеку закрыли, а фонд ее передали в городскую публичную библиотеку. В связи с наступившей реакцией такая же участь постигла и другие библиотеки города. Все началось с закрытия 23 мая 1862 г. знаменитой библиотеки А. И. Иконникова, сочетавшей легальные и нелегальные формы работы (в связи с начавшимся следствием по делу революционно-демократического кружка А. И. Иконникова). После доноса в III отделение 14 августа 1863 г. была закрыта библиотека Ф. В. Ливанова.

⁴ *Аллегри* (итал. *allegri*) — лотерея, в которой розыгрыш производится немедленно после покупки билета.

⁵ Ч. — Чердынь. И. — Усолье (или Новое Усолье).

⁶ С. — Соликамск. В Чердыни Решетников останавливался у своего родственника П. А. Алалыкина, в Соликамске — у В. В. Решетникова.

⁷ *Заплот* (по Далю) — забор.

⁸ *Изгребные рубахи* (по Далю) — изгребной — холст, изгребная пряжа — сотканная, выпряденная из оческов, изгребей.

⁹ Р-ская губерния — Пермская губерния. Чердынь расположена на берегу реки Колвы.

¹⁰ «Сын Отечества» (1862—1901) — ежедневная политическая, литературная и научная газета, издавалась

в Петербурге. Первая дешевая газета, рассчитанная на массового читателя. В 60—80-е годы умеренно либерально-буржуазный орган. «Воскресный досуг» (1863—1869) — еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге.

¹¹ Смотрителем Соликамского уездного училища был И. К. Анисимов. Вскоре после отъезда Решетникова из Соликамска один из знакомых писал ему: «Когда будете писать о Соликамске, сделайте заметку об уездном училище, в котором смотритель Анисимов не может до сих пор отвыкнуть от привычки наказывать мальчиков розгами» (Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. — Свердловск, 1937. — Т. 2. — С. 385).

¹² «Биржевые ведомости» (1861—1879) — ежедневная либерально-буржуазная, политическая, экономическая и литературная газета. Выходила в Петербурге. «Северная почта» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге с 1862 по 1868 г. Министерством внутренних дел. В 1869 г. преобразована в «Правительственный вестник».

¹³ Имеется в виду роман русского писателя А. Ф. Писемского (1821—1881) «Тысяча душ» (1858), остро ставивший проблемы разорения дворянства, продажности чиновничества и др.

¹⁴ Еще в 1864 году, приглашая племянника в гости, В. В. Решетников писал Федору Михайловичу: «Если бы ты побывал у нас в Соликамске, то наверное о здешней аристократии наведался и чудесную статейку мог отгиснуть, потому что здесь как чины, так и купцы из-за алтына — последние бесятся, а первые копают друг перед другом ямы. Более нужного ничего не находят». Как отмечал И. И. Векслер в комментариях к Полному собранию сочинений Решетникова, писателя привлекла не столько «аристократия», сколько «академия» — кружок соликамской интеллигенции, собиравшейся в доме местного чиновника Степанова. В очерке Решетников дает характеристику кружка явно ироническую. Векслер ссылаясь на биографию Решетникова, написанную Г. Десятовым, где о кружке и отношении к нему Решетникова говорилось несколько иначе: «Здесь собиралась вся наличная интеллигенция города и между разными обычными времяпровождениями шли разговоры и на

серьезные темы». «Ф. М. обычно садился в сторонке у окна и курил из трубочки прежнюю «крупку»... выпуская дым в растворенное окно. Не изменяя привычке, Ф. М. говорил и здесь мало. Выпустит, «процедит» сквозь зубы какое-нибудь замечание и опять замолкнет, усиленно потягивая из трубочки. Случалось, что и он увлекался, говорил оживленно и много. Это когда разговор касался излюбленной темы или писателей, которых он боготворил. Держал он себя очень скромно, застенчиво и постоянно стеснялся за себя, за свои угловатые манеры, за свою невоспитанность» (см. Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. — Свердловск, 1937. — Т. 2. — С. 384—385).

Вскоре после отъезда Решетникова «академия» прекратила свое существование. Ее «вице-президент», учитель соликамского уездного училища Шумов, был переведен в Пензу, Степанов с семейством переехал в Пермь.

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

ОТ УРАЛА ДО МОСКВЫ

Путевые заметки

Печатаются по изданию: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в 12 т. / Под ред. Е. А. Боголюбова. — Автобиографические произведения. Публицистика. — Свердловск, 1951. — Т. 12. — С. 131—227. Впервые очерки были опубликованы в газете «Русские ведомости» в октябре 1881 — феврале 1882 г. (последний, четырнадцатый, — «Казань, Нижний, Москва» появился на страницах газеты 11 февраля). До Великой Октябрьской социалистической революции не переиздавались. Лишь в 1947 г. часть очерков появилась в книге: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки, — изданной Свердловгизом тиражом всего в десять тысяч экземпляров, следовательно, очерки не стали известны широкому читателю. В собрании сочинений Д. Н. Мамин-Сибиряка в двенадцати

томах, вышедшем под редакцией Е. А. Боголюбова, очерки перепечатывались из газеты «Русские ведомости» с некоторыми сокращениями. Печатаются выборочно.

¹ *Трип* (по Далю) — шерстяной бархат.

Казинет (по Далю) — полушерстяная гладкая ткань.

² Имеется в виду государственное учреждение царской России — Кабинет его императорского величества, который управлял государственной казной и имуществом.

³ Верещагин П. П. родился в 1834 (или 36 г.) в Перми, учился в Академии художеств в Петербурге, с 1860 г. участвовал в художественных выставках. В 1877 г. удостоен звания академика за картину «Общий вид Севастополя в 1871 г.». В основном писал городские пейзажи. Автор многочисленных пейзажей Урала: «Вид реки Чусовой», «Камень Писаный», «Камень Красный» и других. Некоторые его работы хранятся в Пермской художественной галерее. Умер в 1886 г. в Петербурге.

⁴ «*Екатеринбургская неделя*» — первая частная газета Пермской губернии. Выходила с 1879 по 1896 г. в Екатеринбурге. Буржуазно-либеральная по своему характеру, она так сформулировала свою основную задачу: «Не разжигание страстей должно быть призванием печати, а проведение в обществе трезвых взглядов на жизнь, указание на способы мирной борьбы с неблагоприятными условиями нашей обстановки». Но время от времени в газете появлялись обличительные статьи — о тяжелом положении рабочих, крестьян. Печатала газета литературные произведения. В ней сотрудничали Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. А. Кирпищикова, Ф. Ф. Филлимонов и другие уральские писатели. Позднее, разочаровавшись в газете, Мамин-Сибиряк отошел от нее.

⁵ *Бунаков Н. Ф.* (1837—1904) — русский педагог, последователь К. Д. Ушинского, теоретик и практик начального обучения, методист, автор учебников и учебных пособий по русскому языку. Отстаивал идею всеобщего, бесплатного и обязательного обучения, требовал повышения общеобразовательного уровня народной школы и приближения ее к требованиям жизни. В 1873—83 и 1896—1901 гг. руководил в нескольких губерниях

учительскими съездами. Позднее ему запретили заниматься педагогической деятельностью, созданные им учебные заведения закрыли, а его сослали под надзор полиции.

⁶ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Забытая деревня».

⁷ *Штегер* (*штейгер*) — мастер, ведающий рудничными работами.

⁸ *Сиделец* — лавочник, торгующий в лавке от хозяина, по доверенности купца.

⁹ *Александрит* — минерал; при естественном освещении — изумрудно-зеленый, при искусственном — фиолетово-красный. Темноокрашенные прозрачные кристаллы свыше 2—3 каратов — драгоценные камни 1-го класса. *Изумруд* — камень, окрашенный в густой зеленый цвет. *Аметист* — камень 2-го класса, прозрачно-фиолетовая разновидность кварца, окраски часто неравномерной. *Хризолит* — прозрачный золотисто-зеленый камень, *шерл* — прозрачно-черный. Все эти драгоценные камни используются в ювелирных целях.

¹⁰ *Бойцы* — береговые утесы на горных реках Урала, опасные для судоходства и весеннего сплава.

¹¹ *Полукафтанье* — короткий кафтан (кафтан — русская старинная мужская долгополая верхняя одежда). *Зипун* — русский крестьянский кафтан из грубого, толстого сукна, обычно без ворота.

¹² Пароход «Березники» принадлежал пассажирскому пароходству И. И. Любимова. И. И. Любимов владел ранее лишь буксирными пароходами. Но в навигацию 1877 г. он «пустил рейсовать от Перми до Нижнего Новгорода прекрасные по устройству и удобствам для пассажиров пароходы «Екатеринбург» и «Березники» американского типа и, кроме того, пароходы обыкновенного устройства «Пермь» и «Кунгур»» (см. Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишеру с Колвой. — Пермь, 1911. — С. 30.).

¹³ Реплика Расплюева из пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» звучит так: «Была игра, — ну, уж могу сказать, была игра!..» (Сухово-Кобылин А. Пьесы // А. Грибоедов. Горе от ума. А. Сухово-Кобылин. Пьесы. А. Островский. Пьесы. — М., 1974. — С. 167).

Н. Д. ТЕЛЕШОВ
ЗА УРАЛ
Из скитаний по Западной Сибири
Очерки

Печатается по тексту: Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки. — М.: Т-во И. Сытина, 1897. Позднее произведение не переиздавалось, частично было пересказано в «Записках писателя». В данном сборнике перепечатываются лишь те очерки, где речь идет о Пермской губернии.

¹ О происхождении и значении слова «Пермь» и других местных географических названий см. книгу: Кривошекова-Гантман А. Откуда эти названия? — Пермь: Кн. изд-во, 1973. — 110 с.

² *Скуфья* (уменьш. *скуфейка*) — остроконечная бархатная черная или фиолетовая мягкая шапочка у православного духовенства.

Н. П. БЕЛДЫЦКИЙ
В ПАРМЕ

Очерки северной части
Чердынского уезда

Печатается по изданию: Белдыцкий Н. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Посвящается памяти Ф. М. Решетникова. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1901. — 127 с. Очерки, составившие эту книгу, ни до революции, ни в советское время не переиздавались. Книгу составили шесть очерков: I. Парма и ее обитатели. II. От Чердыни до Тулпана на «Обвинце». III. Тулпан. IV. От Тулпана до Дии. V. В скитах у пустынников. VI. Усть-Бердым. В данном сборнике перепечатаны лишь второй и третий.

¹ *Перебиры*, переборы — перекаты, поперечные гряды, на которых течение быстрее, а река мелководна.

² *Лузан* — род короткой безрукавой рубахи из войлока, сукна, холста и др., надеваемой поверх одежды для защиты от холода.

³ *Лонишный* (по Далю) — прошлогодний.

⁴ *Тресья* (по Далю) — лихорадка, трясушка.

⁵ *Бахилы* — рабочая обувь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь	33
А. И. Герцен. <Часов в восемь навестил меня...>	48
Е. А. Вердеревский. От Зауралья до Закавказья.	57
Ф. М. Решетников. Глухие места	130
Д. Н. Мамин-Сибиряк. От Урала до Москвы	162
Н. Д. Телешов. За Урал .	299
Н. П. Белдыцкий. В Парме	340
Комментарии	381

Литературные памятники Прикамья

В ПАРМЕ

Составитель *Н. Ф. Аверина*

Редактор *А. П. Лукашин*

Художественный редактор

С. П. Можяева

Технический редактор

В. И. Чувашов

Корректор *Г. Б. Черникова*

ИБ № 1658. Литературно-художественное издание.
Сдано в набор 03.12.87. Подписано в печать 18.05.88.
Формат 70×90^{1/32}. Бум. тетр. обл. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,62. Усл. кр.-отт. 14,92. Уч.-изд. л. 14,297. Тираж 15 000 экз. Заказ № 960. Цена 1 р. 40 к.
Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.